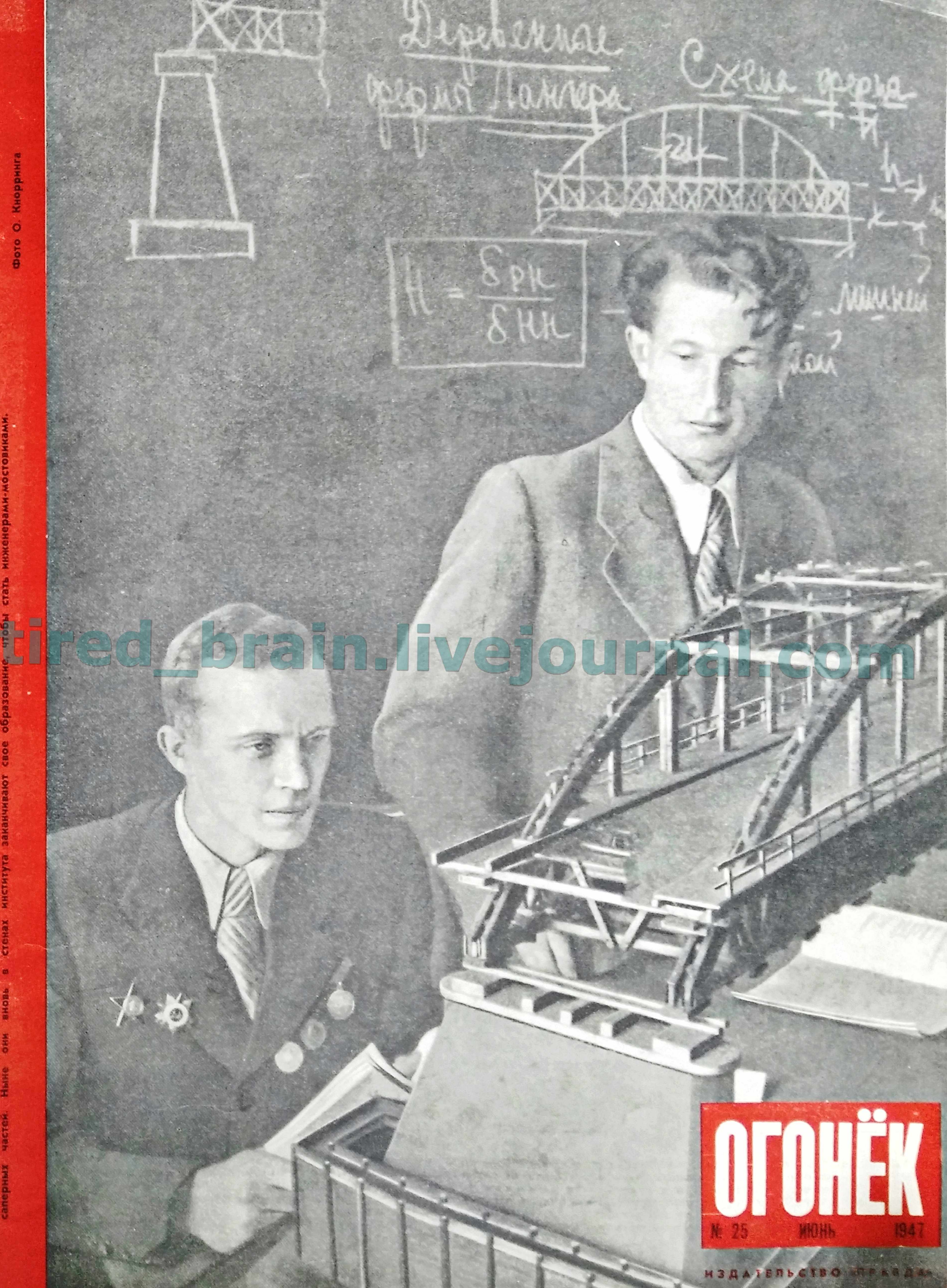

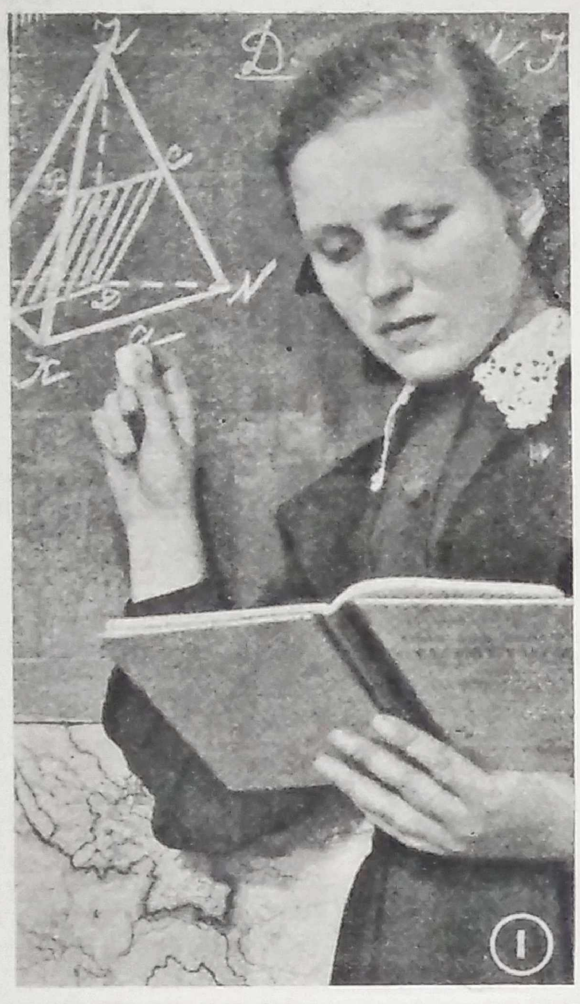
В. А. Фенютин и Б. П. Васильев, студенты Московского автодорожного института имени В. М. Молотова, во время войны были офицерами саперных частей. Ныне они вновь в стенах института заканчивают свое образование, чтобы стать инженерами-мостовиками.

Фото О. Кнорринга

ОГОНЁК

№ 25 ИЮНЬ 1947

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

130 детей школьного возраста, родители которых погибли в дни Великой Отечественной войны, живут в детском доме № 16 на Крымской площади в Москве. Все они учатся в средней школе и в свободное от учебы время занимаются в кружках авиамоделистов, юннатов, хореографическом... Ребята окружены заботой и вниманием. На снимках: 1. Комсомолка Ольга Шнырева живет в детском доме шестой год. Она учится в 9 классе. 2. Занятия хорового кружка. На переднем плане — солистка хора Тоня Демидова. 3. Воспитанница детдома Лена Сильванская. 4. Нина Гуськова занимается со своим младшим братом Володей. 5. Любители авиамоделизма конструируют модели планеров и самолетов. 6. Завхоз детдома А. И. Шкурина помогает девочкам в починке и утюжке одежды. 7. Маруся Терентьева и Люда Желвакова играют в мяч. После учебы можно и порезвиться...

Фото Н. Максимова

ОГОНЁК

№ 25 (1046) 22 июня 1947

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

25-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Герой Советского Союза С. Г. Мухортов, демобилизованный из Советской Армии, решил приобрести квалификацию фрезеровщика. Он поступил в механический цех 2-го шрифтолитейного завода (Москва) и упорно овладевает новой специальностью. На снимке: бывший фронтовик мастер цеха Н. И. Столяров наблюдает за работой С. Г. Мухортова.

Фото Дм. Бальтерманца

Моя первая и последняя боевые операции

Дважды Герой Советского Союза Маршал бронетанковых войск П. С. Рыбалко в годы Великой Отечественной войны возглавлял крупное танковое соединение. Под его командованием соединение прошло славный боевой путь от Дона через Днепр, Вислу и Одер до Берлина и Праги. Ниже мы публикуем беседу маршала с корреспондентом «Огонька» С. Каневским: в ней рассказано о первой боевой операции маршала на Дону и последней — в Чехословакии.

Маршал бронетанковых войск

П. С. РЫБАЛКО

Первая боевая операция, в которой я участвовал в качестве командира мощного танкового соединения, получила название Россошанской. Это было на Воронежском фронте в январе 1943 года.

Операция была проведена по замыслу и личным указаниям товарища Сталина. Верховное Главное Командование поставило нам задачу: во взаимодействии с общевойсковыми соединениями окружить и уничтожить Россошанско-Алексеевскую группировку противника на среднем течении Дона и освободить стратегически важные железные дороги, питавшие весь Сталинградский фронт.

По замыслу, времени и месту Россошанская операция была составной частью Сталинградской битвы.

Наше танковое соединение, прорвав сильную оборону противника, врезалось в глубину оборонительной полосы, разгромив штабы и тылы врага. Затем совместно с общевойсковыми соединениями мы замкнули кольцо вокруг крупной группировки противника. В результате нами были тогда полностью разгромлены три немецких, пять венгерских и три итальянских пехотных дивизии. Фашистские захватчики оставили на полях битвы до 70 тысяч трупов. 106 тысяч солдат и офицеров противника были взяты в плен только танкистами.

Наши танкисты и пехотинцы, воодушевленные стремлением выполнить задачу, поставленную товарищем Сталиным, проявили в боях под Россошью чудеса храбрости и выносливости, действуя суровой зимой, в январскую снежную пургу.

Россошанская операция, открыв путь нашим войскам на Украину, показала, на что способно мощное танковое соединение, какие задачи можно ему поручать. В последующем наш опыт получил широкое развитие и особенно ярко выявился в операциях, завершивших войну.

— Расскажите о вашей последней боевой операции.

— Признаться, я думал, что ожесточенная борьба на улицах Берлина будет последней операцией, которая выпала на долю моего танкового соединения. Танкисты, дравшиеся без сна и отдыха 17 суток под ряд на подступах к Берлину и в самом Берлине за каждый дом и перекресток, уже предвкушали вполне заслуженный отдых. Однако отдохнуть не удалось: маршал Советского Союза И. С. Конев отдал приказ моему соединению: совместно с соединением генерал-полковника Д. Д. Лелюшенко немедленно двинуться на Прагу. «12 мая быть в Праге», — гласил приказ. И, усталые, изнуренные утомительными переходами, танкисты на машинах, крепко поработавших в Берлинском сражении, стремительно ринулись навстречу новым испытаниям.

— Чем была вызвана необходимость этой операции, когда Берлин был уже взят и немецкая армия агонизировала?

— После падения Берлина в плен начали сдаваться вражеские войска лишь на севере Германии. Но так называемая группа «Митль», состоявшая из отборных головорезов «СС», под командованием генерал-фельдмаршала Шернера продолжала сопротивляться. В своем распоряжении Шернер имел 14 пехотных, 3 горно-стрелковых, 2 танковых и 1 моторизированную дивизии. Шернер не только оборонялся: он даже намеревался перейти в наступление, чтобы выручить окруженный и блокированный нами гарнизон в Бреславле. Однако советские войска вынудили Шернера отказаться от этого явно авантюрного плана. Под угрозой полного окружения Шернер решил, прикрываясь арьергардными боями, начать отход в Чехословакию на соединение с войсками генерал-полковника Велера. Он надеялся, что сумеет затянуть войну, пользуясь выгодными для обороны природными условиями Чехословакии и ее промышленными ресурсами. На Западе стояли англо-американские войска, но они мало тревожили Шернера. План Шернера в случае успеха затянул бы войну еще на некоторое время, причинив дружественной нам Чехословакии страшный урон.

Дважды Герой Советского Союза Маршал бронетанковых войск П. С. Рыбалко.

Фото Г. Вайля

Этого допустить мы не могли. Последнюю фашистскую гадину необходимо было уничтожить раньше, чем она заползет в новую нору. И вот, чтобы отрезать немцам пути отхода в Чехословакию, в тыл Шернеру от Берлина двинулась мощная лавина советских танков, которые еще только вчера штурмовали фашистскую столицу.

От Берлина до Праги более 350 километров. Путь прегражден горами, где подступы и перевалы очень удобно оборонять. Шернер выставил здесь свои танковые и лучшие пехотные дивизии.

Мы должны были упредить Шернера, ошеломить его одним могучим ударом, окружить и доконать. Надо было за несколько дней прорваться с боями через горы, совершить то, что, по мнению всех, казалось невозможным.

— В чем были основные трудности Пражской операции?

— Сам по себе марш танков в горах представляет немало технических трудностей: не выдержит мотор на крутом спуске или подъеме, малейшая ошибка механика-водителя — и танк свалится в пропасть. А в данном случае предстояло преодолеть горы на машинах, изрядно пострадавших в битвах, прошедших с боями путь от реки Нейссе до Берлина. Моторы на многих танках уже давно отработали гарантийное количество часов, которое считают предельным для сохранения их мощности.

Известно также, что горно-лесистая местность всегда усложняет боевые действия танков. Танки привязаны к дорогам, с которых очень часто невозможно свернуть из-за крутизны склонов. Движение в колоннах по узким горным дорогам замедлено. Встанет почему-либо головной танк — задержана вся колонна. Нередко в горах танки лишены возможности развернуться из походных колонн в боевой порядок.

Только зрелое мастерство позволило танкистам всю эту колоссальную работу проделать в рекордный срок. Здесь снова сказались организаторские способности советских офицеров и генералов, сказалась упорная воля к победе всех наших танкистов.

— Когда началось наступление на Прагу?

— Утром 6 мая. Переправившись через Эльбу, танки стремительным ударом прорвали оборону противника. Через несколько часов они уже перерезали важнейшее стратегическое шоссе Дрезден — Лейпциг.

К вечеру 6 мая вышедшие за Дрезденское шоссе танковые части встретили упорное сопротивление. Командование группы «Митль», вы-

слало наперерез нашим танкам сильные подвижные резервы. Из засад стреляли немецкие «тигры» и самоходные орудия. Противник непрерывно подбрасывал свежие подкрепления на бронетранспортерах и автомобилях. Появилась в значительном количестве тяжелая и зенитная артиллерия, ставшая в противотанковые засады на перекрестках дорог и у въездов в населенные пункты.

Сопротивление нарастало. Особенно это чувствовали танкисты на левом крыле, шедшие в непосредственной близости к Дрездену. На протяжении всего пути они вели напряженную борьбу. Немцы с отчаянием отстаивали дороги к Рудным горам.

Высота Рудных гор не превышает 1250 метров, но дороги здесь для наступления очень неудобные: узкие, извилистые, проложенные на крутых склонах. На такой местности наши танки могли потерять темп, необходимый для операции, если бы они не опередили противника, заняв перевалы раньше, чем он успел опомниться от смелого удара в лоб. Как и всегда в горно-лесистой местности, успех во многом решили дерзкая инициатива командиров мелких танковых подразделений и отвага экипажей. Бой в предгорье носил характер яростных скоротечных схваток отдельных танковых групп с противником, устроившим засады в самых неожиданных и выгодных для себя местах.

— Когда ваше соединение проникло в глубь Рудных гор?

— Это было в ночь на 8 мая. Немцы, оборонявшиеся западнее Дрездена, получили удар во фланг от вышедшего к Эльбе с востока танкового соединения генерал-лейтенанта П. П. Полубоярова. Мы использовали все: замешательство противника, возможность обходного маневра и ночную темноту. Под покровом ночи танки на предельной скорости помчались к перевалам Рудных гор. Дорог был каждый час, каждая минута. Удар по Праге нужно было наносить одновременно обоим соединениям. Для нашего соединения это означало, что необходимо еще ускорить темпы движения.

В несколько часов наши танки преодолели предгорье. На фоне ночного неба смутно вырисовывались вершины гор. Где-то западней вспыхивали огни орудийных выстрелов, окрашивавших нависшие облака в багровый цвет. Это соединение генерал-полковника Лелюшенко вело бой за перевалы.

Настал критический момент: танки устремились на штурм высот.

— Как протекали бои в Рудных горах?

— Убегая от наших передовых отрядов, немцы взрывали мосты. Танкисты в темноте искали и находили броды через горные реки. По пояс в воде люди таскали камни и бревна, подрывали крутые берега, чтобы сделать их доступными для танков. Вытаскивали на руках буксовавшие автомашины. И вот, вопреки всем препятствиям, головной отряд нашего соединения утром 8 мая взобрался на перевал, поровнявшись со своим соседом справа.

Однако занять перевалы еще не означало преодолеть Рудные горы. Вскоре это испытали оба танковых соединения.

Дело в том, что южные склоны Рудных гор чрезвычайно резко обрываются к чехословацкой равнине. Немцы, отлично учитывая эту особенность, заранее подготовили противотанковую оборону на спусках с перевалов. Каменные завалы через каждые 80—100 метров, надолбы и фугасы делали непроходимой и без того трудную дорогу. Особенно много немцы построили каменно-земляных заборов в местах, где дорога проходит по узким карнизам над обрывами. Саперы, сопровождавшие танки, не всегда имели возможность и время разбирать эти преграды под огнем противника. А взрывать их было опасно: дорога могла обвалиться вместе с карнизом. И вот здесь наши водители во всем блеске показали свое искусство: они заставляли машины переползать через заграждения, нависшие над обрывами.

Трудно поверить, чтобы в столь тяжелых боевых условиях удалось так быстро провести через горы множество танков, колонны которых растягивались на 30—40 километров. В этом замечательном походе славу танкистов по праву разделили саперы, бесстрашно работавшие впереди машин.

— Когда же ваши танки вышли на оперативный простор и как сложилась общая оперативная обстановка в Чехословакии?

— Днем 8 мая танки вырвались на широкую равнину, пересеченную реками Огрже и Влтава. На их берегах противник спешно строил оборону. Это была еще одна, абсолютно безнадежная, затея. Разве могли эти реки задержать героев Днепра, Буга, Вислы и Одера?!

В тот же день наши танковые соединения устремились непосредственно к Праге, обтекая ее с северо-востока и северо-запада. Части генерал-лейтенанта В. А. Митрофанова отрезали врагу пути отхода от города. Ранним утром 9 мая с севера к окрэинам столицы Чехословакии подоспел передовой отряд генерал-майора И. Г. Зиберова. С северо-запада в Прагу ворвались части генерал-полковника Лелюшенко.

В то же время с юго-востока от города Брно, сломив ожесточенное сопротивление немцев, устремились к южным окраинам Праги танки генера-полковника А. Г. Кравченко. Надо отдать должное танкистам генерала Кравченко: темп их наступления вызывает самое искреннее восхищение.

— Было ли вам известно положение в Праге в то время?

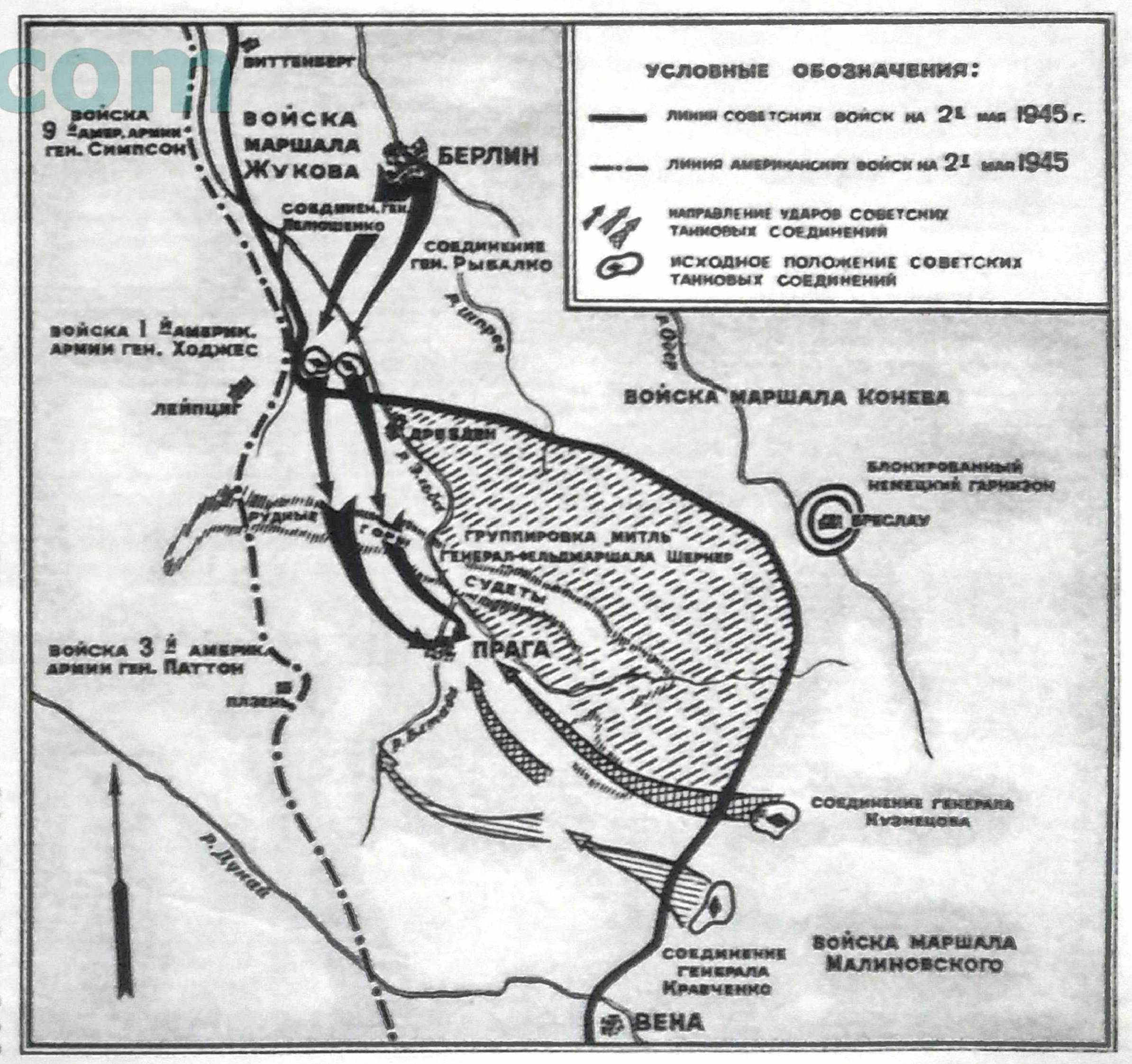
— Да, мы были хорошо информированы о событиях в городе и потому в ночь на 9 мая усилили натиск. Обстановка в Праге накалялась с каждым часом все сильней и сильней. Немцы свирепо расправлялись с беззащитным населением. В Панкраце — одном из районов Праги — фашисты бросали гранаты в подвалы, где укрывались старики, женщины и дети, «прошивали» окна и двери очередями из автоматов. В другом районе немцы захватили так называемый «Людовый дом» — бастион рабочего движения Праги. Немцы расстреляли каждого пятого из находившихся в это время в «Людовом доме» чехов, а остальных забрали в заложники. Штурмуя пражские баррикады, немцы выстраивали заложников впереди себя.

На рассвете 9 мая в треск автоматов и пулеметов на улицах Праги ворвались новые грозные звуки: лязг гусениц и рокот моторов. В город со стороны германской столицы врывались танки. Сердца пражцев сжались в тревоге: неужели фашистские «тигры»? Ведь русские, думали они, еще ведут бои где-то у Дрездена и в Карпатах!

Однако дикая паника среди немцев рассеяла страх и сомнения жителей Праги: то мчались советские танки. Потоком, машина за машиной, на предельных скоростях.

Тысячи восторженных, не верящих своим глазам пражцев выбегали навстречу героям-освободителям. Наши танкисты едва успевали отвечать на бурные приветствия. Чешские девушки украшали советские боевые машины венками и цветами.

Вот теперь доблестным танкистам действительно можно было и отдохнуть: они заставили группировку упрямого Шернера разделить судьбу всех гитлеровцев. К сожалению, сам Шернер спасся бегством. Но его группировка и остальные дивизии, которые действовали в Чехословакии против войск Первого и Второго Украинских фронтов, вопреки акту о безоговорочной капитуляции, попали в капкан, расставленный советскими танкистами. С 9 по 13 мая было взято в плен свыше 672 тысяч немецких солдат и офицеров и 30 генералов. Советской Армии достались огромные трофеи: 1245 танков и самоходных орудий, 4448 полевых орудий, 902 бронетранспортера и свыше 46 тысяч автомобилей.

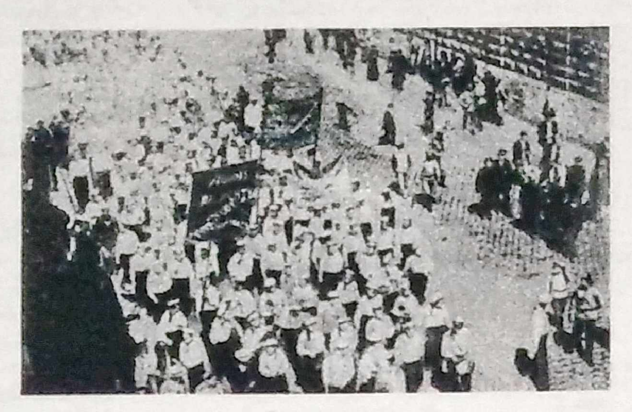

Операция советских танковых соединений, завершившая Великую Отечественную войну.

1917 — ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД — 1947

День грозного протеста

Петроград, 18 июня 1917 года
Историческая демонстрация рабочих и солдат

Демонстрация революционных моряков в июньские дни 1917 года в Петрограде.

В помещении одного из кадетских корпусов Петрограда шли заседания I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Меньшевики и эсеры произносили длинные речи в защиту антинародной политики буржуазно-помещичьего Временного правительства. А в это время на фабриках и заводах, в казармах, в кубриках кораблей Балтийского флота росло возмущение масс империалистической политикой правительства.

Большевики, тесно связанные с рабочими и солдатами, знали об их настроении.

6 июня[1] состоялось расширенное заседание Центрального Комитета партии. Владимир Ильич Ленин предложил организовать мирную демонстрацию рабочих и солдат. Иосиф Виссарионович Сталин поддержал предложение Ленина.

Демонстрация первоначально была назначена на 10 июня. В рабочих районах города началась энергичная подготовка к ней. И. В. Сталин написал пламенное воззвание «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда». 9 июня сталинская прокламация уже читалась и передавалась из рук в руки тысячами людей...

Однако 10 июня демонстрация не состоялась. Эсеры и меньшевики на съезде Советов подняли крик о «большевистском заговоре», разоблачая свой страх перед выступлением революционного пролетариата. Им удалось протащить постановление съезда о запрещении демонстрации. Большевики не хотели вступать в конфликт со съездом, так как они боролись за переход власти в руки Советов. Поэтому по предложению Ленина и Сталина большевики отменили демонстрацию.

Эсеры и меньшевики все же не могли не посчитаться с бурным негодованием масс, с их неукротимым желанием выйти на улицу и заявить о своих требованиях. Съезд Советов решил назначить на воскресенье 18 июня «мирную манифестацию». 18 июня было выбрано соглашателями не случайно: в этот день должно было начаться наступление русской армии на фронте. Наступление это было организовано военным министром Временного правительства эсером Керенским в угоду англо-французским империалистам и отечественным капиталистам.

Меньшевики и эсеры рассчитывали, что манифестация пройдет под антибольшевистскими лозунгами доверия и поддержки Временному правительству. Они жестоко просчитались.

Большевистская партия провела энергичную подготовку к демонстрации. Написанное Сталиным воззвание с призывом превратить день мирной манифестации в день грозного протеста революционного Петрограда против возрождающегося гнета и произвола было три раза напечатано на страницах «Правды» — 13, 17 и 18 июня.

...И вот наступило утро 18 июня. Буржуазия со страхом и злобой смотрела из окон своих квартир на грозное и величественное зрелище. На проспекты и площади Петрограда вышел революционный народ. Около полумиллиона рабочих и солдат, неся большевистские лозунги, двигались к Марсову полю, где находились могилы жертв революции.

«Ясный, солнечный день. Бесконечная лента демонстрантов,— писал И. В. Сталин в «Правде» о демонстрации. — Шествие идет к Марсову полю с утра до вечера. Бесконечный лес знамен. Закрыты все предприятия и заведения. Движение приостановлено. Мимо могил демонстранты проходят с наклоненными знаменами. «Марсельезу» и «Интернационал» сменяют «Вы жертвою пали». От возгласов в воздухе стоит гул. То и дело раздаются: «Долой десять министров-капиталистов!» «Вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов!». В ответ со всех сторон несется громкое одобрительное «ура!». Это была действительно **пролетарская** демонстрация революционных рабочих, ведущих за собой революционных солдат».

Ни один завод и ни один полк не выставил лозунга «Доверие Временному правительству». Только три жалкие группы участников демонстрации (казаки, бундовцы и группа плехановского «Единства») решились выставить этот лозунг... «Двух из них,— писал Сталин,— рабочие и солдаты заставили свернуть знамя (Бунд и «Единство») при криках «долой». У казаков, не согласившихся свернуть знамя, изорвали последнее. А одно безымянное знамя с «доверием», протянутое «на воздухе» поперек входа на Марсово поле, было уничтожено группой солдат и рабочих при одобрительных замечаниях публики: «Доверие Временному правительству **повисло в воздухе»**.

Все это означало полный провал меньшевиков и эсеров, провал Временного правительства в столице.

Историческая демонстрация 18 июня показала, что революционность масс необычайно возросла и необычайно выросло доверие их к большевистской партии.

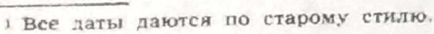
* * *

Организованное Временным правительством наступление на фронте позорно провалилось.

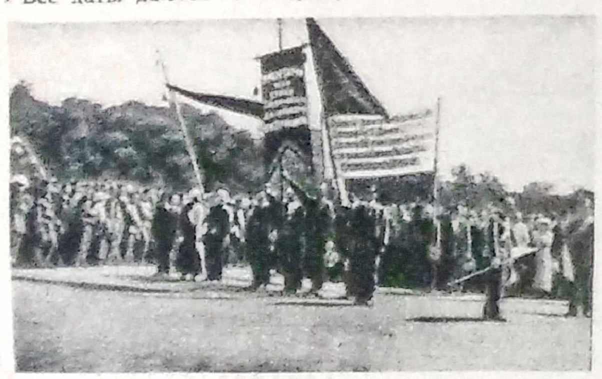
Солдаты не хотели воевать. Они требовали прекращения империалистической войны. Солдаты не доверяли чуждому им командному составу. Бездарность царских генералов, нехватка снарядов и артиллерии — все это предопределило поражение армии. За 10 дней наступления армии юго-западного фронта потеряли около 60 тысяч человек. Народ кровью расплачивался за авантюру Керенского.

Солдаты на фронте были возмущены и озлоблены. «Нас обманули самым бессовестным образом»,— писал один из солдат по поводу того, как была организована подготовка наступления.

Весть об этих событиях вызвала глубокое негодование рабочих и солдат политикой Временного правительства и их приспешников — эсеро-меньшевистских руководителей съезда Советов. Рабочие и солдаты были возмущены тем, что Временное правительство обманывало народ и стояло за продолжение империалистической войны.

[1] Все даты даются по старому стилю.

Июньская рабочая демонстрация в Петрограде.

На полях нашей страны

Действительный член Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина профессор И. В. Якушкин в беседе с корреспондентом «Огонька» сообщил:

— Сведения с мест свидетельствуют о значительных успехах, достигнутых колхозами и совхозами в борьбе за высокие урожаи. Плановое задание по севу яровой пшеницы выполнили с превышением 20 областей. Этому факту следует придать очень важное значение. Что касается посева колосовых культур в целом, то надо отметить, что в мае все республики Закавказья, Северный Кавказ, Украина, Московская, Орловская, Калининградская и Ленинградская области выполнили государственный план с превышением. В Сибири особенно успешно закончил сев зерновых культур Алтайский край.

Гораздо раньше чем в прошлом году были посеяны главные технические культуры: сахарная свекла, подсолнечник и хлопчатник. Украина превысила план сева подсолнечника на 10 процентов, Северный Кавказ — на 8 процентов, Саратовская область — на 5 процентов, Сталинградская и Воронежская — на 14 процентов. Как известно, Украина и все перечисленные области РСФСР являются основными поставщиками подсолнечного масла в стране.

Ведущие льноводческие области Советского Союза с превышением выполнили свои обязательства по посеву льна-долгунца.

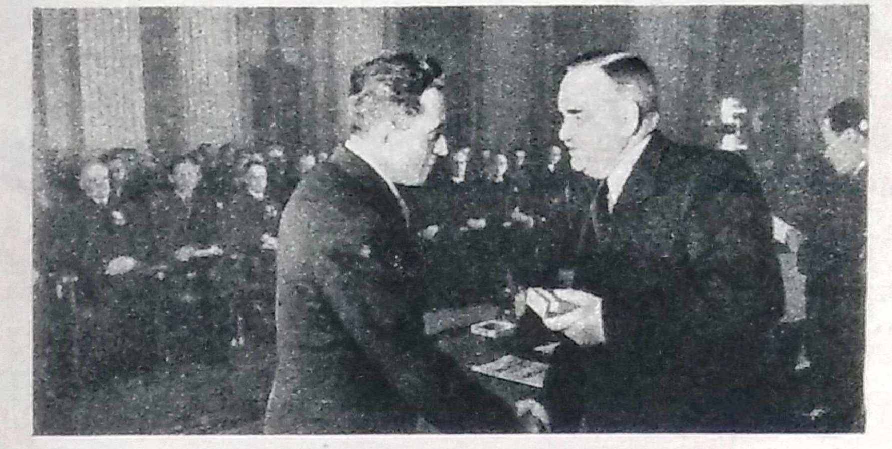
Заметно возросли посевы кормовых корнеплодов и силосных культур. По сравнению с прошлым годом посевная площадь многолетних трав увеличена вдвое. Это особенно важно для быстрейшего восстановления правильного севооборота.

Мы можем вполне уверенно сказать, что, по сравнению с прошлогодней весенней посевной кампанией, общие результаты, достигнутые в мае 1947 года, значительны. Теперь уровень урожая всецело зависит от качества и своевременности ухода за культурами. В этом отношении июнь — решающий месяц. Миллионы колхозников, участвуя во всенародном социалистическом соревновании в честь XXX годовщины Октябрьской революции, ведут громадную напряженную работу на полях. На Северном Кавказе и Украине, где в конце июня развернется уборка, сейчас заканчивается прополка хлебов. В основных свекловичных районах в начале июня завершается прорывка свеклы — самая трудоемкая работа у свекловодов.

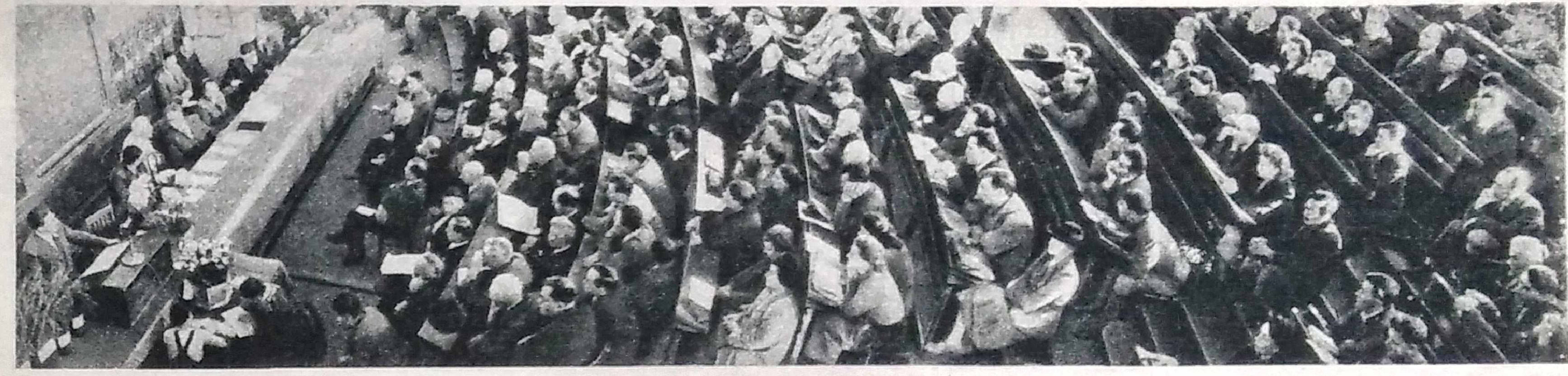
— Как вы оцениваете метеорологическую обстановку для сельского хозяйства?

— Метеорологические условия сложились теперь гораздо благоприятнее, чем весной 1946 года. Конечно, на огромных пространствах нашей страны они не могут быть всюду одинаковы. На протяжении минувшего месяца обильные дожди выпали в Поволжье (до Сталинграда) и в Центрально-черноземной полосе, где в прошлом году поля очень сильно пострадали от весенней засухи. Превосходные дожди выпали 3—4 июня в районах Подмосковья.

В связи с 25-летием Всесоюзного электротехнического института работники института награждены орденами и медалями за заслуги в развитии научно-исследовательских работ в области электротехники и за успешное выполнение важных для народного хозяйства правительственных заданий. На снимке: Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник вручает орден Ленина начальнику лаборатории профессору К. А. Андрианову.

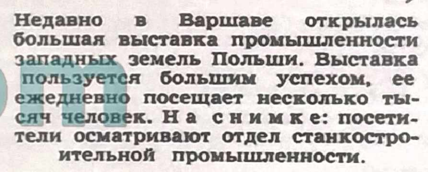

На состоявшуюся в начале июня очередную научную конференцию в сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева (Москва) собрались академики, профессора, работники Министерства сельского хозяйства, студенты, колхозники-опытники. На снимке: участники конференции слушают доклад министра сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктова.
↓

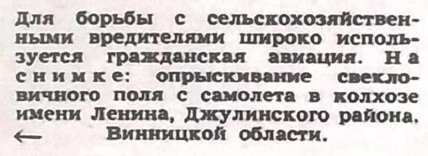

←
Открыта речная пассажирская линия Калининград — Полесск — Советск. На снимке: теплоход «С. М. Киров», обслуживающий новую линию, выходит в очередной рейс.

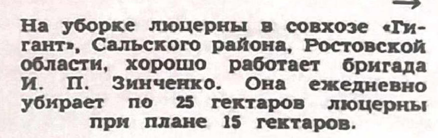

→
Недавно в Варшаве открылась большая выставка промышленности западных земель Польши. Выставка пользуется большим успехом, ее ежедневно посещает несколько тысяч человек. На снимке: посетители осматривают отдел станкостроительной промышленности.

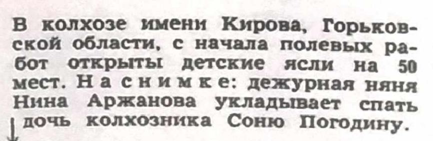

Для борьбы с сельскохозяйственными вредителями широко используется гражданская авиация. На снимке: опрыскивание свекловичного поля с самолета в колхозе имени Ленина, Джулинского района, Винницкой области.
←

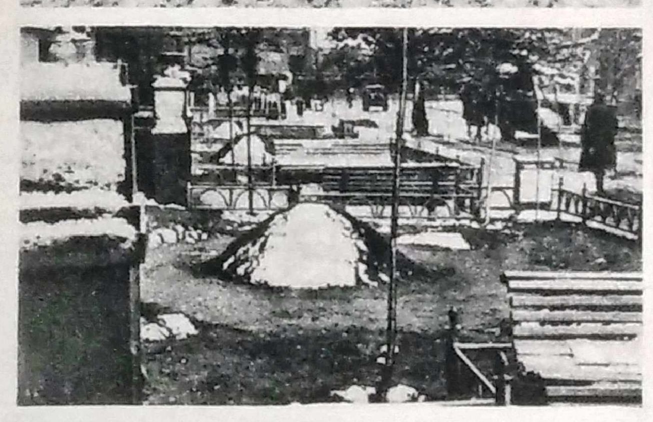

→
На уборке люцерны в совхозе «Гигант», Сальского района, Ростовской области, хорошо работает бригада И. П. Зинченко. Она ежедневно убирает по 25 гектаров люцерны при плане 15 гектаров.

В колхозе имени Кирова, Горьковской области, с начала полевых работ открыты детские ясли на 50 мест. На снимке: дежурная няня Нина Аржанова укладывает спать дочь колхозника Соню Погодину.
↓

4 июня в Москве в течение почти всего дня шел снег. Такой поздний снегопад — необычайно редкое явление. В этот день самая низкая температура на европейской территории СССР была в Москве и Московской области: + 1 градус.

В древнем узбекском городе Самарканде закончено строительство городского трамвая. На снимке: первые пассажиры трамвая — старые самаркандцы Усман Каюмов и Мелик Дустов.

Фото Дм. Бальтерманца, Н. Капелюша и корреспондентов Фотохроники ТАСС: П. Бернштейна, В. Донской, Е. Копыта, А. Кузьменко, А. Штейникова.

Б. ЗУБАВИН

Для всех, кто вместе с тобой

Фото Георгия Зельма

1

Весною 1946 года из Ферганы в Средне-Чирчикский район приехал девятнадцатилетний парень по имени Ибрагим.

В сорока километрах от Ташкента, среди рисовых и хлопковых полей, весь под солнцем, на большой оживленной дороге лежит маленький городок Той-Тюбе. Сзади него, как причудливые декорации уличного фотографа, теснятся и громоздятся в сизой тени горы, на вершинах которых уютно лежат облака призрачных и великолепно-неожиданных очертаний.

Ибрагим был настоящим черноглазым ферганцем. Крепкая и радостная сила жила в его тонком теле. Он был красив и бесстрашен, как бесстрашны и красивы сердцем все молодые.

Недалеко от городка, в том колхозе, куда пришел Ибрагим, жила девушка по имени Замира, шестнадцатилетняя дочь бывшего батрака, председателя колхоза Мутала Каимова. Об этой девушке много говорили кругом и писали о ней в газетах. Слышал о ней и Ибрагим. Теперь он твердо намеревался познакомиться с работой Замиры лично и узнать, в чем заключается секрет высокой урожайности хлопка, которым она владела.

Не успел Ибрагим выпить и чашки чая, как хозяин того дома, куда он зашел, завел о ней разговор:

— Вот какая работает у нас девушка! Значит, и у вас про нее известно?

— Кое-что.

— Нынче у нее несчастье случилось.

Ибрагим вопросительно поднял глаза, насторожился.

— Старик такой у нее поливальщиком был — Джурабай по имени. Заболел этот старик и не вышел на работу. Слышно, он совсем больше не будет работать. А-яй-яй! Вот что делают годы с человеком. Человек хочет много жить и много работать — и для себя и для других,— а годы ему не дают. Вот еще накануне Джурабай легко ходил по земле. Он был черен и сух, как прошлогодний виноград. Он, казалось, совсем забыл, что для людей существует усталость и сон,— день и ночь работал на поле, как молодой. Но однажды он почувствовал, что силы в нем осталось ровно столько, сколько нужно для того, чтобы посидеть за чашкой чая и поглядеть, как работают другие. Видно, не заметил Джурабай, как отдал всего себя своей и чужой радости. Понял он: не выйти ему на поле, чтобы пустить воду в борозды хлопчатника или заняться окучиванием кустов.

А он любил поливать поле ночью. Всю свою жизнь он провел в поле и сильно верил, что ночные поливы очень полезны хлопку. Да оно и верно так: ночью прохладнее, и земле достается больше влаги, чем днем. Вот какой был старик у Замиры в звене. Она теперь никак не может найти человека среди нас, достойного занять место Джурабая. Один не годится, другой не годится...

Сидел Ибрагим, поджав под себя пятки, слушал рассказ, пил чай, рассеянно глядел по сторонам: на перепелку, метавшуюся в клетке, на груды подушек и одеял, аккуратно сложенных в нишах гладко обмазанных и побеленных стен, на охотничьи ружья, висевшие в простенках, — и думал о том неугомонном старике и знаменитой девушке, что не может найти старику замену.

И тогда он сказал себе: «Вот подходящий случай для меня. Наймусь к ней вместо старика и научусь работать, как она. Все у нее перейму, пока буду работать рядом с ней. Ого!» Решив так, он поставил чашку около скрещенных ног, сказал хозяину с поклоном: «Рахмат» («Спасибо»), одним приемом поднялся на ноги, словно пружина разогнулась, и пошел к Замире.

2

По утрам бригадир звонит в железо, подвешенное к тутовому дереву, стоявшему на краю хлопкового поля. Железо ржавое, надтреснутое. Дребезжа, оно раскачивается под ударами, сперва тихо, потом все сильнее и сильнее, словно рассказывает усатому бригадиру что-то свое, скучное и печальное. Корявая толстая ветка, к которой подвешено на проволоке железо, поскрипывая, вздрагивает, как от боли.

Бригадир собирает колхозников на работу.

В деревне хлопают калитки, и в чистом, свежем, утреннем воздухе из-за глиняных заборов слышатся крик домашней птицы, мычание коров, блеяние коз и овец, и то тут, то там раздаются громкие голоса только что проснувшихся и вышедших на улицу людей.

Замира шла по тропке. Теплый ветер мягкими толчками налетал на нее спереди, и широкое, по-деревенски свободно сидящее на ней белое платье облегало ее стройные девичьи ноги.

...Дом Джурабая. Распахнула калитку во двор. Тихо. Даже курица, пристроившаяся было в пыли, возле калитки, сгорбясь, метнулась из-под ног девушки без крика.

Дверь в комнату раскрыта, старик полулежит на разостланном на полу стеганом одеяле.

Герой Социалистического Труда Замира Муталова с отцом Муталом Каимовым.

Он сказал Замире:

— Теперь я не смогу тебе помочь. Руки мои отказались держать кетмень, а ноги отказались держать меня самого. Я теперь не приду к тебе в поле. Разве только поглядеть, как идут твои дела. А работать я не смогу...

— Не сможете, — печально повторила Замира. Она стояла в дверях, опершись рукою о косяк, и длинный рукав ее белого платья казался созданным только для того, чтобы подчеркнуть ее тонкую смуглую руку.

Старик шумно вздохнул, погладил бороду и не ответил ей.

Тогда она сказала:

— Может быть, вам поможет доктор?

Джурабай еще раз вздохнул и погладил бороду, белую, как хлопок, такую белую, что, когда он до нее дотрагивался, можно было подумать, что выпачкает ее рукой.

— Прощайте, — прошептала Замира и тихо вышла во двор. Она бережно прикрыла за собою калитку, боясь, как бы нечаянный звук щеколды не потревожил покоя этого тихого стариковского дома.

«Кого же теперь пригласить мне вместо Джурабая?»—думала она, шагая по тропинке вдоль арыка, беспокойно размахивая руками. Она принялась перебирать в памяти всех колхозников и не заметила, как появился перед нею, загородив дорогу, рослый ферганец.

— Ой! — вскрикнула она, увидев парня.— Что тебе нужно?— она посмотрела на парня так, словно была выше его ростом.

— Это тебя зовут Замирой?

Они настороженно стояли друг против друга.

— Я слышал, заболел твой поливальщик. Правда это?

— Ну и что? Дай мне пройти, не стой на дороге.

— Хотелось бы мне поработать с тобой, вот что.

— А сможешь ты работать с нами?

— В хлопке я знаю толк.

— Почему же ты хочешь работать у нас?

— Куда ни пойдешь,— везде говорят про тебя. Вот я и хочу узнать побольше, как это ты добиваешься высоких урожаев. Может быть, я тоже смогу потом так.

— Смотри, устанешь в первый же день.

Он только засмеялся в ответ на это, показав белые зубы.

Замира зорче вгляделась в него: красив был и дерзок этот ферганец. Поняв инстинктивным, безошибочным чутьем женщины, что лучше такого не найти на место старого Джурабая, она сказала, смягчившись:

— Что ж, если так, приходи. Научу, как надо ухаживать за хлопком.

3

Все это рассказал мне старший брат Замиры — Абдумалик, студент Ташкентского университета, будущий юрист. Мы лежали в саду под яблоней. Рядом было то самое хлопковое поле, на котором Замира добилась высоких урожаев. К нам подошел Джамуназар Камилов, председатель колхозного совета урожайности, высокий, средних лет человек, в запыленных сапогах. Он только что пришел с поля.

Узнав о том, что Абдумалик рассказывает о сестре, он присел рядом с нами и, внима-

Замира Муталова за работой в поле.

тельно слушая рассказ, вставлял иногда свои замечания:

— Она читала газеты и говорила мне: «Смотри, Абдумалик, как везде работают люди. Я читаю и радуюсь: какой хороший народ живет в нашей стране! Как бы научиться так вот работать, чтобы чувствовать, как эти люди: всю себя отдаешь для того, чтобы страна стала самой богатой и самой красивой в мире. Как это хорошо чувствовать, что ты живешь и трудишься не только для себя, а для всех, кто вместе с тобой! Вот смотри,— говорила она,— добились высокого урожая пшеницы, вот смотри, какой урожай свеклы! Абдумалик,— сказала она мне однажды,— почему у нас не могут так же хорошо выращивать хлопок?» «А ты попробуй, вырасти»,—ответил я. «Да, я хочу вырастить. Я смогу!»

Это было в 1944 году. Ей только минуло четырнадцать лет. Она пошла на колхозное собрание и выступила там, сказав, что стране нужен хлопок и она сможет вырастить его по сто центнеров на каждом гектаре.

— После собрания старики смеялись над этим так, что даже закашлялись,— заметил Джуманазар.— Это им показалось вздором. Они считали, что собрать даже половину такого урожая трудно. Нужны сильные руки.

Слушая их, я представил, как, расходясь по домам, постукивая по земле суковатыми палками, старики говорят друг другу:

— Это все, конечно, потому, что она молода. Ей, конечно, вспашут хорошо поле и положат больше удобрений, как она хочет, но дальше дело у нее не пойдет все равно. Нет, не пойдет. Нужны сильные руки. А какая сила в руках девчонки?

— Но мы ее поддержали. Я тогда был бригадиром,— сказал Джуманазар. Я взял ее к себе в бригаду звеньевой, мы отвели ей участок — пять гектаров, она собрала своих подруг: Турсунову Хайру, Таджибаеву Зиядат и Саттарову Ульмас—и позвала к себе опытного хлопковода Джурабая Назарова.

Девушкам было трудно сразу привыкнуть к тому, что потребовала от них Замира. Она заставила подруг вставать, когда рассвет только чуть забрезжит на небе, и дотемна работать на поле. Только старому Джурабаю было это легко. Сухой и костлявый, он, как сыч, торчал весь день среди хлопчатника и даже по ночам, когда девушки спали под навесом, устало раскидавшись во сне, бродил по полю, слушая, как шумит тугими, плотными листьями хлопчатника теплый ночной ветер.

А девушки даже обедали в поле. Часов в десять старухи и босоногие мальчишки приносили им завтрак, потом приносили обед, и они, наскоро перекусив, продолжали работать. Колхозники, выходившие в поле переждать под тутовым деревом полуденную жару, лежавшие и сидевшие в его косматой тени, удивленно глядели, как работает со своими подругами Замира. Даже зной не мог изнурить и выгнать этих девушек с поля.

И к концу дня получалось, что их проворные руки прикасались к каждому кусту по пять, по шесть раз, когда другие смогли сделать это лишь по три, по четыре раза. И хлопок рос, тучнел у них на глазах. Хлопок любит внимание и хорошо растет только тогда, когда чувствует ласковую заботу ловких рук.

— Среди лета нам стало ясно, что хлопок у Замиры много сочнее и гуще, чем у других,— сказал Джуманазар.

— Все-таки в тот год они не собрали ста центнеров,—вздохнул Абдумалик.— Они не оставили на поле ни клочка, собрали даже курак — поздние, не успевшие распуститься коробочки — и, засиживаясь до полуночи, вскрывали их руками при свете ламп.

— Да, в тот год они собрали по шестьдесят восемь центнеров,—подтвердил Джуманазар.

— Даже такой урожай был сказочно велик, никто у нас не снимал столько хлопка. Но Замира следующей весной опять сказала, что хочет снять со своего участка по сто центнеров с гектара.

В этот раз на ее участке положили по десять тонн удобрений на гектар. Трактор вспахал ее поле. Она всю вспашку прошагала сзади плугов и ругала трактористов, если ей казалось, что уменьшили глубину борозды. После трактора девушки прошлись с кетменями, взрыхлили все поле, разбивая комья, сделав землю мягкой, как пух.

И опять они работали, забыв, как и в прошлом году, все на свете, кроме хлопка. В этот год они собрали девяносто семь центнеров. Но Замира хотела добиться ста. И она снова заявила колхозникам, что не отступилась от своего намерения. Настойчива она была и смела.

К тому времени слава о ней шаром катилась по всему плодородному Узбекистану. О ней знали всюду — в Бухаре, Хорезме и Андижане. Она выступала на совещании хлопкоробов в Ташкенте, и ее портрет был напечатан в газете «Комсомольская правда». Тогда ей стали писать письма даже из Ленинграда и с Дальнего Востока. Старики уже не смеялись и не болтали, что большой урожай могут снять только сильные руки.

На третий год ее поле было вспахано еще тщательнее и удобрений положили больше, чем в прошлом году. Колхоз тоже не хотел ударить лицом в грязь.

— И надо же было случиться такому несчастью: занемог старик Джурабай. Он был правой рукой Замиры, первым ее советчиком,— рассказывал Абдумалик.

4

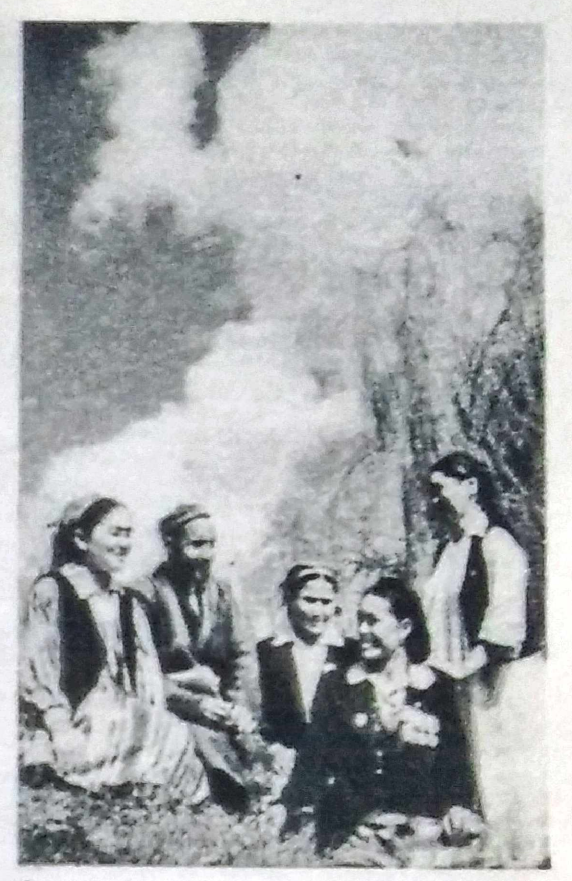
Но его заменил молодой ферганец, приехавший поучиться у Замиры выращивать высокие урожаи. Он работал, как одержимый, и успевал всюду, горлания песни.

Шло лето 1948 года, первое лето новой сталинской пятилетки.

Они работали на поле, они жили под навесом, сделанным между двумя тутовыми деревьями.

Каждый куст хлопка был у них на учете, за каждым кустом они следили и ухаживали, как мать за ребенком.

— Однажды я обходил хлопчатник и показал Замире один куст,— рассказывал Джуманазар.— По моему мнению, он был пропащим: хиленький стоял кустишко, худосочный — толку с него на грош. «Пропадет он у тебя, Замира,— сказал я,— погляди, какой недоросток». Замира оглядела этот куст и ответила: «Вы запомните его. Хорошо? А осенью мы еще раз вместе по-

Замира Муталова со своим звеном. Слева направо: Ульмас Саттарова, Абдуладиз Мавлянов, Хайра Турсунова, Замира Муталова, Зиядат Таджибаева.

смотрим. Только запомните хорошенько, а то, чего доброго, не найдете потом».

«Его и искать нечего, он и так за километр приметен»,— сказал я.

Осенью она привела меня на это же самое место, и у меня брови полезли на лоб от удивления. Тот самый недоросток, что показался мне среди лета чахлым, стоял вровень со всеми, увешанный множеством раскрывшихся коробочек. «Как это ты сумела его вырастить?» — спросил я. «Одна из нас не отходила от него, как доктор от больного, и он поправился. Он был, наверное, чем-то болен тогда. Все можно сделать, если захочешь».

— В тот год она сдержала свое слово. С ее участка было снято по сто одному центнеру,— перебил Джуманазара Абдумалик. И, вы думаете, она успокоилась? Теперь она говорит, что сможет сделать для страны гораздо больше, хочет в этом году снять по сто двадцать центнеров с гектара.

И, выслушав Абдумалика, я вдруг почувствовал, что вижу в облике этой девушки что-то волнующе новое, присущее характеру только советских людей: она решительно и смело идет по своей большой дороге жизни и все время ставит перед собой новые и новые цели, чтобы полнее ощущать жизнь, трудиться и видеть, что это не только для своего счастья, но и для счастья всей страны.

5

— Ну, а как же этот парень Ибрагим? — спросил я.— Где он теперь?

— Он уехал к себе в Фергану,— ответил Абдумалик.— Он теперь тоже, наверное, будет работать, как Замира. Это хорошо.

— Замире жалко было расставаться с ним,— добавил Джуманазар.— Хороший был парень. Хорошо работал. Мы ему предлагали совсем остаться у нас в колхозе, участок давали, дом обещали построить, сад посадить — отказался, уехал.

— Почему?

— Это хорошо,— не отвечая мне, сказал Джуманазар.— Видать, он такой же настойчивый и смелый, как Замира. Пусть работает сам. Как знать, быть может, он скоро вызовет ее на соревнование. От них, молодых, всего ждать можно. Сегодня учится, а завтра, гляди, лучше учителя стал. Любознательны и смелы все эти молодые, что живут среди нас.

ЧЕРЕЗ СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

(К десятилетию перелета в Америку)

Л. ОГНЕВ

На вершине бетонной горки стоял краснокрылый самолет. Вдоль фюзеляжа тянулась надпись: «Сталинский маршрут». В воздухе сверкнула белая ракета. Могучая стальная птица ринулась вниз по широкой бетонной дороге. Плавно, без единого толчка, она оторвалась от земли, низко проплыла над лесом и, сверкнув под косыми лучами восходящего солнца, легла курсом на север.

Это было ровно десять лет назад, 18 июня 1937 года. Страна, создавшая могучую авиацию, давала старт самому дерзкому предприятию современности — прыжку из Советского Союза через полюс в Америку. В этот изумительный перелет отправлялись три летчика: Валерий Чкалов, Георгий Байдуков, Александр Беляков. Они улетели из Москвы Героями Советского Союза, а вернулись на родину героями мира.

В те годы в советских авиационных кругах оживленно обсуждались возможности трансконтинентальной воздушной связи. Наиболее интересной представлялась идея прямого сообщения между СССР и Америкой. Выдвигались различные варианты воздушных дорог; каждый из них имел своих защитников. Сигизмунд Леваневский считал практически целесообразной линию связи вдоль северо-восточных границ Ледовитого океана. В 1936 году он совершил длительный перелет из Лос-Анжелоса в Москву, подтверждая свои расчеты. Другой выдающийся летчик, Владимир Коккинаки, отстаивал идею воздушного пути через Северную Атлантику. Валерий Чкалов решительно выдвигал вариант непосредственной связи двух континентов через Северный полюс — путь, по его словам, наикратчайший, хотя и трудный.

Советское правительство поддержало инициативу летчиков. Беспримерный перелет Чкалова показал полную осуществимость авиационного сообщения через «крышу мира». Утверждая эту идею, через полюс в Америку тем же летом пронесся второй советский самолет — Михаила Громова и его товарищей. А спустя два года был осуществлен и западный вариант: Владимир Коккинаки соединил воздушной трассой через Атлантику два полушария.

* * *

Валерий Чкалов называл свои перелеты «Сталинским маршрутом», Михаил Громов определил свой путь словами: «Сталинская трасса». Товарищ Сталин был душой каждого перелета советских летчиков. Он обсуждал вместе с экипажами все детали предстоящих полетов, поправлял летчиков, советовал, предоставлял в их распоряжение все необходимые средства. С непередаваемым волнением и глубокой благодарностью вспоминали летчики свои встречи с товарищем Сталиным.

Чкалов еще в 1936 году обратился к товарищу Сталину с просьбой разрешить полет в Америку. Товарищ Сталин сказал, что лететь в Америку через полюс еще рано. Нужно изучать Полярный бассейн и только тогда предпринимать такой грандиозный полет. В мае 1937 года на полюс прилетели самолеты большой советской воздушной экспедиции, основавшие там дрейфующую научную станцию. База была создана.

Летчики повторили свою просьбу. 25 мая Чкалов и Байдуков были вызваны в Кремль. В кабинете они увидели товарища Сталина и рядом с ним товарищей Молотова, Ворошилова, Кагановича. Иосиф Виссарионович с улыбкой спросил:

— Что, опять земли нехватает? Опять собираетесь лететь?

— Да, товарищ Сталин, — сказал Чкалов, — время подходит, пришли просить разрешения правительства о перелете через Северный полюс.

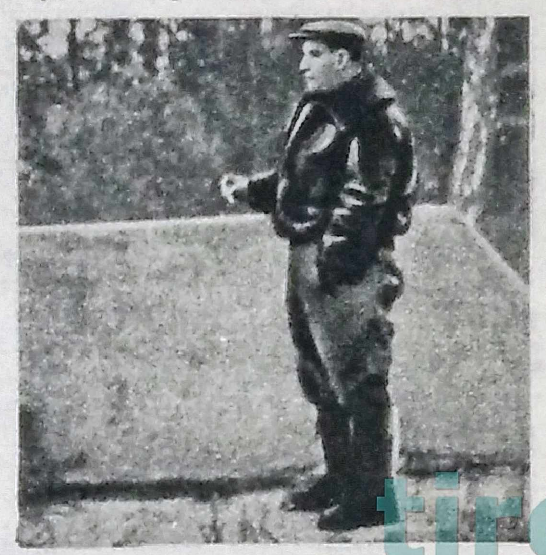
Чкалов и Байдуков рассказали о подготовке к полету, охарактеризовали маршрут, условия погоды, состав экипажа. Они подробно говорили о машине — это был тот же самолет «АНТ-25» (конструкции А. Н. Туполева), на котором в прошлом году летчики совершили свой знаменитый рейд от Москвы до Охотского моря. Модель машины стояла на столе в кабинете товарища Сталина.

Товарищ Сталин внимательно выслушал летчиков, переспросил Чкалова, считает ли он правильным выбор «АНТ-25» и добавил:

— Все-таки один мотор... Этого не надо забывать.

Ободренный дружеским обсуждением проекта, Чкалов ответил:

— Товарищ Сталин, мотор отличный. Это ведь доказано, и нет оснований беспокоиться. А кроме того, — пошутил летчик, — один-то мотор — сто процентов риска, а четыре — четыреста.

Валерий Чкалов у самолета «АНТ-25» перед стартом.

Товарищ Сталин, задав еще несколько вопросов, немного задумался, а потом сказал:

— Я — за!

Когда первый пункт решения правительства был уже сформулирован, товарищ Сталин предложил обязать экипаж в случае неблагоприятной обстановки сделать посадку в любом пункте Канады, а в случае угрозы экипажу — произвести немедленную посадку.

Прощаясь, взволнованный Чкалов горячо благодарил Иосифа Виссарионовича:

— Спасибо, товарищ Сталин, большое вам спасибо!

Сталин задержал его руку:

— Это вам мы скажем спасибо, когда долетите.

И они улетели.

В тот день, когда Чкалов был в Кремле, Михаил Громов лежал больной в постели и не мог присутствовать на замечательной беседе. Выздоровев, летчик попросил товарища Сталина принять его и разрешить перелет в Америку. 10 июня он был вызван в Кремль. В кабинете товарища Сталина находились также товарищи Молотов и Ворошилов.

Громов сообщил о составе экипажа, о ходе подготовки самолета «АНТ-25» и попросил разрешения на перелет через Северный полюс. Летчик сказал, что второй полет по этому маршруту должен показать жизненность трассы и продемонстрировать всему миру, что советская авиация в силах послать по любому пути не один, а много самолетов.

Товарищ Сталин сказал:

— Почему бы не пустить два самолета?

— Нужно пустить две машины, — заметил товарищ Ворошилов,— погода позволяет, материальная часть надежная.

Товарищ Сталин предложил разрешить второй перелет через Северный полюс в Америку, но, так же, как и в первом случае, потребовал от экипажа в случае малейшей опасности совершить посадку в Канаде.

Окрыленные сталинским вниманием, экипажи советских самолетов блестяще выполнили задание Родины и, ломая все преграды, достигли поставленной цели.

* * *

Мне довелось по роду своей профессии наблюдать подготовку к этим трансконтинентальным перелетам, провожать и встречать летчиков, и я помню, с какой несокрушимой верой в победу готовились они к старту. Все вокруг кипело, бурлило, каждый техник, моторист, инженер, радиотехник стремился сделать все быстро и превосходно. Вся страна подымала свои самолеты.

И вот они улетели. В условиях жесточайшей непогоды, пробивая циклон за циклоном, обледеневая, самолет Чкалова упорно стремился на север. Весь мир с затаенным дыханием следил за ходом небывалого рейса. Позади полюс. Одинокая одномоторная машина плывет над безбрежными льдами к далеким северным островам Канады, проходит над безлюдными территориями севера Америки, переваливает угрюмые Скалистые горы, мчится в ночной мгле над Тихим океаном.

Через 63 часа 25 минут после старта краснокрылый гигант опустился на аэродроме Баракс, близ Портланда. За это время было пройдено свыше 10 тысяч километров. Мир восторженно рукоплескал тройке отважных. Начались приемы в честь летчиков. Героев приветствовали: президент Рузвельт, министры, исследователи, рабочие. Отвечая на поздравления, Валерий Чкалов на одном из приемов сказал:

— Совершая полет из Москвы через Северный полюс в вашу страну, мы на крыльях нашего самолета несли привет от 170 миллионов нашего народа великому американскому народу. Садясь в самолет, мы, три человека, несли в своих сердцах 170 миллионов сердец. И никакие циклоны, никакие полярные штормы не могли нас остановить, ибо мы выполняли волю своего народа. Примите от 170 миллионов советских людей привет и дружбу, которые мы вам принесли на своих крыльях.

Еще гремели овации в честь экипажа Чкалова, а под Москвой уже был дан старт второму краснокрылому гиганту. Вместе с Михаилом Громовым в дальний путь отправились Андрей Юмашев и Сергей Данилин. 12 июля они вылетели из Москвы и через 62 часа 17 минут беспосадочного полета приземлились около города Сан-Джасинто, у самой границы с Мексикой. Они не только подтвердили трассу Чкалова, но и установили новый мировой рекорд дальности по прямой и ломаной линии, пройдя свыше 10 200 километров.

* * *

«Гордимся отважными и мужественными советскими летчиками, не знающими преград в деле достижения поставленной цели...» — писали в своем приветствии товарищ Сталин и руководители партии и правительства экипажу Чкалова.

Эти замечательные качества, воспитанные большевистской партией, свойственны всем сынам сталинской авиации. В годы Великой Отечественной войны они проявили высокое уменье и безмерную отвагу. Невзирая на любые трудности, они выполняли задания Командования и беспощадно били врага в воздухе, на земле и на море. Созданная великим Сталиным советская авиация завоевала полное господство в воздухе, надежно прикрывала свои войска и тыл страны, помогала нашим наступающим армиям и в немалой степени обеспечила победу над врагом.

Широки и могучи крылья славной сталинской авиации!

В. Бибиков.— Северный форпост. 1941 год.

В. Бибиков.— Эскадра Ушакова в Керченском проливе. 1946 год.

ПРАЗДНИК НАРОДА

М. ВАСИЛЬЕВ

Сталинские лауреаты. Мы видим перед собой длинный список их деяний,— и сердце наше наполняется горделивым чувством. Многие из них нам давно знакомы. Мы читали их труды, встречали их имена в печати, видели их на сцене, увлекались их произведениями. Нас радует их торжество как торжество близких, родных нам людей. Вместе с ними мы гордимся выпавшей на их долю великой честью,— ведь они по заслугам получили всенародное признание.

Широк и многообразен круг их деятельности. Математика и техника, медицина и сельское хозяйство, открытие новых нефтяных месторождений и внедрение усовершенствованных методов на производстве, музыка, литература, кино — нет области, где бы не сказали они своего слова, слова, к которому прислушивается мир.

Советские ученые. Знакомясь с содержанием их трудов, невольно вспоминаешь вещие слова Тимирязева: «Только наука и демократия, знание и труд, вступив в свободный, основанный на взаимном понимании союз, осененный общим красным знаменем, символом мира всего мира, все превозмогут, все пересоздадут на благо всего человечества».

Научные работы Сталинских лауреатов прокладывают новые пути в различных областях человеческих знаний. Теория нелинейных колебаний, в применении к статистической физике, разработанная Николаем Николаевичем Боголюбовым, является крупным научным достижением по сравнению с предыдущими работами как советских, так и иностранных исследователей. Широко известны труды Якова Ильича Френкеля. Монография Френкеля «Кинетическая теория жидкостей» переведена в Оксфорде. Многие иностранные ученые следуют Френкелю.

Новым словом в биологии является труд профессора Н. Г. Хлопина «Общебиологические и экспериментальные основы гистологии». Событие в географической науке — труд академика А. А. Григорьева «Субарктика», в которой он на основании собственных исследований, обобщив свои наблюдения, дал глубокий географический анализ тундровой зоны. О росте советской науки, науки, находящейся в тесном союзе с социалистической демократией, свидетельствуют научные исследования профессора Ю. В. Линника, В. П. Пешкова, А. В. Шубникова. Плодотворная связь науки с жизнью нашла свое выражение в трудах наших металлургов и нефтяников, ученых, работающих в области сельского хозяйства.

1946 год — первый год послевоенной сталинской пятилетки. И перечень работ, удостоенных Сталинских премий, показывает, какого гигантского размаха достигла творческая деятельность советских людей в этом году. Родине нужны новые месторождения нефти, угля, руд. Для ее процветания необходимы еще более совершенные типы автомашин, самолетов, тракторов и комбайнов. И все силы ее сыновей направлены на то, чтобы дать ей все это. Забота о процветании Родины, животворный советский патриотизм — вот источник, откуда люди черпают силы для самоотверженного труда и неустанных творческих подвигов.

Советский селекционер Н. В. Рудницкий создает новые сорта ржи и озимой пшеницы. В лаборатории имени И. В. Мичурина под руководством профессора С. Ф. Черненко получены новые сорта плодовых деревьев. Старший зоотехник Кедабекского государственного племенного рассадника Азербайджанской ССР Смарагдов и доцент сельскохозяйственного института Садыхов выводят новую породу мериносовых овец — «азербайджанский горный меринос». Все эти люди охвачены одним порывом, воодушевлены одним стремлением — крепить могущество социалистической державы, сделать нашу жизнь еще краше, еще счастливее. В их деятельности — залог нашего прекрасного будущего.

Партия Ленина — Сталина, советский строй воспитали нового человека, все более сглаживаются противоречия между умственным и физическим трудом. Советский рабочий, ревностно относящийся к своему труду,— такой же творец и созидатель, как выдающийся ученый и деятель искусства. И никого из нас не удивляет, что рядом с именами писателей, математиков и композиторов в списке Сталинских лауреатов мы встречаем имя закройщика обувной фабрики Василия Матросова или ореховозуевской ткачихи Марии Волковой. Всех их роднят между собой ненасытная страсть к совершенствованию, непрерывные творческие искания. Донецкий угольщик Герасим Запорожец и североуральские проходчики Нигмаджан Минзарипов и Иван Проничкин стали знатными людьми нашей страны потому, что они, еще недавно рядовые рабочие, сумели стать вожаками стахановцев, создателями и распространителями новых, достойных нашего времени методов и темпов ведения производственных процессов.

Это возможно только у нас, в Советской стране, потому что «Люди работают у нас не на эксплоататоров, не для обогащения тунеядцев, а на себя, на свой класс, на свое, советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса.., трудовой человек чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем. И если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать,— он герой труда, он овеян славой» (И. Сталин).

Присуждение Сталинских премий — радостное событие и для советского искусства и литературы. Минувший год запечатлен важнейшими решениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Решения о журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О кинофильме «Большая жизнь» еще раз показали, какое огромное значение придает партия большевиков вопросам идейного воспитания народа. Эти решения еще больше приблизили нашу литературу к современности, к народу, подняли идейность новых произведений, помогли советским художникам понять и обобщить новые явления советской действительности. Присуждение Сталинских премий за 1946 год по искусству и литературе свидетельствует о новом подъеме советской культуры, о ее непрекращающемся движении вперед.

Ленинско-сталинская национальная политика обеспечивает расцвет талантов во всех республиках. Каждый художник вносит в наше искусство лучшие традиции своего народа, обаяние своей родной страны. И мы с радостью видим в числе награжденных скульпторов Литвы и Азербайджана, артистов Латвии и Грузии, Украины и Белоруссии. Их произведения, при всем их своеобразии, служат общей цели советского искусства: они воспитывают наш народ в духе советского патриотизма, поднимают гордость советских людей.

Величавую простоту, глубину содержания, душевное здоровье — вот что ценит в произведениях искусства советский народ. Среди музыкальных произведений Сталинской премией удостоена кантата В. Шебалина «Москва», посвященная 800-летию столицы. Сталинскими премиями отмечены инструментальные произведения С. Прокофьева, С. Василенко, молодого грузинского композитора А. Баланчивадзе, опера Ш. Мшвелидзе «Сказание о Тариэле», написанная по мотивам «Витязя в тигровой шкуре».

Правительство отметило песни В. Соловьева-Седого «Пора в путь-дорогу» и «Давно мы дома не были», получившие распространение в народе.

Высоко оценены достижения советской графики в работах талантливейших Кукрыниксов. Сталинской премией удостоен спектакль «Молодая гвардия», поставленный Московским театром драмы,— это яркое сценическое произведение, посвященное нашей героической молодежи. Присуждена премия за спектакль «Огонь и ночь» Художественного театра Латвийской ССР, изображающий борьбу народных сил против мрака и реакции.

В кино лучшими произведениями 1946 года признаны «Клятва», «Адмирал Нахимов», «Каменный цветок», «Глинка», «Крейсер «Варяг» и документальные фильмы «Молодость нашей страны», «Советская Эстония», «Югославия», «Суд народов» — произведения, в которых заложены благородные идеи и чувства.

Для писателей-лауреатов 1946 года характерно, что многие из них появились в литературе совсем недавно. «Спутники» В. Пановой, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Люди с чистой совестью» П. Вершигоры — первые для них книги. Б. Полевой, автор «Повести о настоящем человеке», был известен советскому читателю главным образом как журналист.

Этих людей сделал писателями опыт Великой Отечественной войны. Война дала им драгоценное для писателя свойство видеть, ценить и горячо любить человека.

О простых советских людях, тружениках войны, рассказывают Панова, Вершигора, Полевой, Некрасов. Повесть Эльмара Грина, рисующая пробуждение сознания финского крестьянина,— очень талантливое поэтичное произведение.

Высоко оценена советская поэзия — стихи литовской поэтессы Саломеи Нерис, выражающие стремления и чаяния народа, «Песнь о Давиде Гурамишвили» С. Чиковани, главная идея которой — дружба грузинского народа с русским народом, произведения Твардовского, Бровка, Малышко.

При всем разнообразии — индивидуальном и национальном — все эти произведения имеют одно общее: живое чувство современности, патриотизм, народность. Все они отражают образ советского человека-творца, жизнь нашего народа, лучшие представители которого — Сталинские лауреаты.

Сталинские лауреаты — кость от кости, плоть от плоти народа. Их вырастил весь наш народ, ведомый партией и товарищем Сталиным. Называя их имена, мы гордимся не только ими,— мы гордимся нашей Родиной, народом нашим. Мы повторяем слова тов. А. А. Жданова:

«Где вы найдете такой народ и такую страну, как у нас? Где вы найдете такие великолепные качества людей, какие проявил наш советский народ в Великой Отечественной войне и какие он каждый день проявляет в трудовых делах, перейдя к мирному развитию и восстановлению хозяйства и культуры!»

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

В. Н. ТЮЛЯЕВ, инженер.

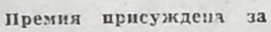

Б. Е. АРХАНГЕЛЬСКИЙ, конструктор.

И. И. ДРОНГ, конструктор.

Премия присуждена за участие в разработке конструкции гусеничного трактора «Кировец Д-35».

Л. С. ЛЕБЕДЯНСКИЙ, инженер.

Г. А. ЖИЛИН, инженер.

В. К. ЧИСТОВ, инженер.

Д. В. ЛЬВОВ, инженер.

В. Д. УТКИН, инженер.

В. Д. ДЬЯКОВ, инженер.

Премия присуждена за разработку конструкции нового товарного паровоза серии «Л».

К. А. ЗУБОВ, режиссер.

В. И. ЦЫГАНКОВ, режиссер.

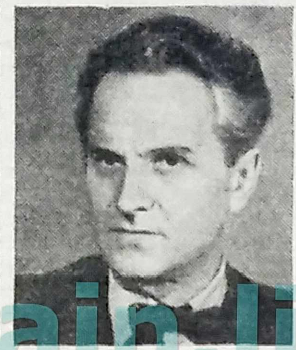
М. И. ЦАРЕВ, артист.

М. И. ЖАРОВ, артист.

Е. Н. ГОГОЛЕВА, артистка.

Н. А. АННЕНКОВ, артист.

Премия присуждена за спектакль «За тех, кто в море» в Малом академическом театре.

Ю. И. ПИМЕНОВ, художник.

Премия присуждена за спектакль «За тех, кто в море» в Малом академическом театре.

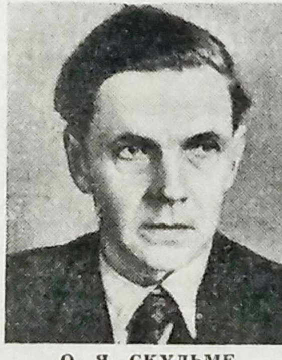
Э. Я. СМИЛЬГИС, режиссер.

Л. Д. ПРИЕДЕ-БЕРЗИНЬ, артистка.

А. Ю. ФИЛИПСОН, артист.

О. Я. СКУЛЬМЕ, художник.

Премия присуждена за спектакль «Огонь и ночь» в Художественном театре Латвийской ССР.

Д. Н. ОРЛОВ, чтец. Премия присуждена за концертно-исполнительскую деятельность.

М. И. ЧУЛАКИ, композитор. Премия присуждена за симфонию № 2.

Н. П. БУДАШКИН, композитор. Премия присуждена за произведения для оркестра народных инструментов: «Русская рапсодия», «Фантазия на тему русской народной песни», музыкальная картинка «На ярмарке».

В. П. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ, композитор. Премия присуждена за песни: «Пора в путь-дорогу», «Давно мы дома не были», «Едет парень на телеге», «Стали ночи светлыми».

Фуад АБДУРАХМАНОВ, скульптор. Премия присуждена за памятник Низами, сооруженный в городе Кировабаде.

М. А. ТРОЯНОВСКИЙ, кинооператор.

С. А. СЕМЕНОВ, кинооператор.

Премия присуждена за цветную кинокартину «Молодость нашей страны».

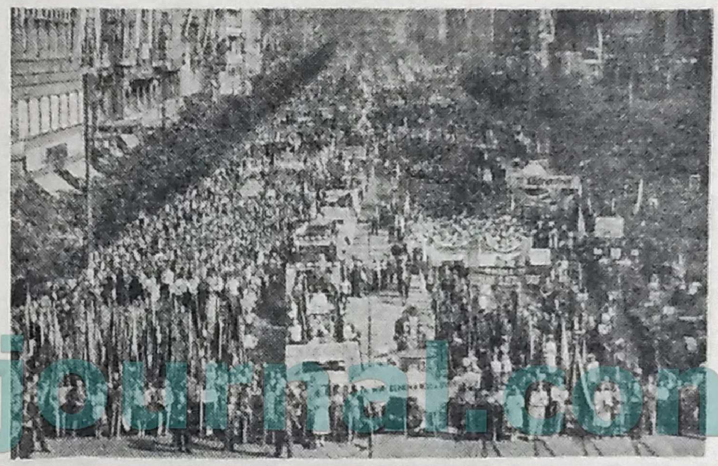
Участники сессии исполкома федерации профсоюзов на трибуне. У микрофона председатель объединения профсоюзов Чехословакии А. Запотоцкий.

ЗА МИР И СОЛИДАРНОСТЬ ТРУДЯЩИХСЯ

В субботу 14 июня в Праге закончил свои работы пленум исполнительного комитета Международной федерации профсоюзов.

Трудящиеся столицы Чехословакии в пятницу приветствовали представителей профсоюзов всех стран мира трехчасовой демонстрацией.

К четырем часам дня просторная Вацлавская площадь расцветилась лесом ярких знамен и флагов стран, представленных в международной организации профсоюзов. На трибуне, замыкающей площадь, собрались участники пленума, представители чехословацкого правительства, профессиональные и общественные деятели Чехословакии.

Демонстрация трудящихся Праги 13 июня 1947 года.

Председатель исполкома федерации Дикин, генеральный секретарь федерации Луи Сайян, представители профсоюзов СССР, США, Франции, Латинской Америки и других стран приветствовали трудящихся Праги.

С приветствием гостям выступил председатель объединения профсоюзов Чехословакии Антонин Запотоцкий.

После митинга началась многотысячная демонстрация рабочих и служащих Праги, объединенных в профсоюзы.

Горняки, металлисты, обувники, пекари, сельскохозяйственные рабочие — представители десятков профессий — под общим лозунгом «За мир, демократию и двухлетку!» показывали плоды своего неустанного труда по осуществлению двухлетнего плана народного хозяйства демократической Чехословакии.

И замечательное единение участников демонстрации вокруг лозунгов защиты мира и подлинно народной демократии и выразительный показ трудовых успехов — все это убедительно говорило о том, что вопреки реакционной лжи о «железном занавесе» миллионы трудящихся Чехословакии, как зеницу ока, берегут священные принципы подлинно народной демократии и, опираясь на завоеванные свободы, успешно залечивают раны, нанесенные стране вражеской оккупацией и войной, полны силы, решимости и веры в свое будущее.

А. С.

200 ТЫСЯЧ СТУДЕНТОВ-ЗАОЧНИКОВ

Научно-техническая общественность Москвы отмечает 20-летие Всесоюзного заочного индустриального института (ВЗИИ). Юбилей института совпал с 25-летием заочного высшего образования в СССР — своеобразной системы подготовки специалистов, пользующейся у нас большой популярностью. В заочных вузах страны обучается теперь свыше 200 тысяч студентов.

За 20 лет существования ВЗИИ стал одним из крупнейших заочных индустриальных втузов страны. Он дал народному хозяйству более 1500 высококвалифицированных инженеров — металлургов, электриков, строителей, геологов, химиков. В настоящее время на 6 факультетах института учатся 4500 человек.

В институте началась летняя зачетная сессия. Студенты сдают экзамены в Москве и при отделениях ВЗИИ в крупнейших промышленных центрах страны: Горьком, Новосибирске, Днепропетровске, Киеве, Харькове, Ростове на Дону, Ярославле, Челябинске.

Г. П.

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ЖУРНАЛИСТОВ

В воскресенье 15 июня возвратилась из Праги в Москву делегация советских журналистов, принимавшая участие во втором Конгрессе международной организации журналистов.

В беседе с нашим сотрудником руководитель делегации главный редактор газеты «Труд» П. Ф. Юдин сказал:

— Наша делегация, в которую входили, кроме меня, Д. И. Заславский, А. А. Сурков и А. А. Сверлов, участвовала в работах конгресса, продолжавшихся с 3 по 7 июня.

Международная организация (МОЖ) была создана год тому назад на первом Международном конгрессе журналистов в Копенгагене для защиты профессиональных прав журналистов и широких демократических прав печати во всем мире.

На нынешнем конгрессе участвовали представители печати тридцати стран мира. На конгрессе были приняты в состав международной организации журналисты Болгарии, Югославии, Румынии, Венгрии, Австрии, республиканские испанские журналисты и журналисты ряда других стран. Конгресс принял новый устав организации, провел дискуссию о свободе печати, принял резолюцию об участии МОЖ в созываемой ООН в 1948 году в Праге конференции о свободе печати и информации, избрал новое исполбюро и определил местопребывание бюро исполнительного комитета до 1949 года в Праге.

С первого же дня работы конгресса начали возникать острые дискуссии по различным вопросам повестки дня.

Старое руководство в первый же день по формальным мотивам попыталось отстранить советскую делегацию от полноправного участия в работе конгресса. Этот маневр не принес успеха, но под шумок возникшей дискуссии представителям англо-саксонских стран удалось 8 голосами (при 4 против и 4 воздержавшихся) провести прием в МОЖ организации реакционных греческих журналистов и начать атаку против организаций болгарских и югославских журналистов. Однако и этот маневр был безуспешен, и журналисты Болгарии и Югославии были приняты в МОЖ единогласно.

Острое положение на конгрессе создалось в связи с предложением советской делегации о немедленном приеме в МОЖ организации испанских республиканских журналистов-эмигрантов. Представители Англии и США, прикрываясь фразами о сочувствии журналистам-республиканцам, категорически, опять-таки по формальным поводам, возражали против приема их в МОЖ. Однако конгресс подавляющим большинством голосов принял в организацию республиканских испанских журналистов.

Наиболее ожесточенные дискуссии произошли и по вопросу о пункте устава, определяющем принцип представительства на конгрессах, и о местопребывании штаб-квартиры организации.

Англичане и американцы добивались изменения положения, при котором на конгрессе каждая национальная организация имеет один решающий голос, с тем чтобы получить полную гегемонию в организации. Они же категорически восстали против предложения об учреждении, до следующего конгресса, штаб-квартиры МОЖ в Праге и яростно настаивали на оставлении ее в Лондоне.

Однако, несмотря на демагогию и угрозы англичан и американцев, конгресс решительным большинством голосов отверг их поправку о принципе представительства и решил сделать Прагу штаб-квартирой организации.

На последнем заседании, длившемся с 9 вечера до половины шестого утра, было избрано новое руководство в составе президента Кенион (Англия), вице-президентов: Моррея (США), Юдина (СССР), Мореля (Франция) и Нильсена (Дания). Генеральным секретарем МОЖ избран чешский журналист Гронек.

Конгресс показал, что представители профорганизаций Англии и США пытались направить МОЖ по пути служения политическим тенденциям реакционных кругов англо-саксонских стран, но делегации советских журналистов, стойко проводившей линию подлинной демократии, удалось при активной поддержке делегатов большинства стран, представленных на конгрессе, парализовать попытки навязать международной организации реакционную линию.

ДЕПУТАТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР В МОСКВЕ

На прошлой неделе Москва тепло и приветливо встречала избранников народов — депутатов Верховного Совета РСФСР.

Первыми прибыли в столицу депутаты-железнодорожники. Десятки людей собрались рано утром в воскресенье 15 июня на станции Перово, Московско-Рязанской дороги, для того чтобы встретить тяжеловесный состав, который привел депутат Верховного Совета РСФСР начальник Ишимского паровозного отделения подполковник А. А. Чернуха.

* * *

В тот же день, незадолго перед заходом солнца, на одном из путей подмосковной сортировочной станции, остановился длинный поезд. Мощный паровоз Омской железной дороги был празднично разукрашен. Спустившись из будки локомотива, машинист, приложив руку к козырьку, отрапортовал:

— Поезд № 833 с паровозом № 1970 под управлением старшего машиниста Голенкова благополучно прибыл.

Приняв рапорт, генерал-директор тяги 3-го ранга Б. В. Пермяков крепко пожал руку знатному машинисту Барабинского депо депутату Верховного Совета РСФСР Владимиру Ивановичу Голенкову.

Машинист-депутат знаменит как первоклассный мастер скоростного вождения поездов и как отличный воспитатель молодежи, педагог.

Машинист В. И. Голенков и кочегар К. Крючкова у своего паровоза в Москве.

Фото Г. Зельма

* * *

Курьерским поездом из Сибири прибыла группа депутатов Верховного Совета РСФСР. Среди них— депутаты В. И. Благирев, В. Н. Лисицын, М. Н. Никитин, избранные от избирательных округов Новосибирска. Из Бурят-Монголии прибыли депутаты Д. Ц. Цыремпилон, С. М. Зайцева, Г. Ц. Цыдынжапов, В. М. Кучеров...

На открытии выставки изобразительного искусства Югославии в Москве. Справа налево: посол Федеративной Народной республики Югославии в СССР г-н В. Попович, председатель Комитета по делам искусств при Совете министров СССР М. Б. Храпченко, заместитель министра иностранных дел СССР Я. А. Малик и председатель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей В. С. Кеменов.

Фото А. Гаранина

ВЫСТАВКА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ЮГОСЛАВИИ

Открывшаяся 12 июня в Москве, в помещении Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, выставка живописи, графики и скульптуры народов Югославии вызывает широкий интерес со стороны советской общественности.

Мы проходим по залам выставки. Здесь триста пятьдесят работ выдающихся представителей югославского искусства с начала XIX века до наших дней: сербов, хорватов, словенцев, черногорцев, боснийцев, македонцев.

Перед нашими глазами в живописи и скульптуре оживает история народов Югославии, которые вели длительную и тяжелую национально-освободительную борьбу за свою независимость.

Советский зритель, пришедший на выставку югославского изобразительного искусства, организованную Комитетом по делам искусств и Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей, с особым вниманием рассматривает работы художников братской славянской страны. Это не удивительно: югославский народ связан с народами Советского Союза не только братскими узами, но общностью борьбы против германо-итальянского фашизма.

БОЛЬШОЕ, ВАЖНОЕ ДЕЛО

На заседании оргкомитета Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Председательствует академик С. И. Вавилов. Выступает президент Грузинской Академии наук — председатель оргкомитета Грузинского общества академик Н. И. Мусхелишвили.

Фото Г. Зельма

В кабинете президента Академии наук СССР академика С. И. Вавилова под его председательством 9 июня состоялось очередное заседание оргкомитета Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Это Общество образовано в мае нынешнего года по инициативе группы видных советских ученых, выступивших с таким предложением в нашей печати.

По мысли инициаторов, задача нового Общества должна заключаться в том, чтобы организовать широкую пропаганду научных и политических знаний путем устройства публичных лекций и изданий их стенограмм.

Этот прекрасный почин очень быстро получил горячее одобрение во всех концах нашей необъятной страны.

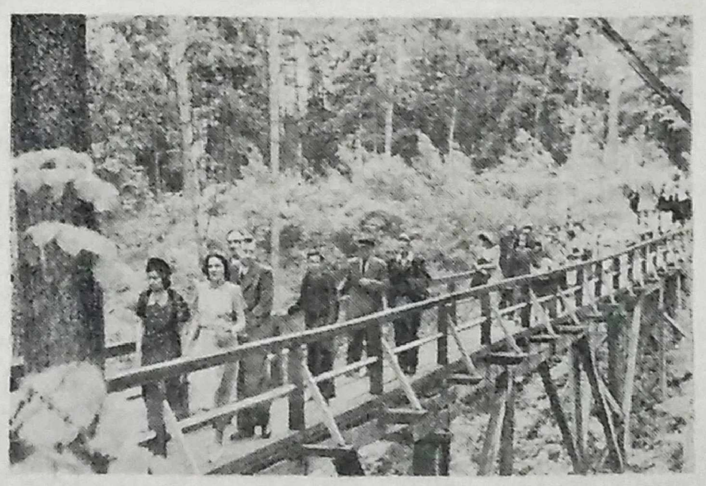
Деятели советской науки и культуры вступают в действительные члены Общества. На последнем заседании оргкомитет принял 185 действительных членов Общества. Всего же в Общество вступило около 400 человек. Среди них: академики, члены-корреспонденты, профессоры, писатели, художники, общественные и военные деятели.

Членами-учредителями Всесоюзного общества пожелали стать и утверждены оргкомитетом более 80 научных, общественных и государственных организаций и учреждений. В их числе — Академия наук СССР со всеми объединяемыми ею институтами и научными учреждениями, Академии наук союзных республик, Московский, Ленинградский, Казанский, Горьковский, Узбекский университеты и другие вузы, Ленинградский эрмитаж, Харьковское медицинское общество, Славянский комитет СССР, Союз советских писателей, ВЦСПС, Союз советских архитекторов, Всероссийское театральное общество, публичные библиотеки имени В. И. Ленина и имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, министерства высшего образования, геологии, здравоохранения и многие другие научные, общественные и государственные организации.

По решению оргкомитета создаются республиканские общества в союзных республиках и отделения в крупнейших центрах страны. В скором времени в Москве созывается общее собрание членов-учредителей и действительных членов Всесоюзного общества. На собрании будет принят устав Общества и избрано постоянное его правление.

Н. НЕМОВ

ТАМ, ГДЕ ЖИЛ ГОРЬКИЙ

В связи с одиннадцатой годовщиной со дня смерти А. М. Горького Московский клуб советских писателей организовал поездку в дом-музей в Горках, где жил, работал и в 1936 году скончался гениальный писатель.

Экскурсантов сопровождала Надежда Алексеевна Пешкова

Она рассказала о режиме дня Алексея Максимовича и поделилась воспоминаниями о последних днях и часах его жизни.

На снимке: Н. А. Пешкова ведет экскурсантов по любимым местам прогулок Алексея Максимовича.

Фото С. Шингарева

ЖАЖДА ЖИЗНИ

Рассказ

Рачья КОЧАР

Глаза его медленно приоткрылись, ясный взор охватил весь мир. Но воля и память все еще бездействовали. Не было ощущения собственного тела; слух не мог уловить непрерывных раскатов в глубине хвойных лесов... В этот день впервые блеснула на застывшей воде прозрачная, как стекло, ледяная кора; сухие травы в полях, стебли подсолнуха и листва на деревьях подернулись инеем.

Солнечный луч ударил ему в зрачки: легкая, еле слышная боль отразилась в затылке и в висках. Медленно из неизвестности, из сплошной тьмы начало возникать окружающее, обретая форму.

Мгла редела. День начинал яснеть. Казалось, солнце поднимается, не сводя упорного взора с его глаз. Вот и самого себя он уже начал ощущать. И мир и время... И все ближе, все слышнее лесной шум, грохот пушек и трескотня пулеметов...

Давно ли он здесь? Сколько часов протекло с той минуты, когда он швырнул зажженный фитиль в склад боеприпасов, с того мгновенья, когда адский грохот потряс всю землю, когда заколебались столбы тяжелого дыма и все исчезло в беспросветном мраке?.. Понемногу в этой непроницаемой мгле начали выступать и оживать лица товарищей, обрисовалась знакомая, хорошо знакомая фигура генерала, обнявшего его с пожеланием удачи...

Сделав чрезвычайное усилие, он лег ничком и пополз, едва переводя дух, туда, где сияло солнце. Голова кружилась, ноги тяжелели; приходилось то и дело отдыхать в траве, в высохших ручейках, прислушиваясь к залпам, то и дело меняя направление. Им владели теперь сознание, воля и надежда на спасение.

Так полз он весь день и всю ночь на четвереньках, то приближаясь к спасительному берегу, то удаляясь от него. На третий день, утром, ему встретился сторожевой разъезд.

— Доставьте меня к генералу Панфилову...

С этими словами он лишился чувств; ощущение места и времени опять исчезло.

Бойцы с трудом разжали ему зубы и влили в рот водки.

Но вот опять мелькнули перед ним знакомые лица, теперь уже не во сне, не в усталом, расстроенном воображении, а наяву.

На лоб ему легла чья-то теплая рука. Нет, это не сон и не бред,— перед ним сам генерал Панфилов!

— Успокойся, сынок, успокойся... А мы ведь думали, что ты убит, — улыбнулся Панфилов.

Удивленно разглядывал Микаэл генерала и бойцов, окруживших его, и уже ясно воспринимал их слова, их изумление, их радостные улыбки. Теперь ему все казалось милым: и люди, и чаща осеннего леса, и жизнь, окутанная неотступным пороховым дымом.

— И зачем умирать?—шепнул он.— Мне еще хочется жить.

— Правильно! — подхватил генерал.— Умереть всегда успеешь, это — дело простое.

Мозг работал, все кругом яснело.

— Увидеть день победы, увидеть отступающего врага!.. Пусть в этот день вражеская пуля пробьет мне сердце, тогда я умру спокойно... Большего мне не надо!

Генерал весело засмеялся и, обращаясь к бойцу, стоявшему рядом, сказал:

— Тихон, будь свидетелем: день победы непременно наступит. Только тогда и подавно не надо будет умирать. А теперь отнесите Петросяна, пускай отдохнет.

Был октябрь 1941 года.

Поля гремели от пушечных раскатов.

Проходили дни и недели. Поля устилались трупами; пал и генерал Панфилов; под самой красной столицей осенили себя бессмертной славой двадцать восемь панфиловцев, товарищей Микаэла Петросяна. Миновала морозная зима, талый снег ушел в подземную глубь, смывая с полей следы прошлогодней крови.

Наступила весна, рощи и поля зазеленели, на могилах павших бойцов пробилась первая трава. Но вот пришло лето, а с ним и новое отступление. Враг добрался до Дона и, перевалив его, двинулся к Волге, а затем дотянулся и до Кавказского хребта. У тех, кто остался в живых, исходило сердце кровью.

Еще одна осень. Опять морозная, северная зима. Казалось, что войне не будет конца. В людской миллионной массе затерялся Микаэл. Однако всегда он оставался верен себе: всегда находился в гуще схваток. Казалось ему подчас, что люди так и родились при пушечном громе, в пороховом дыму, что другой жизни не было и нет...

И вот свершилось!

Наше наступление началось. Давно желанное, ожидаемое, могучее, которое ничем не остановишь.

Вся жизнь несметных людских масс вдруг всколыхнулась, армии рванулись вперед, унося в своем потоке и Микаэла и его товарищей. Перед глазами их проходили тысячи, сотни тысяч лиц, и, казалось, что все они знакомы: русые волосы, белые славянские лица, узкие монгольские глаза, широкие затылки, крупные кавказские носы, густые черные брови...

Как будто со дня рождения неотлучно находился Микаэл среди этих людей и никогда не расстанется с ними.

Однажды ему почудилось, что этот родной мир навсегда утрачен. Целую неделю разведчики — Микаэл и двое товарищей его — бродили в тылу врага по лесным тропинкам, скрывались в чаще, по часам таились в траве, а ночью разыскивали путь к своим. Один был ранен. Поочередно товарищи несли его на плечах. Ночная тьма озарялась вспышками ракет. Смерть шла за ними по пятам. Все тяжелее давило плечи полумертвое тело боевого друга. Пересекая полосу земли, что зовется «передним краем обороны противника», попали в болотные топи. Огонь между тем крепчал, и снаряды рвали темное небо, словно молнии.

Теплая кровь согрела Микаэлу затылок; миновав «пояс смерти», он опустил бездыханное тело товарища.

Это случилось вчера, а уж сегодня они, двое оставшихся в живых, шли лесом по зеленой густой траве. Благоухала лесная свежесть. Прихрамывая, раненый Микаэл держался за плечо Тихона. Под ногами шелестела трава, на чистом голубом небе не было ни облачка. Но стена огня за этим лесом попрежнему отделяла разведчиков от своих...

Тихон Николаев подумал и, вспомнив что-то, усмехнулся:

— Помнишь, ты мечтал о дне наступления, мечтал даже в этот день умереть? Говорил еще генералу? Вот, видно, и наступил твой да и мой срок!

— Умереть? Нет, нет, пока мы на полдороге, умирать нет охоты! Неужели я не увижу освобожденной Родины? Доберемся до нашего рубежа, взглянем еще раз на вольные родные просторы, и тогда пусть сразит меня вражеская пуля. Тогда я умру спокойно.

Бои продолжались. Пролетела весна. Колосья дикой пшеницы, тяжелея, наливались. Знакомые реки медленно струились, а время бежало. Длилось четвертое лето. Дорожная пыль садилась на лица, садилась на ружья и пушки, на танки и обозы, на конские гривы и на лесную листву. От взрывов земля взлетала фонтанами, с чи-

Рисунок Н. Гринштейн

Нет, это не сон и не бред, — перед ним сам генерал Панфилов.

ИЗ УЗБЕКСКИХ ПОЭТОВ

Там, где цветёт джида

АЙБЕК

Пылает джида в серебристом дыму,
Зной сушит дыханье, как печка-земля.
Нахмурив бровей чернодугих кайму,
Хозяйка колхоза обходит поля.

Среди серебристого дыма джиды,
Как солнце, она среди облачных нив
Глядит: поднялись колосьев ряды,
Как будто бы отблеск ее отразив.

Вокруг тюбетейки — венок ее кос.
Закатаны ровно ее рукава,
Скрипят сапоги, как в хороший мороз,
Просты и правдивы хозяйки слова.

Нежданно беда над отчизной встает...
Лишь мужа она проводила, смутна,—
Ее председателем выбрал народ:
Выходит, всех лучше в работе она.

Копала канал она, падая в снег,
Работала в поле в немыслимый жар,
Горсть мутной воды была слаще всех нег.
Ночью — сон о любви, как далекий пожар.

То мчалась юргою на лысом коне,
Лишь пыль на дороге вставала, крутясь,
А то проносилась по горной стране,
Голодного рева реки не боясь.

Хозяйство ж у ней: в горах табуны,
Пшеница в степи золотая стоит,
И хлопок долин — снеговой белизны,
Пески и прохлада гранитная плит.

От трактора и до подковы коня —
Работами всеми умело владей,
Все тайны кишлачные ночи и дня
Известны ей — горе и радость людей.

Она к старикам, словно дочка, нежна,
Толкует заждавшимся девушкам сны,
Веселые тои справляет она
В честь новых, родившихся граждан страны.

Победа зарей золотой занялась,
Весна расцвела, как цветы на реке,
Но к ней понеслась в этот радостный час
Последняя черная весть в кишлаке.

В Берлине кружил ее сокол, что гнал
От стен Сталинграда врага, а сейчас
Погиб он героем, и плачет она.
Слезами кипят родники ее глаз.

Уж осень. Поблекла зеленая кровь
Листвы, и пришла урожая пора,
Она — председатель, и новых трудов,
И новых волнений пред нею гора.

Как снежные высятся хлопка бугры,
И с облачной схожи верблюды волной,
И слышатся песни счастливой поры,
И крылья как будто у ней за спиной.

И жизнь впереди в переплесках огня,
Но вырвется вздох из души горячо,—
Работать, забыть иль вскочить на коня,
Чтоб мчаться долиной, играя камчой..

Перевел Николай **ТИХОНОВ**

Мужам

Гафур ГУЛЯМ

Вы — ядро поколенья, вы — Родины ствол,
Вы, мужи, вдохновенья и силы полны.
Совершатели свадебных, жарких пиров —
Вы в красе величавой — опора страны.

Если мощны мужи,— нам беда не грозит,
Крепок щит, и народ, словно крепость, стоит.
Смех девичий тогда словно песня весны,
Сладкий сон стариков от тревоги укрыт.

На одну лишь весну в этом празднике сил
Стоит жизнь променять — столько мужества в ней,
Стоит веснам, эпохам, векам ожидать
Твердой поступи наших героев-мужей.

А разлука с могучим тяжка и горька,
Грудь отца обжигала, как уголь, она.
Стройный стан ваш сыновий, как посох для нас,
А дыханье, как будто сады и весна.

Но ведь воины — вы, вы — погибель врага,
Утверждавшие жизнь даже смертью своей.
Ради счастья безмерного Родины вы
Светлый подвиг несли над мильоном смертей.

Вы от полчищ врагов вашей кровью святой
Землю нашу отмыли и синюю твердь,
Заложили фундамент для новых времен
Вашей жизнью, всегда презирающей смерть.

И энергия атома в ваших сердцах,
И земля ждет от вас ясных судеб своих.
Мир, эпоха, страна, государство, народ
Опираются твердо на вас — часовых.

Перевел Владимир **ЛУГОВСКОЙ**

стого синего неба дождем сыпались осколки снарядов. И земля стонала от тяжкой боли. По обочинам дорог, в городах и селах, следом за шагавшими по полям бойцами вырастали новые бугорки, хранившие кости убитых. Стояла невыносимая жара. А потом хлынули дожди, бесконечные и нудные. Новая осень, новый листопад и новые бои...

Как-то, засев в заброшенном домишке, Микаэл корректировал огонь своей артиллерии. Немцы, видимо, перешли на этом участке в контрнаступление. И Микаэл подчинился велению сердца. Он дал знак направить огонь на свой домишко, потому что противник уже был рядом. И снова Микаэл перешагнул рубеж между жизнью и смертью. Взорвался снаряд, в глазах клубы серого дыма; домишко содрогнулся и как будто рухнул в пропасть.

И Микаэл уже ничего не помнил.

Сперва ему показалось, словно он хлебнул чего-то нестерпимо горького, отчего сразу закружилась голова и онемели конечности. Чей-то голос произнес:

— Ему повезло: ни единой раны.

В тот же день, под вечер, прогремели все орудия, обращенные на запад. На всех языках люди сообщали из страны в страну, что Красная Армия дошла до государственной границы.

На фронте поднялось необычайное ликование: все обнимались и целовались.

— И на этот раз ты избавился от смерти, хотя и желал ее. — усмехаясь, молвил Петросяну Тихон Николаев.

Рядом лежали они в сыром окопе. Моросил мелкий дождь. Микаэл горячо обнял товарища:

— Нет, милый друг, я хочу еще жить и жить! Неужели не дождемся победы? Я верю, мне суждено вступить на вражескую землю. Пусть же только в день победы меня уложит вражья пуля. Тогда с чистой совестью смогу я закрыть глаза.

Еще осень, снова зима и опять весна. Вместе со своей ротой и полком боец проходил вдоль вражеских сел и городов: в сердце — былые страдания и грозы, на подошвах — пыль чужой земли, над головой — незнакомое небо. Подснежник сменила благоуханная фиалка, притаившаяся в траве. На розовых кустах раскрываются почки, а пушки все продолжают грохотать, и весь мир в тревожном ожидании прислушивается к голосу войны.

В городе Потсдаме, в далекой Германии, на операционном столе лежал Микаэл. Все его тело от ногтей до корней волос стонало и томилось. Пристальные глаза хирурга искали стальной осколок. А сам Микаэл ничего не чувствовал и ни о чем не думал. Это был не он, а только его тело, распластанное на операционном столе; душа спала непробудным сном: ни страха, ни радости.

Когда, наконец, вернули раненому жизнь, он вздрогнул от боли, терзавшей его. Стеклянный взор бойца искал чего-то. Нежно шепнула ему медицинская сестра:

— Тебя спасли, Микаэл!

И опять в уме повторил он свое имя: «Микаэл, Микаэл». Значит, он существует, он живет.

В этот самый день Микаэл еще раз вернулся на землю из потустороннего мира.

Ждали победного салюта. В оконных стеклах угасал майский закат.

— Подвиньте кровать ближе к окну, — попросил Микаэл.

Кровать передвинули: глазам раненого открылась широкая даль.

Вечером Микаэл слушал орудийные залпы, смотрел на огни победы, озарявшие черную, чужую ночь... Далеко, далеко от него расстилался родной край, зеленели горные склоны, зияли бездонные ущелья; отсюда улыбалось ему его детство, улыбались волшебные легенды и бессмертная природа, далеко была и Москва, под стенами которой совершил он свой первый подвиг; тысячи километров отделяли Микаэла от могилы славного генерала, который верил своим солдатам и так твердо знал, что победа придет.

Утром навестил товарища Тихон Николаев и крепко стиснул его руку:

— Ну, ты снова обманул смерть. Поправишься! Знаю, что теперь-то тебе уж никак не захочется умирать.

Микаэл улыбнулся счастливой улыбкой:

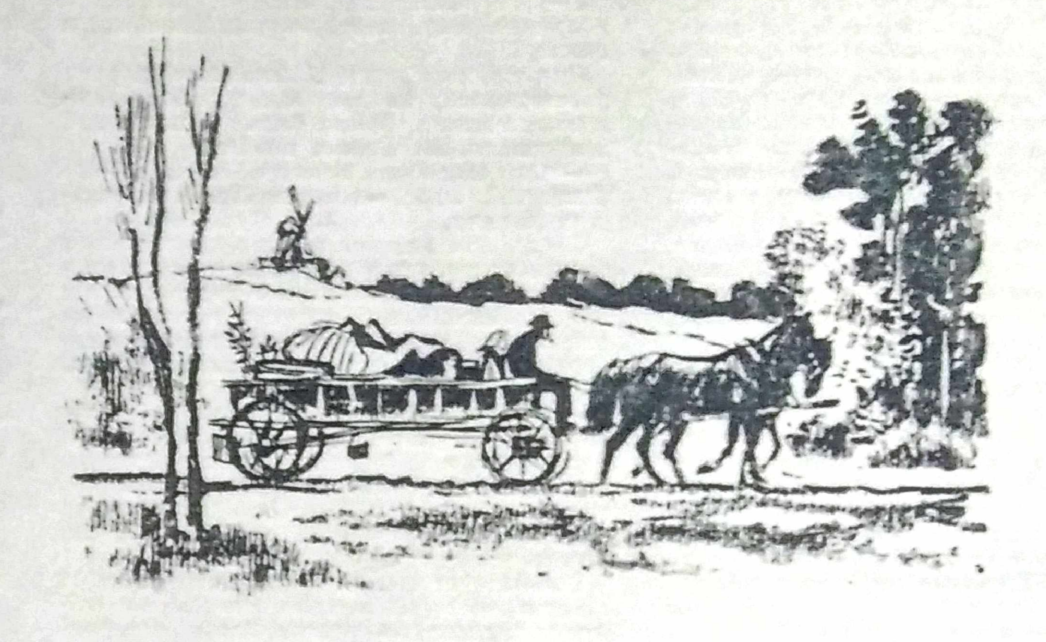
— Разумеется, нет... Нам еще надо вернуться на Родину... Еще много чудес в жизни предстоит увидеть! А сколько дела впереди! Я весь охвачен жаждой жизни, и жажду эту ничто не может утолить. Разве что бессмертие...

—Не думай, что ты один такой, — ответил Тихон, — мы все боролись и умирали, милый друг, для того, чтобы жить...

Был май 1945 года.

Перевел с армянского
Я. ХАЧАТРЯНЦ

Хутор Укку

Петр БЕЛЯВСКИЙ

1

Километрах в двадцати к югу от Таллина, в волости Сауэ, есть хутор. Он стоит одиноко, окруженный густым хвойным лесом, внешне ничем не выделяясь из массы разбросанных по Эстонии хуторов, в которых до советской земельной реформы 1940 года жила беднота.

Хутора... Островки тверди на заболоченной равнине, которую трудно назвать сушей. Эти едва приметные возвышенности среди топей эстонцы так и называют «сааре» — острова. С первого дня поселения на таком «острове» хуторянин вступал в единоборство с болотом. Статистика показывает, что до самых последних лет он так и не смог выйти победителем из этой борьбы. Площадь пашни к 1940 году едва достигала одной трети всей земельной площади Эстонии.

Но гибельнее враждебных стихий оказалась для крестьян «земельная реформа» правительства Пятса. Огромные выкупные платежи за землю обрушились на них непосильным бременем, и в двадцатых годах нашего столетия тысячи хуторов пошли с молотка за долги. Они стали объектом самой разнузданной спекуляции, переходили от одного хозяина к другому, пока ими не завладели «серые бароны», как называли здесь кулаков-фермеров. В их руках к 1939 году было две трети всех плодоносных угодий, отвоеванных у болот трудом многих поколений земледельцев.

И вот тогда-то нашелся не совсем обычный покупатель на хутор, о котором пойдет наш рассказ. Необычным было уже то, что он пришел из города. Он назвался Христофором Рейнфельдом, кузнецом, 44 лет. Сказал, что накопленные им сбережения позволяют ему оставить завод и уйти на покой в деревню. Рейнфельд стал владельцем 19 гектаров земли, деревянного дома с надворными постройками, пары коней и двух коров. Оформив сделку, он не поскупился на угощение: пригласил в бар всех видных чиновников волости.

— Не забудьте, Рейнфельд, оставить адрес, куда вам носить газеты. Вы уже назвали как-нибудь вашу мызу? — спросил почтмейстер.

— Укку, хутор Укку, — отозвался новый землевладелец.

И когда он свернул на полевую тропу, идущую к хутору, — рослый, плечистый, большерукий, — люди, провожавшие его взглядами, невольно подумали, что у пришельца были веские основания избрать покровителем своего хутора древнее эстонское божество мужества «Укку»: он сам был олицетворением его.

2

Вещи свои Рейнфельд перевез из Таллина на одной повозке. На узлах сидела худенькая черноволосая девочка лет тринадцати.

На хуторе Укку началась жизнь, схожая с той, которую вели соседи Рейнфельда, и все же чем-то отличная от нее. Рейнфельд пахал, сеял, делал все, что полагалось делать крестьянину, но ничего не предпринимал, чтобы расширить площадь пахотной земли. Он охотнее работал в кузнице, чем в поле. К нему приезжало много людей, которых он называл «заказчиками» — даже слишком много для такого небогатого хутора, — и он часто отвозил в город молоко, картофель, овощи.

Он сбывал свой товар, минуя рынок. У него и впрямь оказалось в городе много заказчиков, особенно среди рабочих заводских окраин Таллина.

Если бы кто порылся в фуре Рейнфельда, то нашел бы на самом дне ее, под грудами брюквы, картофеля и моркови, листовки коммунистической партии. И уж, конечно, никому из соседей не могло придти в голову, что маленькая застенчивая Алиса, такая домовитая, выполнявшая на хуторе роль хозяйки, печатает на гектографе эти листовки, которые точно огнем жгли сердца, будили мысль, звали к объединению против эксплоататоров, рассказывали правду о великом друге на Востоке — о Советском Союзе.

Настоящим владельцем Укку была партия. Соседи не знали этого, когда говорили:

— О-о, на Укку дела идут неплохо!

3

Май. Белая ночь. На востоке занялась заря, хотя вечерняя заря еще не погасла на западном небосклоне. В ореховой роще на берегу лесной речки поет соловей. Из хутора вышли трое и остановились над рекой, очарованные открывшейся им невыразимой красотой природы.

— Какая короткая ночь! — сказала девушка.

— Соловей несогласен с вами, Алиса! — смеясь, возразил ей высокий блондин в синей рабочей блузе. — Знаете народную сагу о Коите и Гэмарике? Юная чета, счастливая своей целомудренной любовью, молит своего отца жизни — солнце, — чтобы он сделал их брачный союз вечным. Просьба их услышана. Они подняты на небо, где и поныне утренняя заря — Коит — и вечерняя заря — Гэмарик — служат солнцу и человеку. Но только однажды в году, в короткую ночь, они смеют приблизиться друг к другу и поцеловаться. А соловей—Ööпик — сторожит их и щелкает целую ночь: «Лэиск тюдтрук, лаиск тюдтрук, ôô пиик, ôô пиик!» — «Ленивая девушка, ленивая девушка, ночь так длинна, ночь так длинна!».

— Пусть он выщелкивает, что угодно, это не помешает нам работать, не правда ли, Виктор?! Тем более, что упрекнуть Алису в лености не может даже «ööппик», — в том же шутливом тоне сказал другой мужчина — молодой, крепко сбитый, шумный.

— Само собой разумеется, Карл, — ответил Виктор. — Мы будем работать. Да, мы будем работать, чтобы люди полнее ощущали красоту жизни...

В кустах на противоположном берегу что-то зашелестело, и к плесу вышел человек с удочками. На нем были щегольские белые брюки. Он приподнял шляпу, обнажив лысый череп и уши летучей мыши.

— Тервист! — проскрипел он, растянув губы в улыбку.— Будем знакомы: ваш сосед...

4

За хутором и его обитателями велась слежка.

Поселившийся за рекой щеголь навязывался в друзья Рейнфельду. Он корчил из себя богатого фермера, которому наскучили разговоры о ценах на свинину. Он ругал хуторян за их разобщенность, поносил правительство Пятса, политика которого вела страну к неизбежной экономической катастрофе, и искал общения с интеллигентными людьми, которые могли бы понять и разделить его чувства. Такое общество, по его словам, он мог найти здесь только в Укку.

Отвязаться от «Летучей мыши» не было никакой возможности. Он появлялся в разное время дня и даже ночью, возникая внезапно под окнами старого деревянного дома.

На Алису была возложена обязанность предупреждать его появление. И в деланно радостном возбуждении она хлопала в ладоши, встречая «Летучую мышь»:

— А, сосед!..

Алиса тащила «гостя» на веранду, поила чаем или уводила на реку проверять верши, кататься на лодке, слушать соловья,— словом, делала все, что взбредет в голову молодой девушке, которая может позволить себе быть капризной и кокетливой, если... если это в интересах партийного дела.

Однажды в кузницу к Рейнфельду зашел батрак с заречной фермы. Исчерпав вопросы о здоровье, о делах, о погоде, он набил трубку, долго курил, потом поднялся, чтобы уходить, но не ушел: стоял, переминаясь и оглядываясь.

— Вы хотели что-то сказать, Аасне? — спросил его Рейнфельд.

— Да... так сказать... Как бы сказать — остеречь. Насчет нашего хозяина. Мы вас знаем, Христофор, и кое-что понимаем. Мы часто говорим о вас между собой. Так вот, вы не очень-то доверяйте этому можжевеловому немцу!..

— Спасибо, сосед!

5

Все лето на хуторе Укку не переводились дачники из Таллина. Уезжали одни, приезжали другие.

Компартия вела подготовку к всеобщему восстанию, и Укку превратился в штаб восстания. Здесь, в подвале старого дома, печаталась газета — орган Центрального комитета большевиков Эстонии. Здесь происходили конгрессы рассеянных по всей Эстонии подпольных большевистских организаций. Руководил ими Виктор Кингисеп. Он лишь изредка покидал хутор, но однажды не вернулся из отлучки. Кингисеп был схвачен в Таллине и расстрелян без суда.

Скорбную эту весть привез из города Рейнфельд. Удар был тяжелым. Но аресты и казни не могли прервать революционного движения, охватившего всю страну. Семьдесят тысяч разоренных хуторян, ставших батраками «серых баронов», многие десятки тысяч безработных были лишь головным отрядом трудового народа Эстонии. А народ становился все нетерпеливее в своих требованиях работы, хлеба, свободы, земли, требованиях независимости от иноземцев, которым правительство Пятса распродавало все, что составляло национальное достояние Эстонии, — ее леса, пастбища, недра, воды.

От хутора Укку — через хутора малоземельных крестьян, через хижины рыбаков, от станка к станку, от студенческой аудитории к сердцу рабочей матери, сын которой томился в одиночной камере тюрьмы,— потянулись и окрепли незримые, как волокна нервной системы в живом организме, и такие же чуткие, как нервы, нити, связывавшие партию с народом.

Товарищи Кингисеппа продолжали на хуторе свою деятельность. Среди них был уже знакомый нам — Карл Томинг.

6

Карл был арестован двумя годами позже — в 1924 году, — после поражения декабрьского восстания рабочих Эстонии. Хутор Укку подвергся нападению вооруженной кулацкой банды. Верховодил ею «можжевеловый немец», против которого предостерегали Рейнфельда батраки.

— Здесь жили коммунисты! — кричал он, круша дубинкой все, что попадалось под руку.

Бандиты жестоко избили кузнеца. Все они входили в «Изамалит» — фашистскую организацию, на которую реакция опиралась в деревне.

— Извините за беспокойство, барышня,— сказал шпик Алисе, молча наблюдавшей картину погрома.

И, как прежде, поднял шляпу над голым черепом с оттопыренными хрящами ушей.

Отца изамалитчики увели с собой. Он успел только бросить дочери с порога:

— Не уходи с Укку. Жди!..

Девушка осталась одна на хуторе. Мужество — девиз людей, среди которых прошла ее юность, — не покинуло ее.

7

Христофора Рейнфельда пытали в следственной тюрьме. Старик упорно твердил одно и то же: он хуторский житель, крестьянин, и все, что за пределами участка Укку, его не касается, а те, кто жил у него летом... Что ж, он сдавал дом дачникам из города, и они исправно платили за кров и услуги.

Ничего больше от него добиться было нельзя. Но это упорство стоило Рейнфельду жизни: он вернулся на хутор искалеченным и вскоре умер.

Похоронив отца, Алиса разыскала в Таллине одного из лидеров большевистского подполья и без всяких околичностей заявила ему, что оставаться на хуторе не может. На ее плечи легло все хозяйство усадьбы: лошади, коровы, куры. Надо их кормить, поить, доить, чистить... Разве за тем партия посылала ее вместе с покойным отцом на хутор, чтобы она превратилась в заурядную фермершу?! Нет, нет! Она иначе смотрит на жизнь...

— Да, но разве Укку не стали снова навещать товарищи? Тюрьма подорвала их здоровье, и надо...

— ...жарить яичницы, взбивать подушки, носить крахмальный передник и улыбаться, как подобает гостеприимной хозяйке?

— Да, да, именно так: вкусно кормить, внимательно ухаживать, улыбаться и... Ведь вы, Алиса, комсомолка? Очень хорошо... и почаще встречаться с девушками соседних хуторов. Думаю, что вы найдете, о чем поговорить с ними...

8

— Как коротка ночь! — тихо говорит молодая женщина.

— Да... — так же тихо отзывается мужчина. — Это Коит соединился с Гэмарике. Помнишь сагу, которую рассказал тогда Виктор?

Они сидят на берегу Кейли. В водах реки растворяются, но не гаснут пламенные краски восхода. Кейли бежит к морю как девушка на свидание к милому.

— Она, как наша Эстония. А море — это Советский Союз, — говорит Алиса и радостно смеется.

Лишения и жертвы, юность, пролетевшая в заботах, тревогах и трудах, — все это забыть невозможно, но все это позади, и все это возмещено и оправдано достижением той великой цели, к которой мужественные передовые люди вели за собой маленький исстрадавшийся народ.

— Укку... — говорит женщина в раздумье. — «А где вы были, гражданка, и что делали, когда рабочие и крестьяне боролись за свободу и счастье родины?» «Я была на хуторе, на хуторе Укку...» «А это хутор старого Рейнфельда!» Да, это один из ста сорока тысяч хуторов Эстонии...

Она обводит взором старый дом, липы с клейкой, молодой листвой, двор, и ей становится немножко грустно. Завтра она распрощается с Укку. Взгляд ее задерживается на новой телеге под навесом. Телега была сделана в одну ночь теми, кто гулял на ее свадьбе. Скромный коллективный свадебный подарок. Каждый смастерил какую-нибудь часть повозки — Сепре, Алик, наборщик Саша Маленький и даже Юлиана Тельман... Тогда все они вновь собрались на хуторе. А Карл Томинг не мог приехать, и она сама поехала к нему в Таллин, и он встретил ее на вокзале. Они пошли в кино, смотрели советский фильм «Медведь», а потом сели в поезд, приехали сюда, и она сказала товарищам: "Это мой муж».

Теперь все это — дом, сад, телегу — придется оставить. Партии незачем больше конспирировать свою деятельность. Ее враги свергнуты и разгромлены. Ее организации и ее друзья работают всюду открыто— в городе и на хуторах.

Эстония стала советской.

9

Историю хутора Укку — так, как она описана здесь,—рассказал мне секретарь Харьюского уездного комитета партии Карл Томинг.

Это было в 1941 году. Мы возвращались из поездки в только что организованную машинно-тракторную станцию. В стороне от дороги, среди сосен, виднелись какие-то постройки. Дом был заколочен, въезд во двор зарастал травой.

— Это и есть Укку, — сказал Томинг.

— Поэма, а не хутор! — сказал Аасне, директор МТС, некогда работавший трактористом у богатого фермера. — Вот ведь какие бывают хутора!..

— Мы думаем организовать здесь дом отдыха. И музей. Все же Укку — это живая страница истории...

Но отдыхать тогда было некогда, а для воспоминаний еще не пришло время.

То была пора ломки старых устоев и созидания новой жизни. Шел «большевистский передел» земли, как назвали крестьяне советскую земельную реформу. Прямо на глазах происходили чудесные превращения. Вдруг почти совершенно «исчез» целый профсоюз — сельскохозяйственных рабочих. Их было 72 тысячи. И вот их стало вдесятеро меньше. Зато появилась невиданная ранее категория крестьян: новоземельцы. Им советское государство дало землю, лес на стройку, кредиты на хозяйственное обзаведение. Правда, у них недоставало инвентаря и тягла. Но они кооперировали свои усилия. Взаимопомощь, тракторы, МТС, машины прокатных государственных и кооперативных пунктов разрушали ветхие путы капиталистических отношений.

Трудовое крестьянство смело устремилось по широкому пути социальных преобразований.

И вот только что освобожденная земля стала ареной новых жестоких боев. Но на этот раз в них уже участвовали не «профессиональные» революционеры, не отдельные группы мужественных сынов и дочерей Эстонии, а весь ее трудовой народ.

Это была война за свободную Советскую Эстонию, против немецко-фашистских захватчиков.

10

Совсем недавно, в феврале 1947 года, во время выборов Верховного Совета Эстонской ССР мне снова довелось побывать в уезде Харью.

Я зашел в уком партии. Карла Томинга там уже не было. Он погиб на острове Сарема, защищая со своим партизанским отрядом самую западную оконечность эстонской земли, в то время как немцы уже далеко ушли на восток.

Я спросил о судьбе Алисы Томинг и других обитателей хутора Укку.

Вместо ответа новый секретарь партийного комитета снял трубку телефона и куда-то позвонил. Через десять минут я сидел в Совете сельскохозяйственной кооперации и беседовал с хозяйкой хутора Укку.

Суровое время войны положило морщины на ее моложавое лицо и посеребрило голову. Еще не ведая о гибели мужа, она лишилась ребенка — девочки, которая родилась перед самой войной. Она эвакуировалась в советский тыл и там делала все, что было в ее силах, чтобы ускорить победу. Прессовала сено, шила белье, работала на Урале забойщиком в карьерах и училась, училась... Ей хотелось возвратиться на родину вооруженной передовым опытом великого русского народа-строителя, передовой теорией Маркса—Ленина—Сталина, чтобы, как она говорит, «принести как можно больше пользы своему народу».

На хуторах в волости Сауэ ее встретили как родную.

— Наша Алиса с Укку! — говорили крестьяне.

Она была желанной гостьей в каждой семье. Вокруг нее всюду, где бы она ни появлялась, собирались люди—женщины, дети, мужчины. И у каждого были свои вопросы — о Москве, о Сталине, о пятилетнем плане, о жизни в Советском Союзе, в семью народов которого вновь возвратилась Эстония.

Они готовы были слушать ее без конца. Она же не переставала изумляться тому, что видела на хуторах.

Ее брат Рейвик Рейо вернулся с фронта и женился на девушке с соседнего хутора. Эта девушка — член партии.

Рейвика крестьяне избрали председателем исполкома волостного Совета, и он весь поглощен такими делами, которых просто не было в практике «волостного правления» буржуазных времен. Наделение землей безземельных, прирезки малоземельным, курсы трактористов, электрификация, кинофикация, клубы, школы, детские сады, медицинские участки, пособия многодетным матерям, помощь семьям воинов Советской Армии... Кто и когда делал все это для крестьянина?!

Ей рассказали, что одна девушка, по имени Ээла, собрала подруг, и они обошли все хутора и помогли женщинам-вдовам убрать урожай. Алиса заинтересовалась, кто же она такая, эта Ээла.

— Как, ты не знаешь Ээлу Сыстраметс?— подивились те, кого она спрашивала.—Она наша крестьянка. Она комсомолка и была санитаркой в партизанском отряде, а сейчас учится в партийной школе в Таллине...

Эту девушку крестьяне уезда Харью выбрали депутатом Верховного Совета республики.

— Новые хутора — новые люди! — улыбнулась Алиса Томинг, вспоминая встречи с земляками. — Посмотрите, сколько замечательных организаторов и общественников подняла из низов народа одна наша сельскохозяйственная кооперация! И партия руководит этой гигантской перестройкой.

Помолчав, Алиса добавила:

— Не с хутора Укку, конечно, о нет!..

* * *

...Такова история одного эстонского хутора, доведенная до наших дней.

А. Шайхет. «Бойцам на фронт». (Бронзовая медаль)

В Голландии и Египте состоялись международные фотовыставки, на которых были представлены работы советских фотомастеров, получившие высокую оценку в зарубежной печати. Авторам лучших работ присуждены золотые, серебряные и бронзовые медали.

Председатель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей В. С. Кеменов недавно вручил медали советским фотомастерам тт. М. Ананьину, Г. Петрусову, Я. Халипу, Е. Умнову, И. Шагину, А. Шайхету, В. Шаховскому. Мы воспроизводим несколько работ, отмеченных медалями.

А. Шайхет. «Под Сталинградом».

(Бронзовая медаль)

Я. Халип. «Ленинград» (Золотая медаль)

Я. Халип. «Яхты в море». (Золотая медаль).

Рисунки М. Черемных

НОВЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Рассказ

Ефим **ДОРОШ**

Где же вам, товарищ, за Давиденкой нашим успеть! Давиденко теперь бригады смотрит: в одну для знакомства завернет, в другой сев проверит, в третьей о международном поговорит, ну а в четвертую как же не заглянуть, ежели по пути она в пятую — всего три километра крюку. А ваше дело быстрое: потолковал, статейку составил, телеграмму в редакцию отбил — читай, советская держава, как работает новый секретарь в Красильникове. Вот какое ваше дело, товарищ. Я ж знаю, семнадцатый год секретарей вожу, еще при Матвее Трофимовиче начинал ездить. Он теперь философ, Матвей Трофимович, громадную должность, говорят, занимает, но только слышал я, чи правда это, чи брехня, будто философам персональных машин не положено. А в свое время повозил я Матвея Трофимовича. «Ланчия» у нас была. Интеллигентный, извините за выражение, автомобиль — по театрам разъезжать. Мы же с Матвеем Трофимовичем в ту пору коллективизацию проводили, от этой «ланчии» через шесть месяцев у нас одна копия осталась.

Да вы залазьте в машину, товарищ, а я верх подниму, бо вроде дождик збирается, слышите, как в посадке шумит, вон и капля ударила по крылу, другая, третья... Эк расписало их, крылья, ровно ситец в крапинку, теперь всю пыль смоет. Залазьте, устраивайтесь, могу вам газетку свежую предложить. Сам я ее вдоль и поперек прочитал. Не желаете газетки, могу полную автобиографию Давиденки рассказать: все ж таки знаю его без малого тринадцать лет. Лучше бы нам, конечно, в какую-нибудь хату зайти, но только тут в колхозе шоферы отчаянные, не посмотрят, что машина секретаря райкома, в момент оформят.

А за Давиденку не думайте, мимо не пройдет: у нас вечером бюро, и нога у него на фронте поврежденная, куда же ему от «виллиса» своего уйти!.. Вместе в Красильниково и поедем. Это у Власия Карповича была привычка—забывать про шофера. Уйдет он, бывало, к людям в степь, а вертаться — времени ему жалко, ну и пробирается домой товарным або попутной машиной. Еще потом насмешки по телефону строит: разбудите, говорит, моего балагулу. Он витебский сам, Власий Карпович. У них при царизме такие извозчики были из евреев — балагулы. Но только у балагулы коняка тихая, поэтому сам он громкий, у меня же наоборот — автомобиль, и наружность моя, сами видите, спокойная, грузная. Не то что на верткого балагулу, товарищи говорят, на шофера не похож: презрительной гордости к пассажиру не имею в себе, да и «налево», извините за выражение, никогда не работаю. Мне еще Власий Карпович, как познакомились, разъяснение сделал: ты, говорит, Василь Оверкиевич, не в райпотребсоюзе служишь, а в райкоме КП(б)У — партийная должность.

Красивая жизнь была при Власии Карповиче. Первое место в области держал наш район. «Форда» неумытого, что еще с политотделов остался, сменили нам на «эмку». Бывало, в область приедем — от шоферов обкомовских один почет. Иной шофер из отстающего района и конца обтирочного не выпросит у них, а тебе свечу ли сменить чи что, — пожалуйста, с полным уважением.

Ну и в отстающих я тоже насиделся. Совсем недавно было это, при Валериане Калениковиче, которого Давиденко сменил. Ой погано, товарищ, быть отстающим!.. Уж так погано! В газету глянешь — крайние мы, передачу из области слушаешь — обратно крайние. Оно и раньше случалось, в чем-нибудь не вытянем — яйцезаготовки там, чи ремонт мостов; все ж таки район — хозяйство великое. Но то прощалось нам. А тут хоть и первыми какую-нибудь контрактацию телят провели, так и то не ожидай, что похвалят, ежели с тракторами, чи с подъемом зяби, чи с другим чем — круглая неустойка. Только и утешался, что в обкомовском гараже никого из старых ребят не осталось, да и по всем районам за войну переменились шофера, — некому тебя жалеть, некому и смешки строить. Приедем, бывало, в обком, притулюсь я со своей машиной в темном кутку, ничего не прошу, ни об чем не доказываю, от людей ховаюсь.

А машина была добрая — «Оппель-Адмирал»! Командир дивизии, что освобождал Красильниково, гвардии полковник Иван Иванович товарищ Багров подарил нам тот богатый трофей. С Матвеем бы Трофимовичем, с Власием бы Карповичем, с тем же Давиденкой на том трофее по району проехать, у всех бы мнение получилось — центрального масштаба работники. А Валериан Каленикович наш никуда не ездил, разве что в обком вызовут. Даже в посевную, даже в уборочную почти всегда дома сидел. Разумеете: в посевную да в уборочную! Прикипит к телефону, ровно малое дитя к цацке, и дудит в тую трубку, чисто косач на току — аж очи сплющит от удовольствия. А то еще совещания любил збирать. В самую пахоту або в жнива изо всех восьмидесяти колхозов председатели скачут, на восьмидесяти конях, на восьмидесяти ходах, с восемьюдесятью кучерами,— одно слово, Мамай степью идет. И зудит им Валериан Каленикович по бумажке, точно тот комар на закате, чи дьячок, про умелое использование тягла и рабочих рук. Чи доводилось вам, товарищ, встречать такую безвыходную жизнь, такую безвыездную партийную работу? Партийный работник, он как? Он всегда меж людей, и люди обратно же всегда партийного работника видят... Я на того Валериана Калениковича полной критики вам дать не могу, но только скажу — верьте старому шоферу, товарищ, — сна я решился с этим секретарем, чувствую, теряю квалификацию. То ж убийство мне в гараже загорать!

Вы, может, усмехаетесь в мыслях своих, думаете себе, что поскольку сняли секретаря, постольку я на него валю. Так то ошибка ваша, товарищ. Конечно, была езда и при Валериане Калениковиче, но только редкая. И мало радости видел я в тех поездках. Первое — за машину сильно опасался. Все ж таки нежный трофей он был, тот «Адмирал», к шоссе привычный. А Валериану Калениковичу обязательно прямо в бригаду угадать, проселок ли там разбитый, кладка дырявая, гребля навозная чи просто балка, — не разбирал. Второе же, как бы вам сказать, — вроде за райком стыдно было мне. Матвей Трофимович, Власий Карпович, Давиденко тот же, никогда они на машине к народу не подъезжали, всегда коло конторы оставят, а сами пешечком до бригады дойдут. Бо автомобиль жалеют и обратно же не любят перед людьми начальством выставляться. А Валериан Каленикович, только подъедем, еще и мотора я не заглушил, — дверцу откроет, ножку выставит, голову высунет и давай на бригадира кричать: сниму, исключу... Это уж без бумажки он умел. Так разве ж то порядок, товарищ, а? У бригадира ж председатель есть, чтоб учить, и плохая это партийная работа — на человека кричать. Краще бы, думаю, и не ездил он, краще бы, думаю, высокую свою квалификацию потерять мне и на грубую тракторную работу податься.

Сильно я об ту пору к трактору склонялся — совестно было зарплату получать. Уже с директором Красильниковской МТС в коммерческом нашем ресторане два совещания имел: с чего начнем, да когда приступим... Заявляюсь после второго совещания домой, а у меня телефон звонит, — это еще Власия Карповича заведение, чтоб у шофера на квартире телефон. Скучно так, беру трубку... «Слухаю» — говорю. И из телефона голос помощника секретаря, Хведора Хведоровича товарища Крыньки, моего непосредственного начальника: «Так и так, чи хворый ты, Василь, чи что? Явись утром к товарищу Давиденке, к новому первому секретарю, которого только что избрали...» А я с теми совещаниями в ресторане отстал от райкомовской жизни, и я не знаю, что он за секретарь, да какой это Давиденко.

Однако являюсь. Аккуратно стучусь в кабинет. Захожу и здравствуюсь.

Встает навстречу мне с кресла очень представительный мужчина в военной форме, при всех орденах, но без погонов и оружия. Росту он доброго, в плечах обширный, личность у него сильно загорелая, из очей веселые искорки прыщут, а усы черные, тонкие, но зато долгие и двумя колечками книзу спущены. И все смеется, а зубов — полон рот, крупных и чистых. «Здравствуй,—

В полевом колхозном стане...

Петро ДОРОШКО

В полевом колхозном стане —
сумрак,
звезды.
И всему
вечер вторит на баяне.
Почему б не петь ему?

Горизонт погас.
Теперь бы
дождь на землю
грозовой!
Шелестят по ветру вербы
у дороги луговой.

Аж меха у баяниста,
скрипнув чуть, легли на грудь
отдохнуть.
А вербище — густолисто, —
Ей ли с ветром-пересвистом
До утра уснуть?!

Ветки ивы
так шумливы!
И к чему их шум во сне?
— Эх, теперь бы!..

Знают вербы,
чуют кроною зеленой
в вышине:
на родной простор зернистый
дождь прольется в тишине.

В ранней рани
дождь в тумане
землю теплую поит.
Облака над полем бéлы,
вдоль дороги, словно стрелы,
жито
по ветру летит.

Бригадир в колхозном стане
песни играет на баяне.

Праздник в звеньях,
радость в хатах:
— Хлопцы! Будем жить богато!..

На шляху верба горбата
пляшет в шуме торжества,
разметавши рукава.

Перевел с украинского
Ал. НЕДОГОНОВ

говорит, — дядя Василь, я уж тебя, разрешу, по-старому звать буду».

Только по голосу я и угадал в нем того хлопчика с тракторных курсов, Мусия Давиденки меньшенького сына, что годов двенадцать або тринадцать назад коло моей «эмки» крутился. Где ж его угадать, когда был он в то время тонкий, да статный, да белый, ну—чисто барышня. Ему с трактором скучно было — грубая машина. Он шофером интересовался быть и после уроков до меня бежал: «А что это, дядя Василь?.. а как это, дядя Василь?» У меня ж характер мягкий, не мог я любопытному хлопчику отказать, когда была у него склонность до моей любимой специальности Тем более тот покойный Мусий, батька его, нашей фамилии дальним родичем доводился. Все я ему рассказывал да показывал, но только взял он вдруг и уехал, в школу танкистов определился. Потом, еще перед войной, слух был, что уже старшим лейтенантом Мусия меньшенький сын служит. А в войну, когда немец нашу территорию занял, я в Казахстан эвакуированный был — у меня жаба в груди — и переписки ни с кем из наших не имел, это уж сам Давиденко после рассказывал мне, что был он и капитаном, и майором, и подполковником, в каковом звании по случаю сильного ранения уволился из армии.

Другого района хлопец в таком звании непременно в какую-нибудь столицу подался бы, а наши красильниковские крепко к своему дому привержены. Потому земля у нас дуже богатая — степь. В травах всякая хорошая тварь живет: лиса, заяц, дудак, перепелка. В ставках — королевский корэп и поповский карась. По фермам колхозным — высоких удоев красный степной скот, белые английские кабаны, у каких от сильного сала задышка, испанской породы овцы, что дают волну самой ценной кондиции. В пшенице, когда поспеет она, с головой утонешь. Подсолнечники встанут в ряд, каждый, как то колесо от черного «ЗИС», только заместо резины — золотые листочки вокруг. А на садочки глянешь, как цветут они, чи в тот час, когда вишню збирают и девчаточки малесенькие понавесят себе на уши, вроде сережек, по две вишенки на зросшихся веточках, да еще соком перемажутся, — на садочки глянешь, не меньше года жизни себе найдешь.

Но только то раньше было, товарищ, а когда прошлой осенью Давиденку первым секретарем избрали, в печальном разорении находился наш славный Красильниковский район. Первая причина — немецкая оккупация, вторая — громадная засуха, третья — слабое руководство, про которое я уже вам пояснил.

Посмотрел я тогда на Давиденку и сразу понял, что у него дело пойдет: все ж таки глаз у меня на секретарей опытный. Из хлопца бы, конечно, добрый шофер вышел, однако что ж, если правду сказать, секретарская должность важнее. Потому партийный комитет, по разумению моему, — сердце. День ли, ночь ли, работают люди чи отдыхают, — всенародное сердце гонит свежую кровь по всему организму, чтобы в мизинце самом крайнем и то кипела бы жизнь.

Ну разве ж не мизинец в колхозе своем, а то и меньше, та самая тетя, у которой ночевали мы с Давиденкой в первый выезд по району? Отстающая она была, и колхоз у них был отстающий, так Давиденко с того колхоза и начал, и у тети той остановился, чтоб не показалась ему работа легкой. Он, к слову сказать, у председателей никогда не ночует, бо председатель и не захочет, а машинально все в лучшем виде может представить, чтоб руководство не огорчить. Хотя и с рядовым человеком тоже осторожность нужна. В одном дуже крепком колхозе, где не знали еще нас, дядька какой-то плакался: того у них нет, да с этим нехватка, особенно с семенами погано. Тут председатель как раз наскочил. Давиденко до председателя: «Не совестно тебе партию обманывать, будто семенами вся площадь обеспечена?» «Что вы, товарищ Давиденко, — забожился председатель, — как можно!.. Хотите, хоть зараз по каморам пройдем, все переважим!» Давиденко до того дядьки: «Кто ж из вас брешет?» А тот смущается, очи отводит: «Я ж для своего колхоза лучше хотел, может, помощь какую окажете, салом каши не спортишь». В том и есть, товарищ, партийная работа, чтоб человека понимать, как поняли мы с Давиденкой нашу тетю. Вот какую идею она высказала:

«Имеется,—говорит,—у меня, сыночки, корова... И сена до ней сколько положено, по канавам да по балкам накосила. Но только по случаю поганого состояния тягла не миновать моей корове в колхозе работать. Вы ж сами на зборах предложение сделали, чтобы в степь навоз возить. А чем возить, когда все кони зябь пашут? Кабы еще я сама на своей корове робила, тогда ничего. Только, горе мое, в свинарках я состою А чужой человек и ударит мою корову лишний раз, и сеном ее обнесет... Вот и загадала я, сыночки, ту корову да половину того сена продать. И купить себе на часть грошей телочку, а на остаток — трудная будет зима — кукурузы, суржику, ну и не без того, чтобы молочка иной раз взять К тому времени, как телочка моя в корову вырастет, колхоз наш поднимется. То я добре знаю. Будем жить, как до войны жили. Кто ж станет на моей корове робить, когда держава нам и тракторов богато даст и мы сами коней прикупим. Да чтоб у меня очи повылазили, когда не так будет. Чи. может, не верите вы мне, сыночки, так у людей спытайте, сколько тракторов гудело у нас в степу, какая жизнь была, — только что пташьего молока не имели»

Так она рассуждает, премудрая тетя, и прямо допытывается у нас: есть такой закон, чтоб запретить ей продать корову, чи нету такого закона? Дуже интересно было мне, как Давиденко хитрый тетин план разобьет. То впервые случилось, чтобы при мне загадывали ему такую загадку.

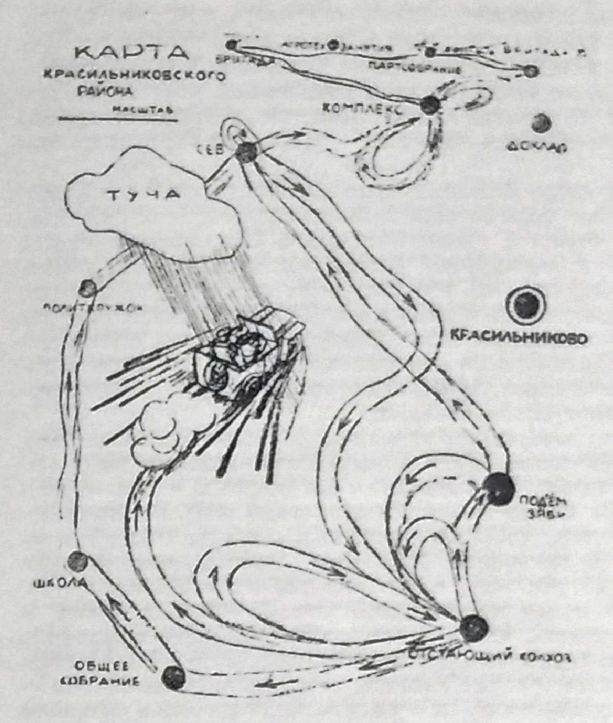
«Нету, тетя, такого закона, чтобы вам корову продать нельзя было,— отвечает мой Давиденко — Правильный ваш план. Мы с жинкой свою тоже продаем, потому что родня у нас большая и все нуждающиеся. Старший брат жинки тяжело раненый был, теперь на излечении лежит, а детей у него полна хата. Это уж не миновать, чтобы молока им не занести. Меньшему брату еще целый год в техникуме учиться, и хоть нету семьи у него, а когда заглянет к нам, тоже не миновать молоком напоить: сами понимаете, студент. Вот и надумали мы с жинкой, как и вы, тетя, взамен коровы телочку завести. К тому ж времени, как телочка наша в корову вырастет, старший брат непременно на ноги станет, должность хорошую найдет. То я добре знаю, потому что специальность ему держава дала богатую. И меньший тоже самое учение закончит, знаете сколько зарабатывать будет — ого! Его уже сейчас в три места зовут... На том и порешили мы с жинкой, что нету закона друг дружке помогать, время трудное,— об себе нужно заботу иметь. Или, может, не верно то, тетя?»

Вот какую легенду рассказал ей Давиденко. А почему легенду? Так у него ж коровы сроду не бывало!

Ничего не ответила наша тетя, только в лице переменилась и укладывается себе спать на лежанку. Всю ночь насквозь ворочалась она, бедная, да так вздыхала

— В самую пахоту або в жнива... изо всех колхозов председатели скачут...

— Всю осень и зиму была у нас дуже сильная езда.

важко, что сказать нельзя. А едва развидняться стало, еще и пивни спивать не думали, чуем, бушуется тетя коло председателевой хаты «Чи голова ты у нас,— шумит,— чи ты не голова! А раз голова, так имей до народа внимание, зараз же правление збирай, нехай обсудят мое предложение. Не твоя,— доказывает,— журба, что жинки своих коров колхозу не позычат, за это уж я отвечаю. Как же им не позычить, когда дитя малесенькое и то разумеет, что когда об себе одном заботу имеешь, колхоз меж пальцев уйдет». И что бы вы думали, товарищ, как уезжали мы с Давиденкой, так чисто все жинки коров гнали к скотным дворам, а там уж запрягают, навоз наваливают,— полная приборка идет.

Но я вам еще не рассказал про тот навозный комплекс, откуда он взялся и какая от него польза. Почему комплекс? А это вы узнаете, когда будет ваше терпение слушать про загальные зборы, по-русски сказать — общее собрание, что провели мы в том колхозе с Давиденкой. Одна дискуссия на тех зборах происходила — об воде, то есть об влаге, поскольку летом засуха была и народ обратно опасается за урожай. Один говорит: все силы покладем, а спущенный план зяблевой вспашки выполним, известно: вспаханная земля осеннюю влагу хорошо держит. Другой соглашается, но добавляет, что весной обязательно требуется бороновать зябь, бо рыхлая почва не такое сильное воспарение имеет. Третий не перечит им, но доказывает, что когда всходы пойдут,— умри, а чистую прополку сделай, чтоб никакой осот-паразит и капли воды не выпил. И четвертому то по душе, но у него мнение, что ко всему требуется еще яровые как можно раньше да в краткий срок посеять, тогда и раскустятся они рано, от ветра и солнца укроют землю, как бы одеялом, вся влага корням достанется.

Понимают люди, хотя и отстающие,— все ж таки учила их советская власть: агрономов дала, газеты с книжками... А почему отстающие? Так после войны трудно ж им было, одушевление требовалось, да разве к ним Валериан Каленикович когда приезжал, чтоб выслушать уважительно? До передовиков у него интерес: может, они вывезут — хоть и было их два колхоза на район; для отстающих же — телефон, команда... Но только, извините меня, товарищ, а живому человеку перед телефоном душу свою открывать не интересно. Не помог бы Давиденко тому колхозу решить навозный комплекс, когда б лично не слышал того буйства, что поднялось и закипело на зборах после выступления одного дядьки.

«Наука доказывает, — сказал тот дядька,— что пшенице треба пятьсот килограммов воды, чтобы дала она килограмм сухой растительной массы. А практика показывает, что зимою в степу громадные океаны гибнут, когда ветер начнет снег выдувать. Наука доказывает, что треба задержание снегу делать. А практика показывает, что нема у нас щитов. И обратно же наука доказывает, что не обязательно щиты из досок вязать, на такое дело могут пойти подсолнечные бодылья або лозовина. И обратно же практика показывает, что нема у нас для этого рабочих рук. Так и суперечатся они, наука с практикой».

Тут и поднялось то словесное буйство, про которое говорил я вам, товарищ. Люди шумят, что надо с животноводства дедов поснимать, нечего им хвосты бугаям крутить, нехай наплетут щитов из лозовины и бодыльев. А животновод и которые его сторону держат огрызаются, что деды и так не успевают от коров да коней навоз отгортать, все дворы и конюшни по самые застрехи заросли.

Тогда берет слово Давиденко и предлагает, чтобы деды и жинки некоторые вывезли навоз в степь,— а его богато в колхозе набралось,— чтоб разложили они навоз по степу кучами, коло которых зимой снег будет задерживаться. А по весне разметать кучи да запахать. Тут, говорит он, комплекс целый получается: первое — дворы и конюшни очистим, животным легче жить станет; второе — теми кучами снегозадержание проведем; третье — землю удобрим, чем повысим урожай. Это говорит, старинный предрассудок, что нашу каштановую степь удобрять лишнее. Если без высокой агротехники хозяйство вести, тогда так. А если с агротехникой, как вы предлагали, чтоб зябь, и снегозадержание, и весенняя боронька, и прополка, и сверхранний сев,— тогда в такую мощность растения пойдут, что мало им будет питательных веществ, которые в почве.

На том и согласился народ, и резолюция была дана правлению, чтоб изыскало оно тягло для такого решающего дела, не срывая подъема зяби. Но только вам уже известно, сколь удачно разрешился тот вопрос.

Всю осень и зиму была у нас дуже сильная езда. Где партийные зборы, где доклад, где политический кружок, где школа, где агрономические або зоотехнические занятия,— до всего нам дело. Только и заскочим в Красильниково, чтобы бюро провести, партийные документы вновь вступившим выдать да принять товарищей, что становятся на учет. Жинки наши — они дружат меж собой — в шутку вдовами себя называли. И загудел район, как мотор, когда искра ему дана. Какая бы ни была богатая смесь в моторе, а не вспыхнут ее пары, не приведут в движение вал, когда нема искры. Но и самой искре, хоть и жаркая она, не стронуть с места машины без подходящей для воспламенения смеси. Это уж, товарищ, каждый шофер вам скажет, да не только шофер...

Однако вижу я, обратно усмехаетесь вы в мыслях своих. Думаете, что раз новый секретарь, так я его хвалю, тем более по душе мне, что Давиденко ездить любить. Сомнение у вас, что в одном человеке причина. Так я к того не говорю, я ж вам про мотор привел и обратно же про сердце.

Было то после февральского Пленума, что называем мы меж собой «пшеничным». Во всем была у нас полная готовность до весны, только с запасными частями до тракторов задержка. А когда прибыли в Красильниково запчасти, вокруг — великий разлив. Где ж его проехать по МТС да по тем колхозам, что сами ремонтируют трактора? Каждая речка малесенькая шириче Днепра разлилась. По балкам, какие все лето сухими стоят, ревет, скреготчет, кладки да гребли зрывает вода. Дорогами грязь плывет...

Одному «виллису» нашему байдуже — дивной проходимости машина!

Чи говорил я вам, чи не говорил, почему «виллис» у нас взялся? Это еще когда я впервой до Давиденки явился, так глянул он на моего «Адмирала» и сказал: «Не министры мы с тобой, дядя Василь, чтоб на такой машине разъезжать, вот пятилетку сполним, дороги оборудуем, тогда не то что «Адмирала» — «ЗИС-110» заведем. А теперь наше дело солдатское — пшеницу воевать, и машина требуется нам солдатская». После чего сменял в области тот роскошный трофей на доброго «виллиса».

Но хоть и был нам в скаженный разлив да влипучий расплыв полный повсюду проезд, а краще бы и не ездить, бо народ за трактора сомневается: как же, пытают нас люди, запасные части доставлять? Давиденко аж с лица спал и от сумных дум весь черный.

Только приходят до него в один день коммунисты с нашего железнодорожного узла: так и так, секретарь, имеем предложить запасные части с проверенными товарищами из поездных проводников отправлять,— пустое дело для них взять по ящику до себя в купе. Когда есть на то согласие твое, звони по колхозам да МТС, нехай лошадей к пассажирским да рабочим поездам высылают.

А наш район, когда не знаете вы, товарищ, то поясню: в железнодорожных путях, как в паутине: две центральные магистрали в Красильникове перекрещаются, пять веток в стороны отходят, и каждому колхозу або МТС до станции, чи то полустанка, не больше трех, от силы четырех километров езды. Четверку добрых коней запречь, самую цепкую грязь вполне осилить можно.

И так у нас во всем: где Давиденко людям пояснение сделает, где Давиденке люди счастливую мысль подадут,— круговое обращение крови получается. То я вам не как секретарский шофер говорю, а как член партии: превзойдет наш Давиденко и Матвея Трофимовича и Власия Карповича. Потому первый из них в идейности был силен, а второй — в практике, Давиденко же и в том и в другом силу имеет.

А дождь-то перестал. Глядите, какое пышное солнце занялось,— аж задымился брезент на моем «виллисе». А по веткам на деревах будто стеклянные мониста развешаны. И земля, бачите, какая она стала, земля — масло. Миллионы миллионов семян принимает она сейчас в себя, кормить будет каждое зернышко, поить.. И войдут они в силу, в богатый рост, а с ними весь наш район, вся область, вся бескрайняя держава советская. Как подумаешь, что и твоя тут работа, и ваша, товарищ, и вон того дядьки, какой, бачите, за теми хатами крайний гон со своей сеялкой проходит, и давиденкова,— как подумаешь про это, так ровно из дальней дали коммунизм до тебя проглянул.

Этого можете и не писать в свою статейку, это я так... Наш брат, периферийный шофер, на дорогах своих вольных да тихих к размышлениям склонность имеет. В городе другое дело, там для шофера одна нервность... Вон и Давиденко идет. Ох, и натрудил он поврежденную ногу, бачите, как припадает.

Товарищ Давиденко, это из редакции представитель следом за нами приехал, так я уж им все рассказал. Та нет, зачем брехать, все объяснил из жизни, как оно было и как оно есть... Поехали?

ГЕРМАНИЯ СЕГОДНЯ

(Из записной книжки корреспондента)

И. ЗОЛИН

В американской зоне оккупации

Это было в Дармштадте. Мы сидели в «офисе» американского коменданта города и беседовали о борьбе с нацизмом. Комендант, явно уклоняясь от беседы на эту тему, отрекомендовал нам одного из своих офицеров:

— Лейтенант — один из лучших специалистов по денацификации. Он вам расскажет обо всем, что касается борьбы с нацистами.

«Специалист» по денацификации прежде всего развернул перед нами длиннейшую анкету с сотней вопросов и объявил, что заполнение этой анкеты — первейший шаг в борьбе с нацизмом.

— А что вы делаете с анкетой потом?

— Потом мы проверяем правильность заполнения и сопоставляем ее с другими материалами. И если человек неправильно заполнит анкету, мы принимаем меры.

— Сколько же людей должно быть занято на этой работе и когда ее можно закончить?

— Людей у нас пока на этой работе маловато, поэтому дело идет медленно. Но вот скоро будет принят закон, тогда денацификацию мы передадим в руки самих немцев...

Это было весной прошлого года. Приближалась годовщина со дня безоговорочной капитуляции Германии, и странно было слышать, что за десять месяцев после поражения гитлеровцев американские оккупационные власти успели только подготовить закон «об освобождении от национал-социализма и милитаризма», по которому вся борьба с нацистами передавалась в руки немецких судов по денацификации.

Представители американских оккупационных властей не раз повторяли, что у них в зоне работа развернута, что уже заполнено столько-то тысяч анкет.

— У нас каждые три минуты задерживается один нацист, — самодовольно говорил мне один из «специалистов» по денацификации.

Мне хотелось спросить, а через сколько минут такой нацист получал свободу.

В Мюнхене, Мангейме, Дармштадте, посещая предприятия, мы часто встречали нацистов. Несмотря на то, что антифашисты заявляли о преступной деятельности этих лиц при гитлеровском режиме, их не трогали, так как они, дескать, «незаменимы» и без них якобы нельзя управлять производством.

Представители немецких органов самоуправления, в большинстве деятели христианско-демократического союза или социал-демократической партии, на вопросы о денацификации давали уклончивые ответы, ссылаясь на закон, который вот-вот должен вступить в силу.

Наконец закон был утвержден американской администрацией. Устанавливалась многослойная система определения виновности.

Нельзя не отметить и того, что министром по денацификации вскоре был назначен Антон Пфайфер — сторонник правого крыла христианско-демократического союза. Личность этого человека достаточно ярко определяет перепалка между ним и обозревателем мюнхенского радио.

— Не вы ли, господин Пфайфер, были генеральным секретарем той партии, которая 13 марта 1933 года голосовала за закон о предоставлении особых полномочий правительству и тем самым Гитлеру? — спросил обозреватель.

«Демократический» министр вынужден был признать, что секретарем этой партии был он, но...

— В то время я был занят другими делами, — ответил Пфайфер.

Оправдание, что и говорить, «основательное».

Короче говоря, американские власти поручили борьбу с нацизмом и милитаризмом тем самым людям, от которых в первую очередь должен быть освобожден немецкий народ.

Известно, что брат министра по денацификации был, по определению самих немцев, «кровожадным нацистом». После прихода союзников его посадили в лагерь для интернированных, но как только братец получил пост министра, нацист был немедленно освобожден. Сыновья министра тоже были активными сторонниками нацистского режима. Один состоял в гитлеровском союзе молодежи, а второй — в отрядах СА. Да и сам министр пользовался благосклонностью гестапо. По словам того же радиообозревателя, нацисты посадили его на несколько недель в тюрьму, где относились к нему не как к политическому противнику, а скорее как к отдыхающему.

Таков господин министр по борьбе с нацистами.

Закон «об освобождении от национал-социализма и милитаризма» этот министр начал применять очень своеобразно. Прежде всего он начал подбирать своих сотрудников и судей, которые должны были разбирать преступления нацистов. Вместо того чтобы привлекать в суды по денацификации, или, как их принято называть в Баварии, камеры по денацификации, антифашистов и представителей демократических партий, он сажал во главе камер бывших членов баварской народной партии, перешедших теперь в ХДС. В прошлом эти люди, если и не были в рядах нацистской партии, то активно сотрудничали с гитлеровцами. Получив должность судей, они в свою очередь подбирали юристов — усердных служак гитлеровского режима.

Физиономию этих слуг Фемиды ярко осветила газета «Донау курьер». По сообщению этой газеты, в Мюнхене долгое время подвизался в качестве борца с нацистами некто Штребель, судья и фашистский палач в прошлом. Когда пребывание Штребеля в Мюнхене стало неудобным, его перевели в Аугсбург, а затем еще дальше, в глухой уголок Франконии. Подбирая таких сотрудников в аппарат по денацификации, Пфайфер в то же время изгонял из суда антифашистов. В течение одного дня он уволил из министерства восемь видных антифашистов. На вопрос общественности, почему он это сделал, ответил:

— Все руководящие чиновники назначаются военными властями.

Укомплектованный таким образом судейский аппарат по денацификации начал «чистку от фашизма». По радио и в прессе был поднят большой шум. Общественность оглушали пятью и шестизначными цифрами дел, якобы заведенных против нацистов и подлежащих разбору. В интервью Пфайфер заявил, что камеры выносят в день по 15 решений, а так как работает 300 камер, то, по его подсчетам, в месяц можно разбирать 70—80 тысяч дел. В другом случае сообщалось, что к ответственности будет привлечен один миллион человек. Для поощрения денацификационных камер было роздано 110 тысяч сигарет. Камеры старались, спешили. Цифры огорошивали, ошеломляли, они создавали видимость бешеной активности. На самом деле вся эта бюрократическая машина была пущена в ход для того, чтобы скрыть истинное положение вещей и саботировать денацификацию.

Вместо того чтобы привлекать к ответственности и судить нацистских бонз и преступников, в первую очередь стали разбирать дела мелкой сошки, так называемых номинальных нацистов. В этой массе пропускали через камеры и оправдывали тысячи крупных и активных нацистов. Это хорошо усвоили нацисты и массой шли в камеры по денацификации. Без справки «прошел денацификацию» они не имели права работать в общественных учреждениях. Открылась возможность, уплатив легкий штраф, получить такую справку.

Таким образом, денацификация превращалась в пустую формальность.

В сентябре министерство денацификации обнародовало для всеобщего сведения итог работы за месяц. По ее сообщению, было разобрано 12 570 дел. Из этого количества только 23 человека отнесены к группе главных виновников, незначительное число отнесено ко второй и третьей группам, 9563 человека отнесены к четвертой группе, т. е. к группе так называемых «попутчиков» (они отделались незначительными штрафами), а 1263 человека было вообще оправдано.

Камеры открыли этакое состязание на быстрейшую разборку дел. Кто больше пропустит, тот лучше работает.

В одной из берлинских газет была напечатана карикатура на методы денацификации в американской зоне оккупации. Баварец с сачком в руке ловит в аквариуме мелкую рыбешку, стараясь не задеть крупных хищников со знаком свастики.

В конце прошлого года печать самых различных направлений была полна материалов о методах денацификации в американской зоне. С критикой методов Пфайфера выступило даже мюнхенское радио. Видимо, эти тревожные сигналы дошли наконец до ушей американской военной администрации и дальше стало невозможным не замечать того, что делает пронацистская реакция.

3 ноября генерал Клей заявил, что если немцы через два месяца не исправят положения, то американские власти возьмут денацификацию в свои руки. Немцы несколько перетрусили. Пфайфер немедленно подал в отставку, но его оставили на посту министра. Однако политика Пфайфера вызвала возмущение у демократической части немецкого населения. 9 ноября в Мюнхене состоялась 15-тысячная демонстрация протеста против политики по денацификации.

Пфайфер был все же снят, и на его место назначили другого немца. Положение дел при этом нисколько не изменилось. Нацисты попрежнему чувствуют себя вольготно. Никто их не трогает, никто не беспокоит. Они свободно разгуливают и даже переходят к активной террористической деятельности.

Новый министр, доктор Лориц, выступил в печати, с апломбом заявив, что он «искренно убежден в том, что после захвата власти Гитлером миллионы немцев вступили в НСДП под давлением своих начальников, из-за страха и тому подобных побуждений».

Короче говоря, новый министр изрек, что немцы не столь уж виноваты и стоит ли поэтому поднимать шум. Даже мюнхенская газета «Зюйддейче цейтунг» выступила с критикой этого заявления. «Это уж слишком, — возопила газета, — называть попутчиков «жертвами нацизма».

Однако министр был упорен. На следующий день он выступил с ответом, в котором заявил, что он «не изменит ни одного знака препинания в своей речи».

Из этого следует, что министры в американской зоне,—несомненно, люди последовательных и твердых убеждений. Но странно, что эта твердость проявляется не в направлении наказания нацистских преступников, а в стремлении их «обелить». Это, несомненно, понимают американские оккупационные власти, и, однако, они не принимают надлежащих мер, чтобы на деле проводить настоящую денацификацию.

ХРАНИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Рассказ

Татьяна ТЭСС

Рисунки В. Коновалова

В вестибюле университета, возле двери из тяжелого резного дуба, сидел швейцар. Это был строгий старичок в очках, с расчесанной бородкой. Такие швейцары, упоминая о своей работе, обычно говорят так: «У нас в университете...».

— К профессору Берзиньшу? — старичок испытующе посмотрел на меня из-под очков, и стул с ковровой обивкой заскрипел под ним. — Пройдите по правой лестнице на самый верх, до башни. Левая дверь.

— А как вы полагаете, профессор уже пришел? — сказала я опасливо: возможность напрасной прогулки на башню заставила меня насторожиться.

— О! — старичок повернулся ко мне всем корпусом на своем скрипящем стуле. — О! — негодующе повторил он. — Профессор Берзиньш приходит каждый день ровно в семь тридцать утра...

Проговорив это, он отвернулся и стал читать газету «Циня».

В вестибюль входили студенты, и, когда дверь открывалась, были видны дорожка бульвара, рыжий клен, косо и сильно наклоненный ветром, и край туманного, розоватого неба. Запах осени залетал в вестибюль, бесхитростный деревенский запах сырой земли, дождя и мокрых листьев...

В пейзаже Риги есть неизъяснимая прелесть. Но к нему привыкаешь не сразу. Каналы с темной водой, на которой неподвижно лежат большие золотые листья, старый город с узкими средневековыми улицами, где среди руин сохранились суровые здания с железными петушками на крышах... Каменный апостол с лицом, изборожденным дождем и осколками, стоит на вершине разбитой бомбами кирхи, горестно воздев к небу руки, с которых ниспадает библейская мантия. Голуби, ленивые, пухлые голуби, похожие на елочные игрушки, переваливаясь, бродят по мостовой и садятся на крылья машин, стоящих у гранитного подъезда министерства, а у перекрестков блестят старинные стрельчатые фонари, укрепленные на крюках, вбитых в толстые, как у бойниц, стены...

Но, войдя в университет, я сразу почувствовала себя дома.

Все здесь показалось знакомым. По особой шелестящей тишине, которую пересекал негромкий ровный голос, можно было без труда догадаться, что на первом этаже находятся аудитории и сейчас идут лекции. Я поднялась на второй этаж. Сквозь закрытые двери донеслось потрескиванье, легкое шипенье, позвякиванье химической посуды — тонкие, мелкие звуки лабораторий. На третьем этаже коридор вдруг озарился голубой металлической вспышкой, словно блеснула молния, — очевидно, в какой-то лаборатории ставили опыт. Я поднималась все выше с тем же ощущением, что пришла домой: все было до мелочей знакомо — расположение коридоров и дверей, особый, сухой и горьковатый запах книг, соединение тишины и далекого говора, многоголосого, с певучими перекатами...

Пятый, седьмой, восьмой этаж... Наконец я добралась до последней площадки и остановилась, чтобы отдышаться. Налево белела дверь. Я постучала. Выглянул студент с пухлыми, румяными, как у девочки, щеками.

— Профессор Берзиньш? — переспросил студент. — О, профессор сейчас в подвале! Пожалуйста, пройдите по боковой лестнице вниз, до самого конца, и еще восемнадцать ступенек направо, к подвалу.

— Простите... — сказала я. Сердце мое колотилось, и я никак не могла отдышаться после подъема. — Простите, сколько же лет профессору?

Студент посмотрел на меня озадаченно. Потом он понял, румяное лицо его просияло улыбкой.

— О, да, да... — проговорил он, кивая головой. — Семьдесят девять лет. Это удивительно, вы правы. Мы уже привыкли, знаете... Но это удивительно, я вас понимаю...

Спускаясь по лестнице, идущей в подвал, я услыхала шум. Можно было подумать, что за дверью живет тысяча сверчков, все они пели и трещали, и я вспомнила сухие августовские вечера на подмосковной даче, запах сена, пыльной травы и пенье сверчков под звездным небом, где уже переливается осеннее созвездие Плеяды...

Но нет, это не были сверчки. В треске ощущалась неживая, механическая ритмичность. Я вслушалась еще раз и узнала природу звука, но меня поразила его сила: такого могучего тиканья нельзя было услышать даже в часовом магазине.

Вдруг, заглушая тиканье, раздался громкий и сердитый бас.

— Осторожно! — прокричал он. — Не шумите, пожалуйста! Здесь надо ходить на цыпочках...

В подвале на грубом табурете сидел старик. На нем была широкополая старомодная шляпа; седая борода спускалась на грудь, осыпанную пеплом. Старик опирался на толстую, суковатую палку. Возле него стояла студентка, худенькая, хрупкая девушка.

— Ну? — сказал старик, взглянув на девушку. — Что же вы стоите?

Тут он повернул голову и увидел меня.

— Кто вас пустил сюда? — прокричал он таким громовым голосом, что я невольно попятилась. — Кто вы такая? Что? Не слышу! Из Москвы? Из газеты? Все равно нельзя! Вы знаете, куда вы попали? Здесь святая святых! Здесь часы, которые идут с точностью до тысячной доли секунды. Что? В этой комнате дышать нельзя, понимаете? А вы топочете ногами без спроса. Уходите! Что? Уходите немедленно, здесь нельзя громко разговаривать...

Профессор кричал, девушка смотрела на меня, не мигая, виноватыми, сочувствующими глазами. Пятясь и бормоча извинения, я отступила. Только сейчас я увидела громадные часы, покрытые стеклянным колпаком. За ними в глубине подвала мерцали и поблескивали неизвестные мне приборы. Дверь захлопнулась, но в ту же секунду прогремел голос профессора:

— Куда же вы? Вернитесь! Все равно придется тратить на вас время, я знаю...

Приоткрыв дверь, я снова заглянула в подвал. Старик сидел, опершись на палку, и молча глядел на меня, сощурив глаз. Белые усы его тихонько раздувались.

— Ну? — сказал он вопросительно; я промолчала, и он еще плотней сощурил глаз. — Идите наверх, в мой кабинет, — сказал он ворчливо. — Я сейчас туда приду. Только имейте в виду, что я много времени на вас тратить не буду. Что? — прогремел он. — Идите наверх, я же вам сказал...

И вот я снова начала свое восхождение. Четвертый, шестой, восьмой этаж... Румяный студент в башне встретил меня, как знакомую, но мне показалось, что в глазах его мелькнули лукавые искры.

Он распахнул дверь, и я вошла в комнату странной полукруглой формы. Плоские шкафы с книгами тянулись вдоль стен, сквозь высокое окно было видно, как летят по небу быстрые, тонкие облака. Чистый, струящийся свет, какой бывает на палубе корабля, наполнял комнату. Не успела я оглядеться, как вошел профессор. Он быстро, не глядя по сторонам, прошел мимо меня, задев стул тяжелым, развевающимся пальто. Стул покачнулся, румяный студент ловко подхватил его.

— Прошу! — громко сказал профессор.

Я вошла вслед за ним. Теперь мы оказались во второй полукруглой комнате, видимо, находящейся в другой половине башни. Здесь стояли письменный стол и два стула, все остальное пространство было занято книгами. Это не были чинные книги, с академической чопорностью расставленные в шкафу, — нет, они запросто лежали на полу, на столе, на подоконнике, в чудовищном, я бы сказала, торжествующем беспорядке. Тем не менее опытный глаз мог уловить в этом беспорядке некую систему, зная которую хозяин книг мог безошибочно отыскать нужное ему издание.

Пройдя между книгами, профессор сел за стол; пальто и шляпу он повесил позади себя на толстый крюк.

— Прошу! — повторил он и неожиданно протянул мне чистый лист бумаги. Сощурившись, он глядел на меня, и мне казалось, что он смотрит, не видя и уже не думая обо мне, ибо на лице его я приметила ту рассеянность, которая так часто бывает приметой высшей сосредоточенности. Но профессор, положив передо мною бумагу, сказал спокойно и деловито:

— Напишите ваше имя, отчество и фамилию. Вашу профессию и город, откуда вы приехали. Чему вы удивляетесь? Вам кажется, что я все перепутал и хочу сам взять у вас интервью, да?

Я молчала, да собеседник мой, видно, и не ждал ответа.

— Мой молодой друг! — сказал он с важностью. — К такому порядку меня приучил Менделеев. — Он поднял вверх длинный желтый палец. — И это правильный порядок! Когда бы вы ни приехали ко мне второй раз, — я найду листок с вашими записями. Теперь вы у меня на полке, как книга...

Я невольно покосилась на пол, где грудой, в беспорядке лежали книги. Профессор поймал мой взгляд.

— Это тоже полка, уверяю вас, — сказал он сухо. — Можете мне поверить.

Он замолчал и молчал так долго, что я начала испытывать беспокойство.

Держа в руках листок с моими записями, профессор глядел перед собой. У него были глаза того светлоголубого, как бы еще не набравшегося силы цвета, какой бывает обычно только у детей. Вблизи он не казался таким сердитым. От него пахло табаком, запахом лежалого сукна, сухой травы. Теперь я заметила, что он старее, чем показался мне в первые минуты встречи.

Упоминание о Менделееве заинтересовало меня, и я решила ринуться в беседу, как бросаются в воду. Будь, что будет!

— Вы знали Менделеева? — спросила я храбро и положила перед собою блокнот.

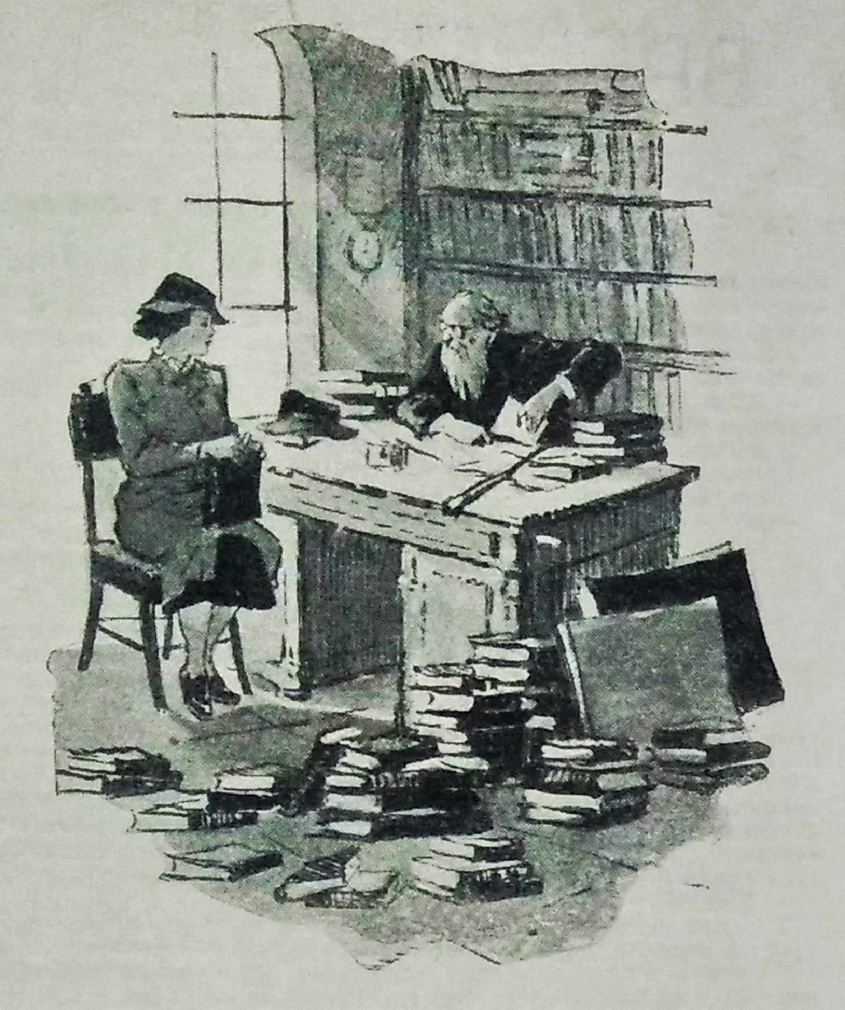
— Я работал вместе с Менделеевым в Петербурге, в Палате мер и весов. — В голосе профессора прозвучала нескрываемая гордость. Люди любят вспоминать то, что им приятно. Очевидно, я начала разговор правильно.

— Я был учеником Менделеева и, смею сказать, его другом... — продолжал профессор.

— Много времени вы работали вместе с Менделеевым?

Профессор закашлялся. Он кашлял так долго и сердито, что я поняла: это уже не кашель, а выражение сильнейшего раздражения. Профессор не только кашлял, он барабанил по столу мясистыми, желтыми от табака пальцами. Он осуждал меня каждым своим движением. Он был рассержен. Глаза его потемнели. Он кашлял до тех пор, пока гнев его не утих.

— Послушайте, — сказал он тихо, с грозной вежливостью; от такой вежливости у собеседника обрывается сердце. — Послушайте, — сказал он, сдерживая свой могучий бас. — Можно вас попросить не задавать мне нелепых вопросов? «Сколько времени я работал с Менделеевым...» А что вы понимаете в слове «время»?

— Напишите ваше имя, отчество, фамилию...

Он с сердцем отодвинул от себя толстую книгу и вдруг закричал на всю комнату:

— Мне восемьдесят лет, сударыня! У меня не было ни жены, ни семьи! У меня одна семья — это наука. У меня был один друг — это Менделеев! А вы спрашиваете чорт знает что — «сколько времени...».

На этот крик в комнату заглянул студент с розовыми щеками. Он ободряюще посмотрел на меня и улыбнулся. Я поняла, что ничего страшного не произошло. Действительно, профессор вдруг перестал кричать. Он взял со стола карандаш, — у него были большие сильные руки человека, знавшего физический труд. Неожиданно он заговорил ровным голосом, словно читал лекцию:

— Я работал с Менделеевым до самой его смерти. Да, можете записать: до самой его смерти. В тысяча девятьсот седьмом году должно было произойти полное солнечное затмение. Для наблюдений я поехал в Среднюю Азию. Нам надо было забраться высоко в горы. Студенты, поехавшие вместе со мною, мечтали увидеть солнечную корону, протуберанцы... — профессор улыбнулся. — Я не мешал им мечтать, — сказал он и покачал головой. — Путешествие увлекало и меня. Мы пробирались по крутым горным тропинкам, ночью мы дрожали от стужи; просыпаясь на рассвете, мы видели мир неописуемых цветов и красок... Однажды мы попали в туман — и случилось несчастье: мой помощник оступился и скатился с обрыва вниз. Он разбился насмерть; мы похоронили его в горах и пошли дальше...

Профессор помолчал:

— Когда мы, наконец, добрались до места назначения и устроились, — началась буря, повалил густой снег. Затмение наблюдать не удалось. Я уехал назад в Петербург. Дорога показалась мне долгой, я ехал в купе один.

Он задумчиво посмотрел на меня:

— Я рассказываю вам об этом потому, что дорогу эту я запомнил на всю жизнь. На полустанке, где-то в степи, в купе мое вошел кондуктор и подал мне телеграмму. Я взял ее в руки и подумал: вот так и приходит беда. Помню точно, я именно так подумал. Потом я раскрыл телеграмму. В ней было сказано, что Менделеев умер.

Он смотрел мне в лицо. Борода у него была совсем белая и на вид казалась очень мягкой. Сухая кожа туго обтягивала крупные, резко очерченные скулы.

— Большая беда, большая беда... — сказал он грустно и замолчал; я молчала тоже.

— Что же вы ничего не спрашиваете? — вдруг сказал он строго. — Запишите: после смерти Менделеева я уехал из Петербурга в Ригу, на родину. Здесь я начал новую работу. Я создал службу точного времени. Не перебивайте, — вы все равно не знаете, что это такое. С большим трудом мы наладили в Риге хорошую обсерваторию для наблюдений. Потом..

Он неожиданно остановился.

— Хорошую обсерваторию, драгоценные приборы... — пробормотал он. — А что стало с ними? Можете полюбоваться. Оглянитесь! — вдруг сказал он грозным голосом.

Я растерянно оглянулась. На стене я увидела большие часы и несколько незнакомых мне приборов. Между ними зияла глубокая дыра, из которой торчали концы толстых проводов.

— Здесь был ценнейший прибор, — сказал профессор мрачно. — Немцы увезли его в сорок третьем году. Выломали из стены! — прокричал он. — Как воры! Как грабители, которые забрались в чужую квартиру! Такой прибор, такой прибор... — Он с горестью покачал головой. — Из подвала забрали драгоценную аппаратуру...

Профессор встал со стула.

— Послушайте, — сказал он. — Я расскажу вам интересную историю. Да, да, вы можете записать, она вам пригодится. В сорок втором году ко мне в кабинет пришел немец. Вот сюда, — профессор показал пальцем на пол, и я невольно поглядела вниз, словно на полу могли остаться следы. — Да, да, немецкий офицер! Он сказал: вы знаменитый ученый, вас знают в Германии. Вы должны поехать в Германию работать. Я сказал: нет! Мне нечего делать в Германии. Мое место здесь. Тогда немец сказал: вы старый человек, дорожите временем жизни, это — короткое время. Мы создадим вам в Германии отличную жизнь. Между прочим, напоминаю вам, — сказал немец, — что умирать — неприятно, даже в старости... Тогда я сказал ему: что вы знаете о времени? Время работает не на вас...

Профессор засмеялся. Он смеялся беззвучным, веселым смехом на глазах его выступили слезы.

— О, немец очень рассердился, — проговорил он сквозь смех. — Ужасно! Он так топал ногами и кричал... Он думал, что испугает меня.. — профессор достал большой клетчатый платок и высморкался громко, словно протрубил в трубу, потом аккуратно сложил платок и спрятал его в карман широких штанов — Как трудно тогда было работать, — бог ты мой! — сказал он задумчиво. — Старые мои кости промерзали так, что я не мог согреться даже ночью, когда укрывался поверх одеял всеми коврами... Вот тут, где мы сейчас беседуем, — кругом лежал иней, я боялся, что это отразится на часах, на приборах... Но я приходил в обсерваторию, как всегда, в семь тридцать утра. В двенадцать я принимал сигналы точного времени из Москвы. Прошу вас, поглядите на этот прибор... — профессор показал рукою: — К вашему сведению, это хронограф, прибор для регистрации и измерения очень малых промежутков времени. Чтобы измерить и обработать только записи сигналов, — требуется немало труда. А ведь у меня была и другая работа, и я никак не хотел ее прекращать.. Я сидел один в ледяной башне и работал, работал без конца.. Я почти перестал спать. Но я принимал сигналы из Москвы каждый день, — да, да, — не пропустив ни одного дня, что бы ни было...

Профессор покосился на меня.

— Однажды ночью лопнули трубы и вода залила эту лестничку, что ведет от главной лестницы сюда, в башню. Вы изволили, вероятно, ее заметить. Я пришел утром и увидел вместо лестнички каток. Перил там, как вы могли увидеть, нет, и ухватиться буквально не за что. Я попробовал подняться и тут же, натурально, упал. Интересная история! — профессор развел руками. — Швейцар Сниедзиньш, — вы, вероятно, заметили его внизу? — швейцар пошел искать рабочих, чтобы скололи лед. Я тоже сошел вниз, потом снова поднялся наверх... А время идет! Скоро двенадцать, надо принимать сигналы... Я не мог больше ждать! Чорт возьми, я бушевал там наверху, возле этой проклятой лестницы. Наконец я решился и полез вверх на четвереньках..

Старик стукнул по столу кулаком.

— Вы можете смеяться! — грозно проговорил он, хотя я и не думала улыбаться. — Пожалуйста, смейтесь, — я не стыжусь ни рассказывать, ни вспоминать об этом. Я должен был попасть в обсерваторию вовремя. Я не мог опоздать, — понимаете? И я лез на четвереньках, скатывался вниз, ругался, опять лез... Я вспоминал чертей на всех языках. И все-таки я добрался до своей двери и был на месте вовремя!

Профессор снова засмеялся своим удивительным беззвучным смехом

— Студентам я, конечно, об этом не рассказываю... — сказал он и лукаво подмигнул. — Но знаете! — он поднял вверх палец. — Знаете, — это такие ребята, что им можно было бы и рассказать. Они все поймут! Это совсем иное поколение. Я еще никогда не видел такой жадности к знаниям, такой, как бы это сказать... — он пошевелил пальцами. — Такой преданности науке. Они набросились на науку, как голодный на пищу. Для того, чтобы понять это, надо вспомнить кое-что из истории нашей маленькой страны, нашей Латвии. Наука была недоступна, недосягаема для очень многих. И сейчас настало их время. О! — он покачал головой. — Это великая вещь — почувствовать, что твое время настало... Я счастлив, что дожил до этого времени. Да, мой друг, я стал по-новому дорожить каждой минутой, я хочу еще пожить в этом мире... Нет, нет, я не стесняюсь в этом сознаться! Я видел, как рыбацкие парни из Мангали в первый раз вошли в университет, я видел в аудитории рабочих ребят из Лепаи... Я хочу работать с ними, хочу их кое-чему научить, — мне некогда умирать, знаете...

Он засмеялся, но вдруг посмотрел поверх моей головы и встал со стула.

— Все! — сказал он. — Одиннадцать тридцать. Разговор закончен. Пора готовиться к приему сигналов. Прощайте, мне некогда...

— Можно мне остаться? — спросила я робко.

Он помолчал.

— Можно, — ответил он, наконец, ворчливо. — Только не разговаривайте. Дышать тоже нельзя. Полная тишина!

Розовый студент бесшумно вошел. Его детское пухлое лицо было серьезно и озабочено. Студент подошел к хронографу и остановился, как на вахте, — очевидно, здесь было его место. Оба они, и студент и профессор, быстро и бесшумно делали необходимые приготовления. Наступила полная тишина Наконец профессор сказал:

— Включить!

Раздалось потрескиванье, жужжанье — прибор начал работать. Вращались колесики, из аппарата ползла лента, карандашик писал, вздрагивая, как бы пульсируя. Все ожило вокруг. Тонкие, очень строгие, маленькие звуки наполнили комнату — это говорило само время. Профессор стоял, слегка наклонившись вперед, напряженный, с поднятой головой, — он был похож на капитана, ведущего свое судно. Прибор жужжал, лента ползла, изредка были слышны короткие глухие звуки, как бы вздохи времени.

— Четыре часа пять минут, — звездное время! Есть? — прокричал профессор. — Одиннадцать часов пятьдесят пять! Есть?

Карандашик, вздрагивая, записывал время, идущее из Москвы, как записывают удары сердца. Лента, шурша, ползла вперед. Студент, наклонившись, сосредоточенно глядел на нее.

— Одиннадцать часов пятьдесят восемь! — закричал профессор отрывисто; жужжанье вокруг как бы усилилось. — Одиннадцать часов пятьдесят девять!

Наступило молчанье. Оно было таким напряженным, как перед ударом грома. Профессор стоял, вытянувшись, подняв голову; губы его были плотно сжаты. Минута тянулась нескончаемо. И вдруг, заставив вздрогнуть, ворвался тонкий, острый звонок, и в ту же секунду профессор крикнул громовым голосом, как выстрелил:

— Двенадцать — нуль!

И сразу наступила тишина.

Исчезло жужжанье, потрескиванье, скрип, глухой рокот. Хронограф остановился. Студент, надув полные губы, спокойно убирал записи. Профессор еще стоял на месте. Лицо его уже утратило напряженность, плечи опустились, он задумчиво глядел в окно. Потом он подошел к столу, надел пальто, широкополую свою шляпу и взял в руку палку.

— Прощайте, мой друг! — сказал он мягко. — Я ухожу. После сигналов я всегда гуляю полчаса. В это время я думаю о многом. Это — хорошее время. Прощайте...

— До свиданья, — сказала я. — Спасибо вам.

Он прошел мимо меня и стал спускаться по лестнице. Я простилась с розовым студентом. Косые, наполненные светом облака быстро плыли в осеннем небе. Сквозь закрытые окна было слышно, как шумит ветер.

Когда я вышла на улицу, я увидела профессора впереди.

Он быстро шел, постукивая палкой. Ветер раздувал его пальто, оно хлопало, как парус.

По влажной мостовой проехала на велосипеде пожилая женщина в синем пальто и клетчатом платочке, завязанном под подбородком. На велосипедной раме стояла берестяная кошелка с продуктами, поверх продуктов лежала охапка астр. По тротуару шагали студенты — светлоглазые юноши с фигурами спортсменов, щебечущие девушки... Первые капли дождя упали на асфальт. Ветер принес с бульвара густой и мягкий запах опавших листьев.

Старик шагал, наклонившись вперед, как бы расталкивая ветер. Борода его развевалась, измятая, видавшая виды шляпа была нахлобучена на уши. Он ничего не замечал.

ПУТЕШЕСТВИЕ В РОДОПЫ

Николай ГРИБАЧЕВ

РОССТРОЙ

Грохот взрыва проносится
над потрепанной картой —
пусть обнимется Росица
с полноводною Янтрой!

У селения Бара,
у селения Горско
дрок на пустоши старой
да подсолнухов горстка,

и щербатые скалы
день берут на поруки;
в них гроза высекала
чорту искру для трубки;

и на старой планине,
на юру необжитом
граб грустил о равнине
с теплой дыней и житом,

в стороне, где юнаков,
слово молвивших прямо,
гнали в пламя и нá кол
янычары ислама...

Много горя развеяно,
а развеется втрое,
если временем велена
вся громада Росстроя,

если из динамитного
грома ясно и гулко
встало имя Димитрова,
как другарства порука.

Будет водами озера
вся равнина обмыта,
будут пышные озими,
будет дыня и жито,

будет в зале турбинной
жизнь рассчитана сызнова
над старинной равниной
от Софии до Тырнова.

Грохот взрыва проносится
над потрепанной картой —
здесь встречается Росица
с полноводною Янтрой!

УТРО В АРДИНСКЕ

Луны зеленый глаз
и ветер, пьяный вдрызг,
перед рассветом нас
выводят на Ардинск

булыжным большаком
в саманно-белый быт,
где пахнет табаком
и от росы знобит.

Наш завтрак — горсть маслин
и два глотка вина,
и всей долины синь
на скатерть постланá!

И слева напрямик,
у меловых громад,
как вышитый рушник,
подвешен водопад.

А город в знаках весь,
взлетают снизу вверх,
как сердца сердцу весть,
две буквы — О и Ф *

* Отечественный фронт.

НА ГРЕЧЕСКОЙ ГРАНИЦЕ

Край вершинами вызубрен весь,
как бараны, шерстисты откосы;
по преданью, здесь правил Зевес,
нынче правят Зервас и хитосы,

и глядит, не мигая, на нас,
все звериные зная уловки,
не Циклопа встревоженный глаз,
а зрачок бирмингамской винтовки.

Что ж, Британия, правь! Ты права,
ты сегодня и «правых» правее,
вижу шерсть одряхлевшего льва
на широком плаще Одиссея

и на травах потоптанных — кровь.
Но в леса собирается рано
не богиня с персидских ковров —
трижды праведный гнев партизана.

и тогда замыкается круг
и понятно для новой Европы:
одиссеев погибельный лук
не согнуть женихам Пенелопы!

ХОРОВОД

Скрипка да скрипка, да еще
скрипка,
плывет лебедь по морю,
нá море — зыбко,
ходит лебедь пó суху —
пó суху колко,
а выручить некому, а парней
сколько!

Опоясанные
кушаками,
переборчатыми
сапогами,
не пора ль вам пройти
по кругу,
дать молодке-лебедке
руку.

Иль до старости
постарели?
Или хлеба давно
не ели?
Или красна вина
не пили
да лебедушек
не любили?

Скрипка да скрипка, да еще
скрипка,
плывет лебедь пó морю,
нá море — зыбко,
а вот тебе парус, вот тебе лодка —
понимай, подплывай, белая
лебедка!

Мы, лебедка, луга
косили,
мы, лебедка, снопы
возили,
мы, лебедка, в планинах
были,
с партизанами в бой
ходили,
и под нашу, лебедка,
хватку
немцы шли танцовать
вприсядку,
а потом полегли
и не встали,
навсегда свое
отплясали.

Скрипка да скрипка, да еще
скрипка,
на задаток тебе — девичья
улыбка,
а на память тебе —
песня да пляска,
а навечно тебе —
сердце
да ласка!

Вторая профессия разведчика Казакевича

«Надев маскировочный халат, — начинает главу седьмую своей повести «Звезда» Эм. Казакевич,— крепко завязав все шнурки... разведчик отрешается от житейской суеты, от великого и от малого... Он срастается с полями, лесами, оврагами, становится духом этих пространств— духом опасным, подстерегающим, в глубине своего мозга вынашивающим одну мысль: свою **задачу**».

В этих строках сказывается опытный разведчик, прекрасно знающий свое дело, влюбленный в него и преданный ему.

В этих строках сказывается и поэт, способный чувствовать и выражать великий смысл военных будней.

Эммануил Казакевич действительно был до войны поэтом, во время войны — разведчиком. Как и герой его повести лейтенант Травкин, он был командиром взвода разведки. Навыки обеих этих профессий соединились в повести «Звезда» — произведении умном и благородном, свидетельствующем не только о таланте молодого писателя, но и о верной его направленности.

Эм. Казакевич понимает, в чем заключаются обязанности прозаика. Он **изображает**, он **живописует**, он раскрывает людей во всем их своеобразии. «Звезда» — небольшая повесть, но перед нами проходит вереница отчетливо выписанных характеров: скромный, серьезный, чистый Травкин; хозяйственный, спокойный, сильный телом и духом Аниканов; смелый, но раздираемый противоречиями Мамочкин; умудренный опытом и обладающий большим и хорошим сердцем полковник Сербиченко; совсем еще юный, влюбленный в Травкина и будущий преемник его младший лейтенант Мещерский и еще ряд людей, обрисованных порой немногими фразами, но остающихся надолго в нашей памяти.

Также экономен и точен Эм. Казакевич в изображении событий, в описании быта войны. Его герои живут и движутся в трехмерном, живом, подлинном мире. Перед нами встают образы и веселого шалашного городка, выстроенного саперами лейтенанта Бугоркова, и леса, устланного немецкими машинами, по которому, будто зеленые призраки, идут легким шагом лейтенант Травкин и его люди. Эм. Казакевич умеет создавать картины, выразительные и исполненные внутреннего движения.

Все это качества, которыми обязан обладать прозаик. Но вместе с тем автор «Звезды» остается настоящим поэтом. Это не значит, что он пишет украшенным и возвышенным слогом (напротив, порою речь Эм. Казакевича кажется слишком уж приземленной и сглаженной). Но есть настоящая красота и возвышенность в людях, изображенных писателем в повседневном подвиге советских воинов. Это красота идеи, возвышенность нравственных качеств.

С наибольшей полнотой душевное благородство солдат и офицеров Советской Армии выражено в герое повести — лейтенанте Травкине. Его моральная чистота, верность долгу, преданность идее показаны с предельной ясностью и законченностью и ощущаются всеми, кто входит с ним в соприкосновение. Поэтому-то его ценит и любит полковник Сербиченко, любят товарищи, обожает непутевый Мамочкин и отдает свое сердце Катя, которая от одной любви к нему становится и сама лучше.

Но отчетливее всего сказывается нравственное существо Травкина в его дружбе с артиллеристом Гуревичем. «В Гуревиче он угадывает свойственный и ему, Травкину, фанатизм при исполнении долга. Не думать о своей выгоде, а только о своем деле — так был воспитан Травкин и так же был воспитан Гуревич. Они и называли друг друга «земляками», ибо они были из одной страны — страны верующих в свое дело и готовых отдать за него жизнь».

Но из этой страны происходит и домовитый, надежный и сильный, как земля, его родившая, Аниканов, и подполковник Галиев, который веселеет и становится похожим на бакинского мальчишку, когда «ждет немца», и командир дивизии Сербиченко, и другие их соратники и сотоварищи. Все они воспитаны социалистическим обществом, большевистской партией. Перед ними издавна стоит великая и благородная цель, и самое движение к этой цели — к коммунизму — укрепляло и укрепляет в советских людях их лучшие качества.

Вот почему и удалось Эм. Казакевичу показать высокий пафос профессии разведчика. Поэтическое начало с наибольшей силой проступает в страницах повести, рассказывающих о разговоре «Звезды» — группы Травкина, находящейся в немецком тылу, — с «Большой Землей». Это почти развернутая метафора. Но в то же время именно здесь получает полное и яркое выражение реалистическая основа вещи — величие подвига, совершенного советскими людьми, чудесными, умными, добрыми, безжалостными к врагу, людьми, отдавшими свою жизнь ради выполнения задачи, которую поставила перед ними Родина.

И. ГРИНБЕРГ

Эм. Казакевич — «Звезда». Повесть. «Знамя» № 1. 1947.

Красная Армия в Трансильванских Альпах

Александр (Олесь) Гончар — молодой украинский прозаик. Его первые рассказы появились в 1938 году, когда ему было двадцать лет. Война прервала занятия искусством и университетскую учебу. Гончар ушел добровольцем на фронт. Он вернулся оттуда в 1945 году с орденом Славы на груди и с широким замыслом романа в голове.

Вот этот роман. В украинском подлиннике он называется: «Альпы». В русском переводе: «Знаменосцы». Первое название определяет его географические границы. Второе— его идейный смысл. Роман повествует (впервые в нашей литературе) о замечательном походе Красной Армии сквозь Трансильванские Альпы. Знаменосцы победы освобождали Европу. Тема глубоко современная.

Кое-кто из реакционных политиканов за рубежом склонен сейчас представлять дело так, что блестящее наступление Красной Армии в 1944 — 1945 годах было чуть ли не бескровным променадом по Европе. Какая позорная забывчивость! В этом омертвении памяти есть гадкий политический расчет.

Заслуга романа А. Гончара состоит, между прочим, и в том, что, описывая этот период освобождения Европы, он изображает не только русские победы в Альпах, но и русские могилы в Альпах:

«Будут они стоять на чужбине, как вечная память, вечное напоминание всему свету о жертвах нашего народа, который грудью встретил нашествие немецких орд и платит собственной кровью за освобождение Европы!»

Нет, никогда не забыть нам, что и в 1944 и в 1945 годах против союзников действовала незначительная часть, а против Красной Армии — основная масса вооруженных сил Германии. Последний период войны, когда Красная Армия добивала бешено сопротивлявшегося и все еще очень сильного врага, оставался для нас при всем своем военном блеске периодом тяжелого ратного труда. И это показано в романе Гончара.

Другое крупное достоинство его в том, что он изображает не только судьбы людей в конкретной боевой обстановке, но и интеллектуальное богатство своих героев, обыкновенных советских людей. Автор стремится дать как бы морально-идейный разрез душевной жизни советского человека. Его герои — мыслящие люди Их волнуют большие проблемы. Там, в этих боях на полях Европы, они остро и четко сознают возвышенность и значительность своей миссии. Один из героев романа, Черныш, говорит о своей советской Родине:

«— ...Подумай, Володька, какой это народ, какой великодушный народ... Кто послал бы, подобно нам, свои тысячные армии для освобождения Европы!»

Черныш — юноша, сразу шагнувший из-под материнского крылышка в кровавые бои небывалой войны. О фронте у него были представления романтические, книжно-наивные. В романе показано, как конкретные жизненные наблюдения разрушают эти иллюзии, как этот наивный юноша становится бывалым воином.

Другой интересный образ романа — лейтенант Сагайда, скрывающий под маской напускного цинизма большое душевное благородство и чистоту.

Галлерея лиц, выведенных автором, обширна. Это все люди разные, различных темпераментов, профессий, жизненных путей. Но одно в них есть общее: то, что можно назвать советским характером, тот благородный душевный сплав, в который входят мужество, скромность, любовь к Родине, высокий гуманизм. Таковы и Гай, и Хома Хаецкий, и оба брата Блаженко, и разведчик Казаков, удалец и балагур, человек с нежным, хоть и загрубевшим сердцем.

И когда Гая настигает смерть, испытываешь искреннюю боль. Потому что мы успели полюбить Гая еще тогда, когда в походе, сгибаясь под тяжестью минометной плиты, он наклоняется, чтобы сорвать пахучий кустик полыни и понюхать его, и этот запах альпийской травки вдруг напоминает ему далекое родное Полесье. Благодаря этой конкретной детали, полной поэзии и правды, вырастает точный и тонкий образ человека.

Таким же сердечно близким для читателя становится связист Макровейчик, этот коренастый крепыш с его «широким, как бумажный кораблик, носом». В отлично написанном эпизоде о том, как Маковейчик исправляет кабель под обстрелом врага, раскрывается вся повседневная героическая деятельность советского солдата. Характер показан в конкретной деятельности — без той декларативности, которая делает несколько схематичным интересно задуманный образ командира роты Брянского. К тому же его манера выражаться не лишена временами напыщенности. Например, из разговора Брянского с солдатами перед боем: «— Уже скоро, скоро грянет гром, товарищи... Скоро, скоро пронижут молнии чужое небо. Пронзят от края до края...» Такие неестественные интонации снижают жизненную убедительность образа.

К числу стилистических недостатков романа следует отнести некоторые вычурные выражения. Иногда эта «роскошная выделка» фразы производит весьма неприятное впечатление, как в том, например, месте, где клокочущий звук, с каким кровь вытекает из раны солдата, павшего на поле боя, уподобляется голубиному воркованию.

Это тем более досадно, что автор хорошо владеет искусством реалистического описания, живописного и лаконичного, притом не оторванного от человека, а пронизанного глубоким внутренним смыслом.

Жизненная правдивость и художественная смелость делают роман А. Гончара явлением незаурядным

Лев СЛАВИН

Александр Гончар — «Знаменосцы». Роман, «Новый мир» № 3. 1947.

А. Пахомов.— На Площади искусств в Ленинграде.

А. Пахомов.— Ленинградский Дворец пионеров. Торжественное обещание.

Ведущий спектакля Олег Мищук объявляет антракт.

В ЛЕНИНГРАДСКОМ ДВОРЦЕ ПИОНЕРОВ

Фото и текст В. ГРЮНТАЛЯ

До начала спектакля еще час, и ребята в серых блузках и комбинезонах, расцвеченных алыми пятнами галстуков, заполнили все подсобные помещения театра. Идет лихорадочная работа. Все должно быть в порядке: разложены по местам декорации, подобраны и подгримированы куклы-актеры, проверены монтировка и свет, подготовлено шумовое оформление.

Дежурные из групп, не занятых в спектакле, готовят зрительный зал. Потом, как внимательные и ласковые хозяева, они встречают в вестибюле таких же, как и они сами, маленьких гостей, помогают им раздеться и заботливо рассаживают по местам.

Ровно в назначенный час раздается удар гонга. Из складок занавеса появляется ведущий... Приветствие, короткое вступление, занавес раздвигается — и на сцене оживают куклы, говорящие свежими ребячьими голосами.

Широко открытые глаза маленьких зрителей, взрывы смеха, несмолкаемые аплодисменты, сопровождающие все спектакли этого кукольного

Кукловоды Олег Мищук — Ванюшка, Тамара Баушева — заяц и Люся Лорина — Марья-краса.

Руководитель театра художник Н. В. Гегелло показывает Вите Федорову, как вырезать голову куклы.

театра, являются лучшим мерилом успеха, которым он пользуется у ленинградских школьников.

Однако своеобразие и значение кукольного театра Ленинградского Дворца пионеров далеко не исчерпывается одной лишь внешней стороной — большими сценическими успехами и любовью юных зрителей. Пожалуй, в большей мере этот театр, организованный и руководимый театральным художником Ниной Васильевной Гегелло и за десятилетие проделавший путь от маленького кружка кукольников из двенадцати ребятишек до громадного коллектива в тридцать групп, насчитывающих свыше пятисот ребят, замечателен своими организационными формами и той подготовительной и педагогической работой, которые завершаются показом спектаклей.

Надо сказать, что вся жизнь театра основана не только на самодеятельности, но и на самоуправляемости всего ребячьего коллектива. Дети являются подлинными хозяевами своего театра. Педагогический же и художественный персонал служит только направляющей, воспитывающей и регулирующей силой.

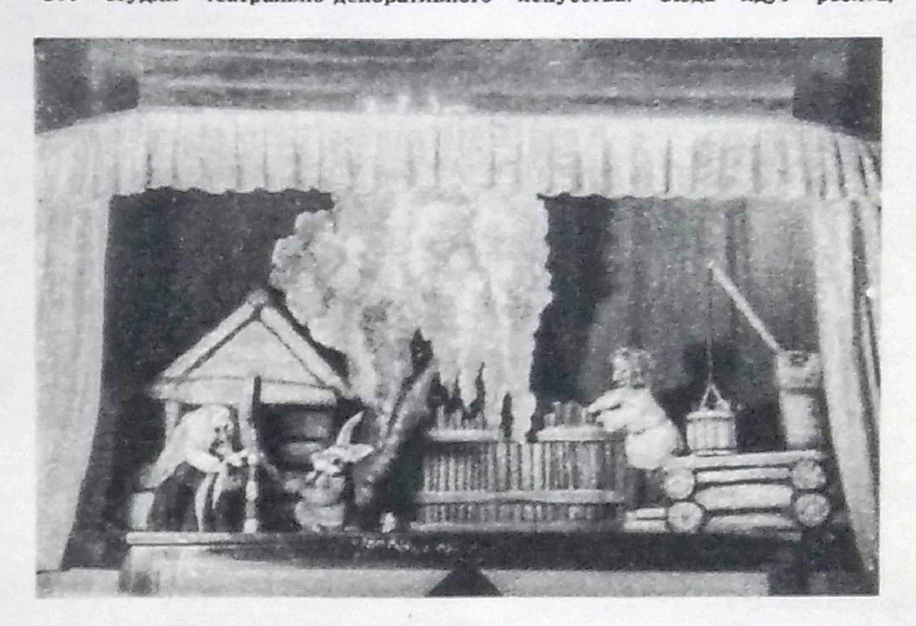
— Наш театр прививает детям любовь к труду, учит их творчески относиться к любому занятию, учит самую сложную работу доводить до конца, — говорит Н. В. Гегелло.

И действительно, вся работа построена так, чтобы осуществить эти задачи.

Школьник заинтересовался кукольным театром. Если он хочет отдать ему свой досуг и это не идет в ущерб его школьным занятиям,— двери для него открыты. Ему предоставляется выбор той работы, к которой он имеет склонность, которая особенно его интересует. Школьнику хочется быть актером-кукловодом. Его принимают в театральную студию, где предстоит большая и серьезная работа, большая учеба и где его знакомят с куклой и учат управлять ею. Долгие часы тренировки перед зеркалом—и мало-помалу кукла начинает оживать в детских руках. Повороты становятся плавными, координируются движения головы и ручек. Но ведь, чтобы достичь этого, и у самого актера должны быть отработаны плавные и четкие движения рук и корпуса. И вот вольные упражнения, развивающие тело, освобождающие дыхание, приучают к музыкальному ритму. Но ведь кукла не только двигается, она и «говорит». И актеру надо учиться управлять своей речью, уметь донести зрителю текстовой материал. Наконец, последний этап — творческие этюды, создание сценического образа куклы,— и подготовительные занятия вчерне закончены.

* * *

Есть в театре и другая область работы, тесно смыкающаяся с первой. Это студия театрально-декоративного искусства. Сюда идут ребята,

Сцена из II акта пьесы И. В. Карнауховой «Марья-краса», золотая коса и Ванюшка».

любящие театр, но имеющие склонность к изобразительным и прикладным искусствам, к различным ремеслам и изобретательству. Обучение тут, обычно, начинается с рисунка и лепки. Студийцы от простейших форм занятий переходят к более сложным: к рисунку и лепке с натуры, к созданию макетов новых постановок, разработке типажа куклы, к ее изготовлению, к шитью театральных костюмов и пр.

Из этой студии выходят художники, декораторы, бутафоры, костюмеры, гримеры, монтировщики, осветители,— словом, весь тот технический и творческий театральный персонал, который обеспечивает материальную часть спектакля. И ребята, подобно актерам, сводятся в группу декоративной мастерской с таким расчетом, чтобы в ней были обеспечены представители всех профилей декоративно-монтировочного искусства.

* * *

Формирование групп закончено, и они могут приступить к первой сценической работе — постановке пьесы, написанной для кукольного театра взрослым драматургом или самими же детьми. Начинаются читки, распределяются роли, намечается режиссер. К актерской группе присоединяется группа декораторов, руководимая «главным художником». Коллектив знакомится с куклами — героями пьесы,— создает образы будущей куклы, разрабатывает и утверждает макеты декораций, работает над мизансценами. Начинается творческое слияние актерской и декоративной групп, приходят труд и взаимопонимание, характерные для всякого коллективного творчества и обеспечивающие успех задуманного дела.

Бутафорская группа обсуждает план декоративного оформления и героев будущей постановки «Кот, петух и лиса».

«ВРАЖЬЯ СИЛА»

Фото А. Горнштейна

А. Н. Серову не удалось увидеть на сцене постановку своей последней оперы. Первое представление «Вражьей силы» состоялось после смерти композитора—19 апреля 1871 года.

Партитура «Вражьей силы», не проредактированная композитором, была громоздка и во многом противоречива. Но, несмотря на это, опера шла на сценах Петербурга и Москвы и пользовалась известностью. Композитору удалось передать в ней демократичность музыкального языка, органически связанного с народно-песенными интонациями. Ее так и называли: опера-песня.

...Шумит, веселится народ на городской площади. Девушки танцуют с парнями, степенные мужики и бабы разглядывают товары в ларьках, тут же снуют сбитенщики, продавцы пряников, бражники. Лихо вертится карусель. С рауса балагана комедианты зазывают любопытствующих зрителей.

Все эти эпизоды, разнохарактерные и колоритные, сплетаются в единое целое и создают великолепную, сверкающую яркими бликами подлинной театральности, картину народного гульбища, широкой масленицы, показанного на «втором рождении» оперы А. Н. Серова «Вражья сила» в филиале Большого театра Союза ССР.

«Вражья сила» не шла на московской оперной сцене больше тридцати лет. Приступая сейчас к постановке «Вражьей силы», Большой театр поручил музыкальную редакцию оперы Б. Асафьеву, который также написал и новый пятый акт.

Пересмотрено и либретто, написанное по мотивам народной драмы А. Н. Островского «Не так живи, как хочется».

В звучании оркестра под управлением дирижера К. Кондрашина, в постановке режиссера В. Покровского, в оформлении художника В. Дмитриева и в исполнении всего артистического коллектива—в основном молодых артистов театра—ощущается большая работа над созданием спектакля.

Зрители премьеры горячо аплодировали руководителям постановки и артистам А. Иванову, Н. Щеголькову, Е. Антоновой, В. Борисенко, Л. Масленниковой, А. Хоссону и другим, показавшим высокое вокальное и сценическое искусство.

Л. МИХАЙЛОВ

Сцена из второго действия оперы «Вражья сила» в филиале ГАБТ СССР. Слева: Груня—артистка В. Борисенко, кузнец Еремка— артист Н. Щегольков.

Сцена из оперы «Вражья сила» в филиале ГАБТ СССР. Народное гулянье на масленице.

К НОВОЙ ЖИЗНИ!

«Румыния» — документальный фильм

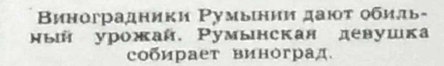
Автор—режиссер В. Беляев. Главный оператор—М. Глидер. Текст Б. Горбатова.

В августе 1944 г. гитлеровцы бомбили своих вчерашних союзников.

Кадр из фильма. Румынская деревня

Демонстрация румыно-советской дружбы.

Виноградники Румынии дают обильный урожай. Румынская девушка собирает виноград.

На улицах Бухареста в 1947 году

Много веков на шее румынского народа висело ярмо завоевателей. Трагична была судьба румынского крестьянина, на протяжении столетий работавшего на завоевателей и помещиков. Основное богатство Румынии — нефть — принадлежало не румынам, а иностранному капиталу.

«В Румынии политика всегда попахивала нефтью», — замечает Борис Горбатов — автор сценария фильма «Румыния», выпущенного Центральной студией документальных фильмов совместно с бухарестской студией «Фильм популяр».

Перед зрителем проходят пейзажи Румынии, развалины крепостей и замков, нищенская техника обработки земли и добычи нефти.

Неожиданно возникают иные картины. Фешенебельный центр с пресыщенными спекулянтами и богачами и рядом с этим — жалкие окраины. Это — Бухарест, шумливый и кричащий. Это — Румыния времен Антонеску.

22 июня 1941 года фашистский диктатор Антонеску, послушный приказу Гитлера, ввергнул Румынию в войну. Перед зрителем проходят кадры, показывающие воинственный азарт бухарестских лавочников, биржевых маклеров и дельцов.

Запылали молдавские и украинские села и города.

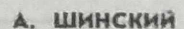
Украина переименована в Транснистрию. Румыны объявили завоеванным даже Сталинград... Но именно здесь, под Сталинградом, начался разгром Германии и ее сателлитов.

Падают первые бомбы на Бухарест. Война пришла в румынский дом.

31 августа 1944 года советские войска вступили в столицу Румынии, и над страной занялась заря новой жизни.

Новый аграрный закон отдает землю румынскому крестьянину. Земля, выстраданная, желанная, о которой он веками мечтал, была передана именно тому, кто на ней трудится. Но в 1945 году выдалось сухое лето. Хлеб сгорел. В те дни народ Румынии с надеждой смотрел на северо-восток. «Есть на свете страна, — говорили румыны, — справедливая, великодушная Советская страна».

Новые кадры показывают пребывание премьер-министра Румынии Петру Гроза в Москве. Заключаются соглашения, направленные к ликвидации народных бедствий, постигших Румынию.

А. ШИНСКИЙ

ИСКУССТВО КАРАКАЛПАКИИ

Фото и текст С. БАСИНА

...Замирают последние звуки музыкального вступления, медленно раздвигается занавес, и перед зрителем открывается картина широкой степи. На сцене Каракалпакского государственного музыкально-драматического театра имени К. С. Станиславского идет музыкальная драма «Алпамыс».

Воплощенная в сценические и музыкальные образы старинная каракалпакская легенда о витязе Алпамысе и девушке Баршын, о том, как Алпамыс спасает свой народ от преследований калмыцкого хана Тайша-хана, волнует сидящих в зале зрителей.

В репертуаре этого театра, находящегося в столице Каракалпакии — Нукусе, — несколько пьес каракалпакских драматургов, переводы современных узбекских пьес, «Бедность не порок» Островского и «Проделки Скапена» Мольера. Здесь полезно вспомнить, что в царское время каракалпакский дехканин и понятия не имел о театре.

Кроме театра в Нукусе, в республике работает Театр юного зрителя, Государственная филармония Кара-Калпакской АССР и во многих районах—колхозные театры.

Трудящиеся республики хорошо знают лучших своих артистов: народного артиста Кара-Калпакской АССР и Узбекской ССР Джанак-бахсы Шамуратова — талантливого исполнителя и автора многих народных мелодий, народных артисток Кара-Калпакской АССР Аимхан Казымбетову и Тохты Рахманову и многих других. Большое значение в развитии театра имела помощь русских и узбекских деятелей искусства.

Совсем недавно впервые увидел каракалпакский зритель новое для него зрелище—балет. Успешно работает при театре в Нукусе молодежная балетная группа. Она показала свою первую серьезную работу — балет «Бахчисарайский фонтан».

В далекой республике, расположенной между двумя великими среднеазиатскими пустынями, растет и развивается подлинно народное искусство.

Н а с н и м к е с л е в а: Алпамыс — заслуженный артист Кара-Калпакской АССР Р. Сеитов — среди своих джигитов и друзей после победы. В в е р х у: народная артистка Кара-Калпакской АССР Т. Рахманова в роли Гульпаршин. В н и з у: Гульпаршин (стоит в центре) вместе с подругами ждет возвращения Алпамыса

Венгерский композитор в Москве

Концерт Золтана Кодаи

С большим успехом прошло в Большом зале Московской консерватории выступление известного венгерского композитора Золтана Кодаи, который дирижировал оркестром, исполнявшим его произведения.

Музыка Золтана Кодаи насыщена народными крестьянскими венгерскими песнями и танцовальными мелодиями. Красота и оригинальность этих мелодий в свое время привлекали внимание Листа, Брамса, Чайковского, Глазунова и других крупнейших музыкантов. Большой композиторский талант и великолепное мастерство Золтана Кодаи заново раскрывают перед слушателями достоинства венгерской музыки: ее суровые или просветленные напевы, зажигательные чеканные ритмы чардаша и других танцев.

Своеобразие творчества Кодаи, его высокую композиторскую технику и замечательное владение изысканной звуковой палитрой современного симфонического оркестра ощутили слушатели в его «Концерте для оркестра».

Значительный успех имела сюита из оперы «Хари Янош». Это произведение на национальный венгерский сюжет повествует о персонаже многих народных забавных сказаний — отставном солдате Хари Яноше.

В заключение были исполнены «Танцы из Галанты», по достоинству награжденные продолжительными и шумными аплодисментами.

Дирижирует Золтан Кодаи внешне очень сдержанно. Жест его скуп, но внутренний артистический темперамент воодушевлял оркестр Всесоюзного радиокомитета, искусство которого высоко оценил Золтан Кодаи, горячо благодаривший артистов за «великолепное исполнение».

Многочисленная публика приветствовала в лице Золтана Кодаи крупнейшего современного венгерского композитора и видного общественного деятеля новой, демократической Венгрии.

Б. ХАЛИП

На концерте в Большом зале Консерватории имени П. И. Чайковского. За дирижерским пультом венгерский композитор и дирижер Золтан Кодаи.

Фото С. Шингарева

Опера «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» в исполнении ансамбля советской оперы ВТО. В роли царевны артистка Т. И. Бондарь.

Фото С. Шингарева

СПЕКТАКЛЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Когда замерли последние ноты и золотой бархатный занавес скрыл и хор, и королевича Елисея, и спасенную им царевну, — зрители не спешили расходиться. Оставаясь сидеть на своих местах, они попросили устроить обсуждение спектакля.

На сцене, где только что исполнялась опера «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», был установлен столик, а в партере появились листы бумаги и карандаши для тех, кто, не надеясь на свое красноречие, захотел бы поделиться впечатлениями письменно. Артисты разместились среди публики, а на сцену вышел автор музыкального произведения композитор М. Я. Черняк. Перед ним была аудитория, в которой самому старшему из присутствующих было не больше пятнадцати лет.

Юные зрители с азартом приступили к обсуждению. Каждому непременно хотелось сказать свое слово, выразить свое мнение. Многие не довольствовались устным выступлением и оставляли композитору еще и запись своих впечатлений.

В этих бесхитростных, подчас наивных, но искренних речах, которые произносили 9—10-летние школьники, автор оперы мог подслушать ценные для себя замечания. Например одна из девочек заявила: «Мне очень понравилось то место, где королевич Елисей едет за невестой. Было не видно, как он ехал, а музыка все это передала». Почти все дети отметили как одну из лучших лирическую арию королевича Елисея: «Для чего летишь, соловушка, к садам». Понравилось также и обращение его к месяцу и солнцу. Почти все дети поняли музыкальные характеристики действующих лиц.

На этом концерте-спектакле, который происходил в помещении Всероссийского театрального общества, присутствовали ученики старших классов музыкальной школы Пролетарского района Москвы. В их выступлениях уже чувствовалось уменье разбираться в музыкальном произведении.

Свою оперу-сказку автор предполагает поставить в исполнении детей.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

В Центральной художественно-реставрационной мастерской

На мольберте, залитая светом флюоресцирующих ламп, стоит картина. Если подойти вплотную, можно разглядеть шрамы и рубцы, рассекающие ее поверхность. Эта картина, изображающая патриарха Никона— «Никоновская парсуна»[1],—единственное, что удалось спасти из-под развалин Ново-Иерусалимского монастыря, уничтоженного фашистами в Истре. Израненный, изорванный никоновский портрет прибыл в Государственную центральную художественно - реставрационную мастерскую в Москве. И здесь руки художников-реставраторов, которые должны быть легки и верны, как руки хирурга, вернули ему жизнь.

Мы на Большой Ордынке, в Центральной художественно-реставрационной мастерской. Сюда со всех концов страны прибывают картины. Они или требуют реставрации или ждут своего «раскрытия». Иногда это драгоценные находки.

Большинство произведений древнерусской живописи на протяжении веков живет, скрывая свое истинное лицо. В обычае церкви было «подновлять» изображения святых. Письмо старых русских мастеров, владевших секретом неувядающих красок, замазывалось и записывалось невежественными богомазами, исчезало на сотни лет.

Старейший ученый - реставратор М. Н. Тихомиров «раскрывает» художественное произведение XV века.

Фото Э. Гутгарца

Именно такой расписанной досской попала в руки художника И. А. Баранова — знатока древней русской живописи — икона, изображающая папу Климента. Еще осталось внизу этой иконы (хочется сказать картины) нерасчищенное пятно бурого цвета. Под грязно-бурым фоном, сплошь покрывавшим ее и едва позволявшим различать контуры фигуры самого Климента, скрывалась картина прекрасного строгановского письма. В блистающих, радужных красках древний живописец изобразил горы, моря, зубцы городских стен — целую повесть о путешествиях Климента. К сожалению, художник, живший за триста лет до наших дней, остался неизвестным, но раскрытие картины еще продолжается, и может быть удастся установить имя мастера.

Про И. А. Баранова в мастерской говорят: «Глаз, как рентген». И в этой шутке есть своя правда. Рентгеновские лучи не в силах проникнуть сквозь темперные краски и свинцовые белила, которыми писали мастера древности, а художник Баранов, взяв в руки картину, писанную сотни лет тому назад, и молчаливо рассмотрев ее со всех сторон, скажет вдруг: «Тут Рублева ожидать надо» или «Должно, тут еще XII веку быть».

Этот мстерский мастер, учившийся своему искусству у деда и отца, спас и сохранил для народа художественных ценностей на миллионы рублей. Он работал во всех древних русских городах, бывал в лесах, где в старообрядческих скитах укрывались ценные произведения древнего русского искусства, восстанавливал вотчину Грозного в Александрове, открывал дивную роспись старинных грузинских храмов. Века прошли перед глазами мастера, у него выработалось острое и точное зрение. Этому умению видеть былую жизнь картины под слоем чужеродных красок и учит Иван Андреевич теперь молодежь.

Всех работников реставрационно-художественных мастерских роднит страстная преданность своему искусству. Эта безграничная любовь проходит через поколения, становится семейной традицией. Здесь, в мастерской, можно встретить, например, четырех братьев Брягиных — сыновей старого мстерского мастера. Художники Барановы Иван Андреевич и Николай Андреевич, сами потомственные мстерские мастера, работают вместе со своими дочерьми. По стопам отца пришла в мастерскую и дочь художника М. Н. Тихомирова.

Очень часто перед художником-реставратором стоит вопрос, какой слой картины более ценен: верхний или нижний? Нередко и более позднее произведение представляет интерес. Художники Н. И. Плеханов и В. В. Кириков работают сейчас над проблемой «расслоения». Они хотят найти способ, при помощи которого верхний слой картины можно будет снимать и переводить на другой холст целиком, не уничтожая его. Уже предназначен для опыта написанный неизвестным художником прошлого века портрет балерины Истоминой, под которым на рентгеновском снимке явственно вырисовывается силуэт гусара.

Под руководством Н. И. Плеханова бригада художников мастерской недавно закончила раскрытие плафона Доминико Скотти в институте Склифасовского. Здание, где находится теперь институт, в начале XIX века было построено графом Шереметьевым в честь Параши Жемчуговой — актрисы его крепостного театра, ставшей потом женой графа. В этом здании находилась больница, или «странноприимный дом графа Шереметьева». Плафон впоследствии был забелен, год от года покрывался он все более толстым слоем клеевой краски. И вот этой зимой было решено приступить к его расчистке.

День и ночь проводили художники на лесах под потолком. И наконец из-под многолетних наслоений предстало творение итальянского мастера.

Сейчас художники-реставраторы готовятся к поездке в Новгород, Псков, Киев, Калугу и в другие города, где нужно возвращать к жизни художественные ценности, пострадавшие от нашествия фашистских вандалов.

О. ЕЛЕОНСКАЯ

[1] Персона.

В Праге на ковре

Игорь СОЛНЦЕВ

Утром, за завтраком в пражской гостинице «Баранек», советским борцам показали свежие газеты. На видном месте было помещено интервью шведов. «У русских борцов, впервые участвующих в первенстве Европы, не имеющих опыта международных встреч, нет никаких шансов на призовые места, — чванливо заявляли шведы. — Техника русских низка, тактика — примитивна». Советские борцы молча переглянулись, и в этот момент у Константина Коберидзе окончательно сложился тот план, который он впоследствии назвал своей «боевой программой».

На параде открытия Коберидзе отыскал в строю команд тех, о ком трубила пресса, чьи лица мелькали с экранов хроник, «фаворитов», тех, кого он должен был победить, победить во что бы то ни стало. В высоком, щедро физически одаренном борце в темносинем трико он без труда узнал известного венгра Ковача; в голубоглазом атлете с неимоверным количеством жетонов и крестов — «фаворита № 1» итальянца Сильвестро; рослый чемпион Чехословакии Хампль улыбнулся ему — старый знакомый. Хотелось хоть уголком глаза взглянуть и на шведов, но грянул торжественный марш, всколыхнулись знамена, зашумели четыре яруса, пять тысяч зрителей, борцы двинулись к выходу.

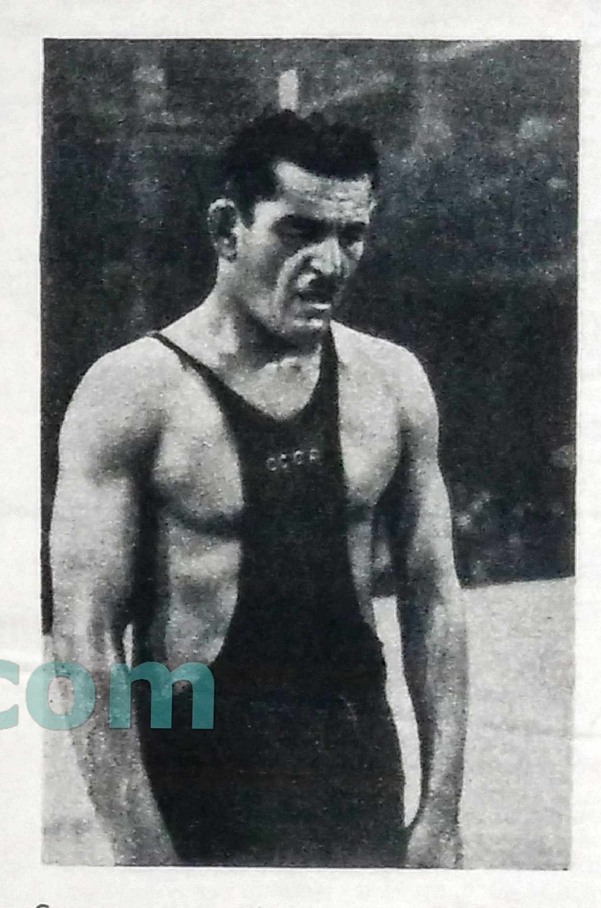
После парада Коберидзе на минуту зашел в зал, где уже начались первые схватки. Советский легковес Ялтырян атаковал итальянца Цесина. Хотелось посмотреть схватку, но нельзя растрачивать нервную энергию, когда впереди жестокие испытания. Коберидзе вернулся в гостиницу отдыхать, отдыхать настолько, насколько позволяет напряженное, томительное ожидание борьбы...

Австриец Кознар был первым, с кем встретился Коберидзе. Еще руки незнакомых противников не успели разомкнуться после традиционного рукопожатия, как Коберидзе бросился в атаку. Он не стал разведывать, пробовать силы, нащупывать слабые места противника, беречься сам, — словом, делать все то, что делает всякий борец в ответственной схватке с соперником, силы которого — загадка. Коберидзе мял, давил, сгибал упругое тело австрийца, внешне опрометчиво, дерзко шел на рискованные приемы. Зрители не успевали следить за ошеломляющим каскадом приемов. Три раза под ряд обескураженный Кознар бежал с ковра, уклоняясь от железных объятий советского борца. Но лишь шесть минут это ему удавалось. Мощный бросок Коберидзе сбил австрийца на колени, в партер. Еще минута, упирающаяся рука вытащена «на ключ» и должна выполнить обидную роль рычага, опрокидывающего тело на спину, на лопатки. Одновременный хлопок в ладоши двух боковых судей и рефери. Чистое туше!..

Давно уже боролась следующая пара, а в зале все еще обсуждали редкую смелость советского борца.

Шансы чемпиона Чехословакии Хампля на победу у Коберидзе всеми расценивались очень высоко, да и у самого Коберидзе было свежо в памяти воспоминание о их встрече, когда ковер так и не почувствовал лопаток чеха. И несмотря на это, Коберидзе пошел на такую же острую и дерзкую борьбу, как и накануне. Уже на четвертой минуте Хампль полетел через бедро. Через пару минут Коберидзе сгреб девяностокилограммного атлета на полусуплесс, потянул на себя, в сторону, рванул вверх, бросил потерявшее опору тело, словно пушинку, и подмял под себя. Вторая чистая победа пришла даже чуть раньше первой...

Через час, по дороге на обед, Коберидзе узнал, что теперь уже все в один голос говорят, что такие победы «с неба не валятся» и что претендентам на почетный титул следует отнестись к советскому борцу с исключительным вниманием и осторожностью. Значит, подумал Коберидзе, первая часть боевой программы выполнена.

Снимок, сделанный чехословацким фотографом сразу же после финальной встречи Коберидзе с венгерским борцом Ковачем.

Через несколько часов предстояло новое, гораздо более серьезное испытание.

Всеобщий фаворит, белокурый итальянец Сильвестро, оправдал надежды зрителей. Непобедимым пришел он к встрече с Коберидзе, также выиграв на туше две первые схватки.

С первой минуты оба борца смело пошли на обострения. Сильвестро оказался храбрым противником. Он не толкался, стараясь измотать партнера, не убегал с ковра, попадая на обхват; он все время искал случая, чтобы провести прием. То и дело кидал он свое мускулистое, гибкое и подвижное тело, вытренированное многолетней муштрой, вперед, в атаку. Вооруженный всем арсеналом великолепной, до мелочей отточенной техники, умудренный многолетним опытом, Сильвестро надеялся воспользоваться первой же ошибкой противника, победить его превосходством своей техники.

Но каждая атака Сильвестро только укрепляла в Коберидзе уверенность, что он правильно разработал свой боевой план. Убеждение в техническом превосходстве, которое он внушил итальянцу своими первыми выступлениями, было просчетом Сильвестро и успехом Коберидзе, который знал, что итальянец должен уступить ему именно в технике.

В середине первой «десятиминутки» борцы схватились в обхват на полусуплесс. Публика застыла в ожидании развязки: все знали, что полусуплесс — коронный прием итальянца. Знал это и Коберидзе. Но он не только не попытался освободиться от объятий противника, но, к величайшему изумлению присутствующих, сам потянулся, прилип к нему. Остальное было делом мгновения. Коберидзе подогнул колени и всем телом пошел вниз, под Сильвестро. Итальянец чуть наклонился вперед, чтобы, не размыкая сжимающих рук, бросить противника, и в тот же момент сам полетел на ковер. Вот где пригодилась динамическая анатомия, которую изучал Коберидзе в Институте физкультуры! «Помни, главная задача — завладеть центром тяжести противника и вывести его за точку опоры», — сколько раз говаривал эту фразу Коберидзе его многолетний друг и учитель Григорий Пыльнов. Не довелось Пыльнову порадоваться успехам ученика и друга: смертью храбрых пал он в партизанском отряде...

«Мост» спас Сильвестро от поражения. Но, очевидно, он счел этот необычайный бросок случайностью, потому что тактика его осталась неизменной. Так же рвался он в атаку, шел на приемы, и, так же как прежде, каждая атака его разбивалась о искусно подготовленную активную оборону, каждый прием парировался контрприемом, проведенным на мгновение раньше...

Когда судьи единодушно присудили победу Коберидзе, Сильвестро попросил переводчика передать советскому борцу, что «приятно быть побежденным таким смелым противником».

Впереди был третий решающий день первенства — день финалов. Из десяти полутяжеловесов, начавших соревнование, уцелели только трое: швед Ионг и венгр Ковач с четырьмя штрафными очками каждый. У Коберидзе было одно штрафное очко (за победу по очкам над Сильвестро).

День был на исходе, когда судья-турок вызвал на ковер Коберидзе и Ионга. Верный своему замыслу, Коберидзе внезапно изменил тактику. Положение обязывало выиграть наверняка, с наименьшим для себя риском, а главное — сохранить силы для встречи с Ковачом, победившим накануне шведа.

Схватка тянулась минут семь, не меньше, а швед попрежнему выставлял вперед локти, уклоняясь от борьбы. Напрасно Коберидзе протягивал ему руки: «на, возьми, только борись, борись!» Но швед лишь прижимал к телу соперника предплечья и при малейшей угрозе торопливо бежал с ковра.

В партере швед продолжает пассивную борьбу. Он судорожно поджимал под себя руки, на четвереньках уползая с ковра.

Последние четыре минуты в стойке. Коберидзе ищет решительной развязки. Хоть бы раз схватился с ним швед!

Он устал ловить шведа, да и так все равно победа обеспечена. Сомнений быть не может. Ведь советский борец был смелее и агрессивнее противника. Свисток. Борцы расходятся по углам. Судьи берутся за цветные ленточки — знак победы борца с повязкой того же цвета на ноге. Но что же это? Зал всколыхнулся в неистовом шуме. В руках у судей зеленые ленты. Коберидзе взволнованно опускает голову. Может быть, он перепутал. Зеленая лента у шведа. Нет, ясно: он признан побежденным...

Неумолимый гонг вернул его к обидной действительности. Он протянул руку шведу и также неторопливо, как обычно, стал пробираться по тесному проходу, не замечая свистящей, возмущенной публики.

Товарищи по команде уже ждали Коберидзе в раздевалке. И ни один из них не сказал ни слова: ведь сожаления бесполезны, а в утешениях он не нуждается. И когда тренер Соколов просто, совсем буднично, так, как будто ничего не случилось, сказал: «У тебя до финала остается два часа на отдых» — он этим выразил единую мысль всех, мысль, которая ни на минуту не покидала и Коберидзе, а теперь лишь

СПОРТИВНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Высокий класс мастеров снайпинга

Стрельбище устраивают обычно в малолюдных местах, а когда начинают стрельбу, оповещают редких пешеходов об опасности флагами. Именно так и поступили, когда начали межокружные стрелковые соревнования. Для данного случая это было, пожалуй, излишней предосторожностью, настолько высоко было искусство собравшихся здесь мастеров снайпинга.

Мы все когда-то восхищались легендарной меткостью и хладнокровием Вильгельма Телля, прострелившего яблоко на голове своего сына. Для стрелка-спортсмена в этом нет ничего особенного. Положить пулю в «десятку» потруднее. А еще труднее сделать это тогда, когда вам дают на выстрел 6 секунд. Между тем именно таковы условия скоростной стрельбы, с которой и начались соревнования, собравшие команды военных округов. Лучший результат в этом виде стрельбы принадлежит Н. Богданову, выбившему на дистанции 300 метров 95 очков из 100 возможных. Насколько высок этот результат, можно понять, если учесть, что командный рекорд составляет 435 очков, т. е. в среднем каждый из пяти членов команды выбивает лишь 87 очков. А ведь это пятеро лучших!

Опытные стрелки давно заметили, насколько труднее стрелять в команде. Когда ты борешься за личное первенство, не чувствуешь такой ответственности, как в составе команды; тебя угнетает мысль, что любой твой неудачный выстрел может пагубно отразиться на общей сумме. Вот почему в тех видах стрельбы, где стреляют поочереди, последним выходит на огневой рубеж не самый сильный, а самый хладнокровный, самый стойкий. Он стреляет, уже зная, сколько очков имеет команда и чего от него ждут. Надо сказать, однако, что у наших стрелков меткость и хладнокровие обычно совмещаются. В московской команде, например, последним всегда стрелял Б. Андреев, капитан команды, у ленинградцев — Шишагин или Юрьев.

Скоростная стрельба, которой был посвящен первый день соревнований, вывела команду Московского военного округа на первое место, но уже в следующие дни, когда разыгрывалось первенство по пистолету, малокалиберному и боевому стандарту и дуэльной стрельбе, москвичам пришлось потесниться и уступить первое место ленинградцам. И даже победа москвичей в стрельбе на 600 метров не изменила положения. Ленинградцы вновь, как и год назад, победили. И по заслугам! Их команда, составленная из Богданова, Мериваяли, Иванова, Шишагина и Юрьева с запасным Трасиковым, была прекрасно подготовлена, и каждый из членов этой команды мог бы с успехом выступать в любом международном состязании.

С исключительным блеском эта команда выступила в дуэльной стрельбе. Этот вид стрельбы, культивируемый только у нас, — нарядность занимательное зрелище. Представьте себе картину. Две команды, по пять человек каждая, лежат на старте с разряженными винтовками. Звук гонга. Все десять стрелков стремглав бросаются вперед, к огневому рубежу, лежащему в 25 метрах впереди. У каждого с собой патрон. Один! Стрелок уверен в том, что поразит цель с первого же выстрела. Каждый держит патрон, как ему кажется наиболее удобным: один сунул его в боковой карман, другой—в головной убор, третий — держит в зубах. На огневом рубеже винтовки заряжаются, и стрелок бьет по своей мишени. Десять контролеров, по числу соревнующихся, зорко следят за мишенями. Если, скажем, упала мишень стрелка номер три, то противник за таким же номером считается «убитым». Выигрывает та команда, которая поразит больше мишеней, чем противник. По условиям соревнования, каждая команда должна была провести дуэль со всеми остальными. Ленинградцы потерпели поражение только в двух дуэлях и по числу побед вышли на первое место.

Дуэльная стрельба
Фото И. Немнонова

Если добавить, что ленинградцы установили новый командный рекорд в стрельбе стоя, то их триумф надо считать полным.

Прекрасного результата добился москвич Б. Андреев. В стрельбе, носящей название «малокалиберный стандарт», из положения стоя он выбил 96 очков из 100 возможных, что является новым всесоюзным рекордом, превышающим на 3 очка рекорд Новикова. Стреляя с колена, он выбил 98 очков, повторив всесоюзный рекорд Однолеткова, а в стрельбе лежа набрал 98 очков. Сумма «стандарта» у Андреева 292 очка, что на 4 очка превышает рекорд СССР, установленный в прошлом году спартаковцем Л. Макаровым.

Интересно отметить, что средние результаты в сравнении с прошлым годом заметно выросли, хотя наши стрелки продолжают пользоваться не специальными патронами, изготовленными для спортивной стрельбы, как это обычно делается в международных соревнованиях, а обычными армейскими. Между тем малейшая неточность в весе пули или заряда имеет огромное значение для спортивной стрельбы.

А. ВИТ

разгорелась с новой силой: все равно он должен победить.

Коберидзе лег на кожаный диван, заложил руки под голову, закрыл глаза. Шаг за шагом, движение за движением представлял себе Коберидзе своего будущего, последнего противника. Он анализировал, сопоставлял, взвешивал качества и приемы венгра, те, которые ему удалось увидеть самому за эти дни, и те, которые уследили для него друзья и тренеры команды...

И вот борцы сошлись на середине ковра.

Правая рука Коберидзе скользит по локтю, плечу, лопатке венгра. Левая отталкивает также ищущую руку соперника, устремляется в просвет между локтем и телом. Еще мгновенье—и руки встретятся, сомкнутся пальцы. Только острый глаз знатока угадывает, какого напряжения стоит эта на вид скучноватая скрытая борьба. Одного неуловимого движения, незаметного поворота корпуса, секундного промедления достаточно, чтобы сразу оказаться в руках противника, в воздухе, на полу.

Прошло несколько минут, а ни один из борцов не провел еще ни одного приема. Коберидзе уже несколько раз протягивал расслабленные руки венгру, вызывая его на атаку, но осторожный противник не принимал вызова. Все ясно: Ковач ждет приема Коберидзе, чтобы самому накрыть соперника на приеме, выиграть очко—два, ждать новой ошибки и решать в партере. Но и Коберидзе сам ждал его приемов в стойке, сам хотел добиться победы в партере.

Ковач наваливается плечом, грудью, всем телом. Коберидзе не противится. «Ну что ж, иди, иди, схватись, я сам жду твоего приема». Но венгр толкает Коберидзе и отступает назад. «Ага, ты хочешь вымотать меня. Ты знаешь, что я устал в борьбе со шведом. Ты прав! Я очень устал, но не я, а ты останешься без сил».

Ковач снова навалился! Толчок, но вместо тела Коберидзе он находит пустоту и с трудом сохраняет равновесие. «Ну, какого бросать силы на ветер?» Движения венгра медлительны и скупы. «Нет, зачем же? Давай работать в темпе. Ты ведь хотел меня измотать?» Руки Коберидзе обхватывают руки венгра. Сильнее вязать руки, еще сильнее! Тяжелое дыхание борцов слышно в самых дальних уголках зала. Лопатки лоснятся от пота, крупные капли выступили на лбах, текут по лицам. Переминающиеся ноги, ищущие руки, сдвинутые корпусы, каждый мускул натянут до предела, напряжен до отказа.

Свисток. Судья поднимает белый флажок. Первая половина—ничья.

В партере первым вниз идет Коберидзе. Ковач захватывает левую руку Коберидзе, безуспешно пытаясь вытащить ее «на ключ». Вот он обхватывает корпус, надеясь опрокинуть противника на спину. Но что это? Зал разражается восторженным шумом. Молниеносно проведенным контрприемом Коберидзе сам оказывается над венгром. Два очка заработаны.

Ковач снова сверху. Он тяжело дышит, все слабее и слабее его захваты. «Теперь ты убедился, кто из нас устал?»

Свисток. Три минуты прошли. Теперь сверху Коберидзе. Венгр сжался в комок словно улитка. «Раскройся же, раскройся хоть немного. Не хочешь? Так я заставлю тебя!» Коберидзе безвольно расслабляет руки, прерывисто дышит прямо в ухо венгру, дробно стучит дрожащими пальцами по спине противника. «Да, да, пусть тебе покажется, что я без сил, что я боюсь тебя. Испытанное средство первого учителя Коберидзе Петра Денисова действует безотказно. Ковач раскрывается — и вдруг железный обхват, нечеловеческое усилие, венгр повисает в воздухе. Рывок, белым пятном мелькают судьи, зал, потолок — Коберидзе летит через голову на мост, не выпуская Ковача из рук. Ковер обжигает кожу лба, гибкое тело описывает дугу. Перевернуться на бок, поймать тело противника, припечатать к ковру. Венгру удается ускользнуть, но уже до конца он не выходит больше из глухой защиты.

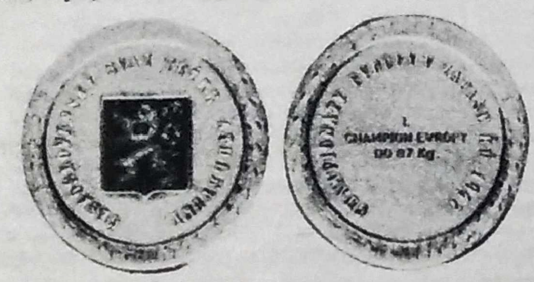
Последние, самые последние четыре минуты в стойке. В атаку! Смять, раздавить, уничтожить деморализованного венгра. Еще одно усилие, один рывок — и пять тысяч зрителей вскакивают со своих мест. Но Коберидзе мучительно, нечеловечески устал, и венгр вырывается, бежит с ковра. Еще и еще, раз за разом Коберидзе продолжает свои яростные атаки. Мир перестал существовать. Большое, грузное и все еще сильное тело вьется, сопротивляется, ускользает из рук. Минуты кажутся вечностью. До победы один шаг, и чего бы это ни стоило, этот шаг нужно сделать...

Резкий звон гонга с трудом доходит до сознания. Трое судей, как один, поднимают красный флажок. Едкий пот заливает глаза, воздух со свистом вырывается изо рта, приветственный грохот зала гулкими ударами отдается в голове, но пьянящее счастье победы разливается, поет, рвется наружу...

Наутро незнакомый фотограф принес ему снимок, сделанный в самый момент победы. На обороте Коберидзе написал:

«Хоть физически очень тяжело, зато морально на душе приятно, легко. Радостно что оправдал доверие Родины.

г. Прага, 14 апреля 1947 г.
После финальной встречи».

Золотая медаль чемпиона Европы по греко-римской борьбе, врученная Константину Коберидзе в Праге

Календарь природы

Июнь

Дм. ЗУЕВ

«В 140 солнц закат
пылал,
В июль катилось лето...»
(В. Маяковский)

Идет июнь. Самое светлое в году время.

Отбушевал молочно-пенный прибой черемух и яблонь. Полегла в саду душистая пороша лепестков. Полетел по воздуху пух одуванчика и тополя.

Ясен чистый хрусталь лазури. На васильковом небе ни облачка.

Жара еще не успела утомить сочную, пахучую, яркую зелень берез. Омытая дождями, лаком блестит под солнцем маслянистая молодая листва. Прыгают по ней, играют зеркально-яркие «зайчики» лучей.

Над цветами порхают бабочки, жужжат пчелы, хлопочут шмели, звенят мухи. Вьется в воздухе тополиный пух.

Теплые порывы ветра валами раскатывают на просторе изумрудные волны высокой ржи и пшеницы.

Красочно - великолепны нескошенные луга и лесные поляны. Все крупнее, пышнее, разноцветнее и душистее букеты. Сладко пахнет земляникой, полынью и красной гвоздикой. Цветами улыбаются лес и поле колхознику, сады и парки—горожанину.

Затравенели тихие пруды. Фарфоровые чашечки девственно-белых кувшинок с огоньками в сердечке, не шелохнув, покоятся на поверхности воды. Грациозно плавают они на воде, будто звезды, ярко белеют на зеленых тарелках пловучих круглых листьев с налетом воска.

У древних славян белые водяные лилии считались талисманом храбрости и назывались одолень-травой. Этот душистый цветок - солнцелюб раскрывается в 7 часов навстречу утренним лучам, как часы, ходит, заглядываясь на солнце, и только под вечер, в 17 часов, закрываясь в зеленый бутон, погружается на короткую ночь июня в воду.

Белые лилии с золотыми язычками — это дальние северные родственники великолепной тропической гигантской кувшинки Виктории-Регии и мифологического лотоса, священного цветка древнего Египта.

А на болоте шелестят камыши. И среди болотных трав в лучах солнца горят золотые граммофончики затейливой формы. Кажется, именно это они сухозвонко трещат, а не синее стекло витающих стрекоз.

Красуются эти великолепные яично-кремовые цветы, стрелки выкинуты кверху из пука ленточных листьев. Шесть лепестков, своеобразно махровых: три крупных — по сторонам, три мелких — кверху. Это цветет нарядный водяной желтый касатик, или сабельник — ирис.

Коротко, но роскошно цветет он у травянистых берегов рек, озер, прудов и болот в июне. И всюду встречается — от Архангельска до Крыма. На колхозные рынки городов целыми корзинами привозят цветы касатика, охотно его раскупают горожане. Касатик ласкает взоры любителей цветов, но никому невдомек, что это мощное растение целиком съедобно в сыром или в вареном виде. Сок касатика целебен: внутреннее лекарство — от водянки; наружное — от зубной боли и золотушных опухолей. Жареные зерна семян касатика очень питательны и вкусны, как кофе.

Как дружно цветет, красная смолевка, розовая дрема, по-народному «сонтрава».

Красные зори — с алыми парусами облаков — тоже выдающаяся особенность ясного июня в годовом круге русской природы.

Солнце заходит... Серпокрылые стрижи заполняют вечернюю голубень высот. Отсиял длинный день. Долго пылает и рдеет колыхающееся зарево июньского заката.

Ясные, тихие вечера. Устали, дня не знает, на зорьке веселится деревенская молодежь. По календарю народной старины, в июне береза — именинница. Древнеславянские веселые «зеленые святки» (от свият — по-славянски родня, предок). Народные гулянки в лугах, хороводы, песни, пляски под гармонь, завивания венков.

С 12 июня начинается фенологически замечательная в жизни растений «соковая пора». Деревья— в соку, травы — в цвету, в прыску, полной зеленой жизнью живут до Ильина дня, по народному календарю, 2 августа.

«Житным колоском давится» кукушка, замолкает, когда ячмень колосится. Кукушкино время истекает. По народному календарю, певчие птицы затихают с 29 июня. Этот день пройдет — и «солнце ходит тише».

Только не лишен права голоса соловей, не унимается, поет до Петрова дня — 12 июля. И как бы на смену смолкающим птицам заиграл летний оркестр кузнечиков. Тонко сверлят ночную тишину неугомонные сверчки, будто в запальчивости точат и точат они серебряную проволоку.

Июнь богат полезными цветами, травами и корнями. Все под руками, щедро одаряет любителей-знатоков зреющая природа. Спеет и непосеянный урожай дикорастущих, — богатое наследие весны.

Пух одуванчика летит по воздуху, клевер покраснел, полный лист на дубу — это уже настоящее румяное лето.

Моды

Шляпа-чалма из фетра с вуалью.

Фетровая шляпа, отделанная пером из фетра.

Новые модели шляп экспериментальной мастерской Главособунивермага. Модели В. Г. Долля.

Полезные советы

В рецептах приготовления блюд обычно указывается вес необходимого количества продуктов и специй. Между тем, весы на кухне — вещь очень редкая. Поэтому мы даем здесь маленькую табличку, показывающую, сколько граммов каких продуктов приблизительно содержится в стакане, столовой и чайной ложке:

	Стакан	Столовая ложка	Чайная ложка
Соль	325	30	10
Сахар-песок	200	25	10
Молоко	250	20	—
Сметана	250	25	10
Уксус	250	15	5
Пшено	220	20	—
Рис	230	20	—
Толокно	140	—	—
Крупа гречневая	210	25	—
» манная	200	25	8
» ячневая	180	20	—

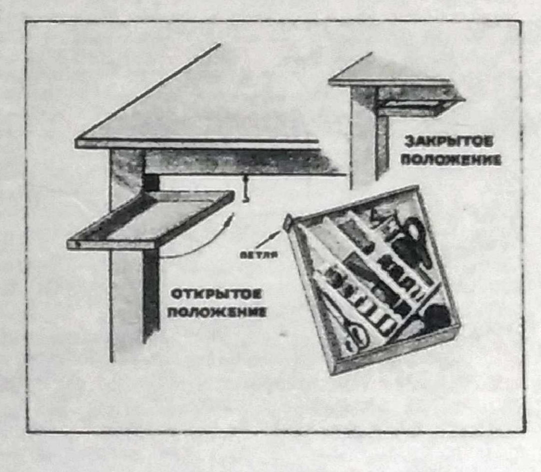
Стакан имеется в виду обычный. Если пользуются стаканом чуть меньшего размера (такими часто бывают простые граненые стаканы), то надо принять во внимание, что в нем помещается на одну пятую продуктов меньше.

* * *

Нельзя срезать цветы ножницами, как это делают многие. Такие цветы быстро увядают даже в вазах с водой, так как ножницы сжимают стебель и по стеблю не поднимается вода. Резать следует острым ножом и лучше не поперек, а немного наискось.

* * *

Если вы хотите узнать, сварено яйцо или оно сырое, завертите его, как волчок, на столе. Вареное яйцо будет вертеться, а сырое немедленно остановится.

К любому столу можно устроить приспособление, заменяющее выдвижной ящик. На помещаемом рисунке показано, как это сделать. Деревянную коробку или ящичек можно прикрепить форточной петлей к ножке стола. Если ящичек глубокий, то нужно приделать две петли. При надобности ящичек легко откидывается вперед, а также убирается в глубь стола.

Такое приспособление удобно тем, что под руками всегда можно иметь принадлежности для рукоделия, бритвенный прибор, карандаши, бумагу, блокнот и прочее.

Для большей устойчивости и чтобы ящик не провисал, к верхней части стола приделайте крючок, который будет поддерживать ящик со стороны, противоположной петле.

Почему мы так говорим

ЛАКОНИЧНЫЙ

«Из сохранившихся до наших дней изречений спартанцев можно составить представление о правилах, которых они держались. Они приучались никогда не раскрывать рта без нужды и говорили только то, что заключало в себе мысль, заслуживающую внимания. Одного спартанца приглашали послушать человека, подражавшего соловьиному пению.

«Я слышал самого соловья, — ответил он...»

Так писал о спартанцах живший в I веке греческий историк Плутарх.

Спарта иначе называлась Лакедемоном, Лаконикой. Отсюда лаконичная речь — краткая, выразительная, подобная речи лакедемонян.

КЛОУН

Слово «клоун» пришло к нам из английского языка. Так назывался шут еще в староанглийских комедиях.

Крестьянство во всех странах было веками закабалено и осуждено на самое тяжелое существование. Отсюда были почти поголовная неграмотность крестьянства, забитость, темнота, невежество и постоянные насмешки горожан над неловкой и наивной деревней.

След этого отношения к крестьянству сохранился и в слове «клоун»: оно происходит от латинского колонус — сельский житель.

И. УРАЗОВ

ШАХМАТЫ

Под редакцией гросмейстера **М. М. БОТВИННИКА**

ХРОНИКА «ОГОНЬКА»

Москва. Чемпионат столицы не дал результата: во главе турнира оказались три мастера — Д. Бронштейн, Г. Равинский и В. Симагин. На протяжении всего турнира не было лидера. Достаточно указать, что за два тура до конца 8 участников чемпионата имели «хорошие» шансы завоевать звание чемпиона столицы.

Стало быть, турнир не смог выявить лучшего шахматиста столицы. Казалось бы, оставалось только ждать чемпионата следующего года. Однако для определения чемпиона был организован матч-турнир между победителями, который принес победу В. Симагину.

В связи с этим нельзя не отметить принципиальное отличие между спортивной борьбой в матчах (когда участники друг с другом играют по нескольку партий) и в турнирах. В турнире победитель должен набрать около 70 процентов очков, в матчах—лишь больше половины. В шахматной истории известны мастера, добивавшиеся блестящих турнирных побед и, тем не менее, беспомощные в матчевой борьбе (например Ф. Маршалл); В. Стейниц, наоборот, был непобедим в матчах и иногда со средним результатом выступал в турнирах.

Поэтому вряд ли правильно, когда чемпион не определился в результате турнира, определять его (после турнира) в матчевой борьбе. Это—примерно то же самое, что определять лучшего спринтера по результату на стайерской дистанции...

Если турнирные таблицы нередко фиксируют случайные итоги, то не лучше ли вообще перейти на матчевую систему?

Ленинград. Чемпионат закончился победой Г. Лисицына и А. Толуша. Матч между ними (из 3-х партий) также закончился вничью.

Буэнос-Айрес. Первые победители турнира в Мардель-Плата сыграли матч-турнир в два круга. Победителем вышел Г. Штальберг (участник Международного турнира в Москве, 1935 г.) — 8 из 10; М. Найдорф довольствовался вторым местом — 6½; эксчемпион мира М. Эйве был четвертым.

Еще до этих турниров Г. Штальберг просил Шведский шахматный союз поддержать его кандидатуру как участника предполагаемого соревнования на первенство мира. М. Найдорф также заявлял о своем «намерении» стать чемпионом мира.

После этого матч-турнира начался матч Эйве—Найдорф на большинство из 14 партий.

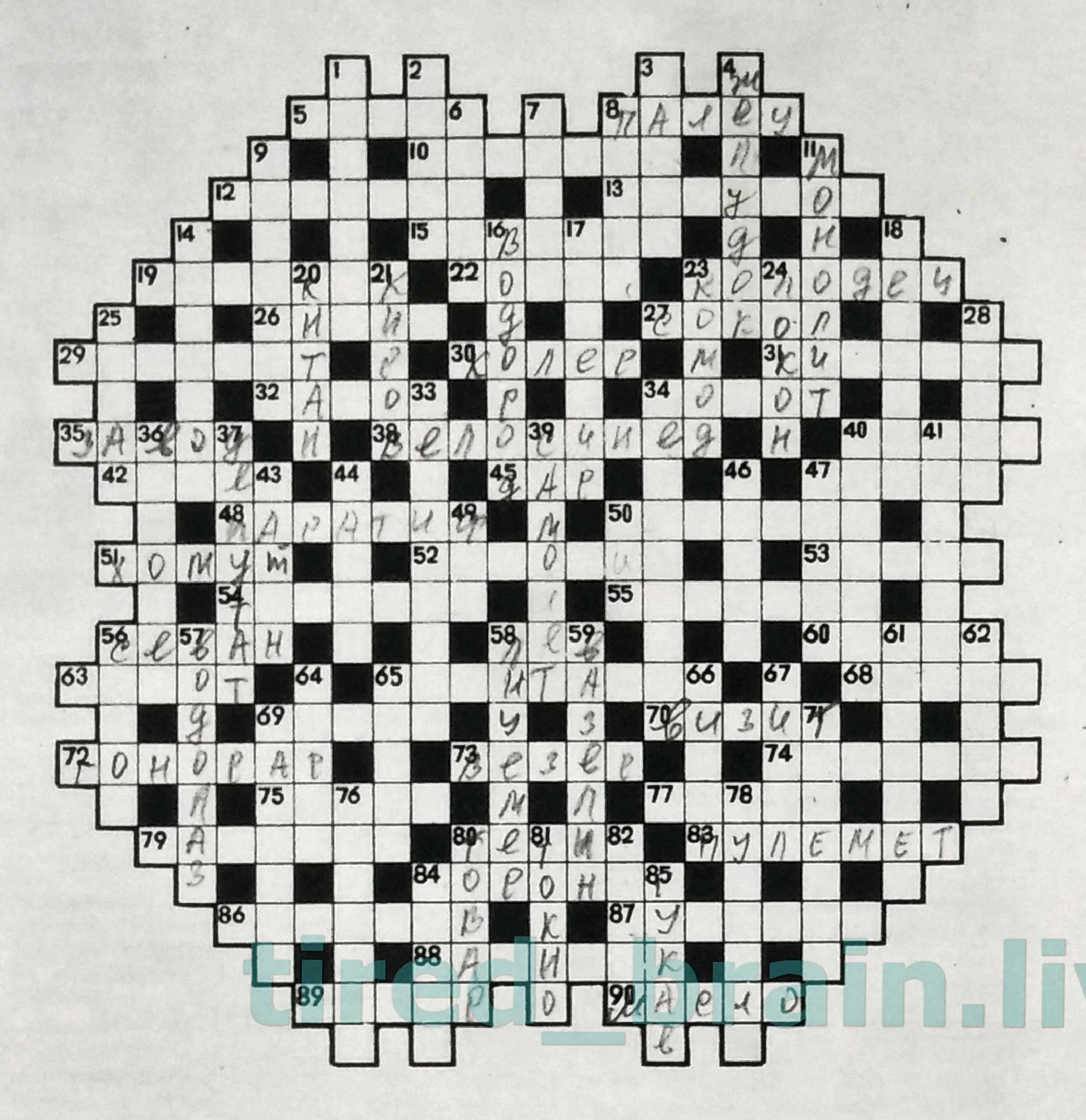
ОТВЕТЫ НА «ВЫ ЛЮБИТЕ ЖИВОТНЫХ?»

(№ 24)

Первый ряд (слева): 1. Среднеазиатская овчарка. 2. Черный пудель. 3. Афганская борзая. **Второй ряд:** 1. Эрдель-терьер. 2. Доберман-пинчер. 3. Сенбернар. 4. Русская борзая. **Третий ряд:** 1. Зырянская лайка. 2. Южнорусская овчарка. 3. Шотландская овчарка (колли). 4. Белый пудель. 5. Боксер. **Четвертый ряд:** 1. Немецкий дог. 2. Жесткошерстный фокстерьер. 3. Ирландский сеттер. 4. Русская гончая. **Пятый ряд:** 1. Кавказская овчарка. 2. Немецкая лайка. 3. Немецкая овчарка. 4. Спаниэль (коккер). 5. Скотчтерьер. **Шестой ряд:** 1. Гладкошерстная такса. 2. Гладкошерстный фокстерьер. 3. Пойнтер. 4. Английский сеттер.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Г. Козеров (Москва)

По горизонтали:

5. Столица государства в Азии. 8. Часть руки. 10. Геодезический прибор. 12. Слово тождественного значения. 13. Художественное произведение. 15. Старинная английская монета. 19. Птица. 22. Наездник. 23. Искусственный водоем. 26. Металл. 27. Птица. 29. Город в СССР. 30. Оттенок краски. 31. Переход жидкости в пар. 32. Аллюр. 34. Человек-автомат. 35. Промышленное предприятие. 38. Средство передвижения. 40. Ящерица. 42. Шахтное сооружение. 45. Подарок. 47. Государство в Азии. 48. Болезнь. 50. Нерудное ископаемое. 51. Часть упряжи. 52. Участник гуситских войн в Чехии. 53. Пляска. 54. Животное. 55. Лицемер. 56. Озеро в СССР. 58. Зверь. 60. Огородное растение. 63. Хищник. 65. Лекарственное растение. 68. Состояние напряжения. 69. Планка для бордюра. 70. Посещение. 72. Оплата за литературный труд. 73. Река в Германии. 74. Любитель музыки. 75. Невнятная речь. 77. Преувеличенное чувство собственного достоинства. 79. Китообразное. 80. Типографский шрифт. 83. Огнестрельное оружие. 84. Город в СССР. 86. Русский полководец. 87. Область в Польше. 88. Математический термин. 89. Город в Индии. 90. Молочный продукт.

По вертикали:

1. Оружие. 2. Область в Африке. 3. Русский писатель. 4. Часть пищеварительного тракта. 6. Город во Франции. 7. Река на Кавказе. 8. Город в Греции. 9. Лингвист. 11. Предмет из одного куска. 14. Город в СССР. 16. Газ. 17. Часть часового механизма. 18. Покровитель искусств. 20. Государство в Азии. 21. Город в СССР. 23. Мебель. 24. Прядь волос. 25. Домашнее животное. 28. Солдат в Индии. 33. Болезнь. 34. Музыкальный термин. 36. Созвездие. 37. Выборный представитель народа. 39. Летательный аппарат. 40. Административная единица в Турции. 41. Крепостная постройка. 43. Шерстяная материя. 44. Острова Тихого океана. 46. Краткое изречение. 47. Судно. 49. Озеро в Африке. 50. Сказание. 56. Афинский законодатель. 57. Подводник. 58. Неискренний человек. 59. Косметическое средство. 61. Горная порода. 62. Рыба. 64. Представитель народности в СССР. 65. Бухгалтерский термин. 66. Ловушка. 67. Остров Малайского архипелага. 69. Шутник. 71. Наука о лечении. 76. Птица. 78. Часть речи. 80. Продукт труда, предназначенный для продажи. 81. Город в Японии. 82. Холодное оружие. 84. Подъемное приспособление. 85. Часть костюма.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 24

По горизонтали:

4. Авианосец. 6. Протон. 8. Штопор. 10. Напор. 11. Квас. 15. Доза. 17. Низами. 18. Ереван. 19. Курс. 20. Вор. 22. Балл. 24. Берет. 26. Луара. 27. Стенд. 29. Табурет. 30. Швейк. 31. Декан. 33. Сноха. 34. Этна. 35. Иран. 36. Винт. 37. Метр. 38. Тобол. 41. Осина. 44. Севан. 45. Караван. 47. Ангар. 48. Чабан. 49. Насос. 50. Семь. 51. Ока. 53. Енот. 54. Курорт. 55. Ветряк. 57. Реал. 58. Рапс. 60. Аркан. 63. Радуга. 64. Лопата. 66. Вандализм.

По вертикали:

1. Зона. 2. Лимон. 3. Осетр. 4. Азот. 5. Цепь. 6. План. 7. Налив. 8. Шофер. 9. Рион. 11. Корунд. 12. Сирена. 13. Катет. 14. Редут. 15. Дайрэн. 16. Арагва. 19. Котангенс. 21. Омут. 23. Лейтенант. 25. Таракан. 26. Левитан. 28. «Демон». 30. Шхуна. 32. Нил. 33. Сто. 38. Таймыр. 39. Оракул. 40. Марк. 42. Столяр. 43. Ананас. 45. Кагор. 46. Нарты. 51. Отара. 52. Аврал. 54. Кадр. 56. Кара. 59. Удав. 60. Агент. 61. Ногин. 62. Тайм. 65. Лазо.

Главный редактор — А. СУРКОВ. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. УРАЗОВА

А — 06491 Подписано к печати 17.VI—47 г. 5½ печ. л. Изд. № 419. Тираж 154 000. Заказ № 1692. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВНУТРЕННИЙ ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ 1938 года

Таблица 54-го тиража выигрышей

Тираж состоялся 25 мая 1947 года в гор. Москве

В 54-м тираже выигрышей Государственного внутреннего выигрышного займа 1938 года выигрыши выпали на следующие номера серий и облигаций во всех четырех разрядах займа:

№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях
00905	1—40	400	19454	31*)	10000	39906	1—40	1000	57481	1—40	400
01011	1—40	1000	20030	1—40	400	40109	1—40	1000	57881	1—40	400
01839	1—40	400	20162	1—40	400	40728	1—40	400	58720	1—40	400
01883	1—40	1000	20522	39*)	25000	41407	1—40	400	58869	1—40	400
02704	1—40	400	21385	06*)	10000	41729	10*)	10000	59105	1—40	400
02780	12*)	10000	21899	1—40	400	42552	1—40	400	59382	1—40	400
03200	1—40	1000	24531	15*)	10000	42920	1—40	400	59573	18*)	10000
04696	1—40	1000	25238	1—40	400	43174	1—40	400	60326	1—40	400
05357	1—40	1000	27108	1—40	400	43637	1—40	1000	60784	1—40	5000
05534	1—40	400	27159	1—40	400	44254	1—40	1000	60952	1—40	400
06469	1—40	400	28482	1—40	400	44269	1—40	400	62306	06*)	10000
07149	1—40	400	28928	1—40	400	44334	1—40	1000	62462	1—40	1000
07590	1—40	1000	29006	1—40	1000	45070	1—40	1000	62736	1—40	400
07644	34*)	10000	29302	1—40	400	45315	1—40	400	64182	1—40	400
08843	1—40	1000	29398	1—40	400	46313	1—40	5000	65471	07*)	10000
09065	38*)	10000	29491	1—40	1000	46924	1—40	1000	65714	1—40	5000
09464	25*)	10000	31633	32*)	25000	47834	1—40	400	66011	1—40	400
10720	1—40	400	31692	1—40	400	48000	1—40	400	66165	1—40	400
10823	1—40	400	31841	1—40	1000	48740	1—40	400	66511	1—40	400
11012	1—40	400	32188	1—40	1000	49056	1—40	400	67318	1—40	1000
11180	1—40	400	32375	1—40	400	49431	1—40	400	67690	1—40	400
11830	10*)	25000	33124	1—40	1000	49541	1—40	1000	68193	1—40	400
11910	1—40	400	33654	1—40	400	50342	1—40	400	68749	1—40	400
12302	1—40	400	33847	1—40	1000	50461	1—40	400	69404	1—40	1000
13084	1—40	1000	34011	35*)	10000	53037	1—40	400	69408	1—40	400
13368	1—40	400	34328	1—40	1000	54295	1—40	1000	69576	38*)	10000
13447	26*)	10000	35085	1—40	400	54567	1—40	400	70222	1—40	1000
14164	1—40	400	35200	1—40	400	54583	1—40	400	71487	1—40	400
14626	1—40	400	35897	1—40	400	55319	1—40	400	72547	1—40	400
16587	10*)	10000	36072	01*)	10000	55369	1—40	400	73171	09*)	10000
16657	1—40	400	36933	34*)	10000	55794	1—40	400	73317	1—40	400
16915	1—40	400	37258	02*)	10000	56236	1—40	400	73534	1—40	400
17915	1—40	400	37697	1—40	400	56413	14*)	25000	73673	1—40	400
18833	1—40	400	38427	1—40	400	56441	37*)	10000	74546	1—40	400
18904	1—40	400	38688	1—40	400	56945	1—40	1000			
19369	1—40	400	39496	1—40	1000	57196	1—40	400			

*) На остальные 39 номеров облигаций этой серии выпали выигрыши по 400 рублей.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСТРУДСБЕРКАСС И ГОСКРЕДИТА.

Цена 3 руб.

Территория Московского станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе превращена в цветущий сад. Здесь посажено около 500 декоративных и фруктовых деревьев, несколько тысяч кустов. На снимке: аллея на заводской территории.

Фото Н. Ситникова (ТАСС)